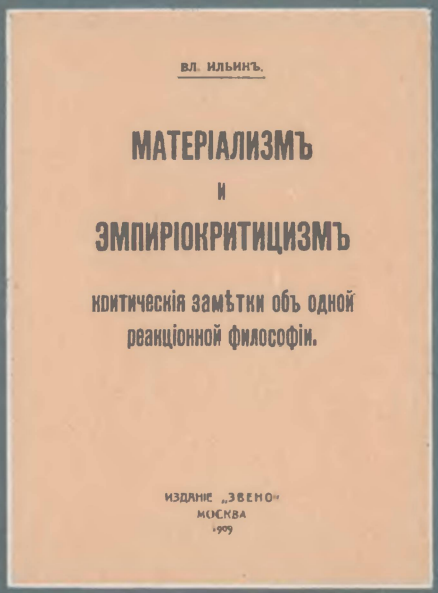
А. И. Володин «БОЙ АБСОЛЮТНО НЕИЗБЕЖЕН»

А.И. Володин

«БОЙ АБСОЛЮТНО НЕИЗБЕЖЕН»



...В настоящих заметках
я поставил себе задачей разыскать,
на чем свихнулись люди,
преподносящие под видом марксизма
нечто невероятно сбивчивое,
путаное и реакционное.

В. И. ЛЕНИН

Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад.

В. И. ЛЕНИН

А. И. Володин

«БОЙ АБСОЛЮТНО НЕИЗБЕЖЕН»

Историко-философские очерки
о книге В. И. Ленина
«Материализм и эмпириокритицизм»

Москва
Издательство политической литературы
1982

13 53
В68

Володин Александр Иванович
В68 «Бой абсолютно неизбежен»: Ист.-филос. очерки о кн. В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— М.: Политиздат, 1982.—192 с.

В книге доктора философских наук, профессора А. И. Володина рассказывается об условиях и причинах написания В. И. Лениным одного из важнейших своих философских произведений, об основных этапах работы над ним, об обстоятельствах его опубликования, о первых читателях и первых рецензентах, о его современном актуальном значении. Автором использован обширный, в том числе и малоизвестный, архивный материал.

Книга предназначена для изучающих марксистско-ленинскую философию.

В $\frac{0302020000—076}{079(02)—82}$ 144—81

13.53
3К24

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *А. Н. Голубев*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 3099

Сдано в набор 13.11.81. Подписано в печать 15.01.82. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4. Условн. кр.-отт. 9,01. Учетно-изд. л. 8,37. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 1738. Цена 35 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

ОТ АВТОРА

«Ну что еще нового, интересного, неизвестного можно сказать сегодня о «Материализме и эмпириокритицизме»? Ведь этому труду Владимира Ильича Ленина посвящены десятки монографий и сборников, сотни статей, опубликованных и в СССР и за рубежом...» — вероятнее всего, именно такой будет первая реакция того, кто возьмет в руки эту книгу.

И верно: в огромной литературе о «Материализме и эмпириокритицизме» во множестве аспектов освещен вопрос о значении этой книги для развития диалектического и исторического материализма, для анализа философских проблем, рожденных современной революцией в естествознании, раскрыто воздействие идей этого труда на судьбы философии марксизма в разных странах. Рассказано и о том, как В. И. Ленин защищал и разрабатывал важнейшие проблемы марксистской теории познания, как он критиковал гносеологию махизма, продемонстрировано значение книги для борьбы против буржуазной философии и философского ревизионизма XX века.

Однако ни одно явление духовной культуры невозможно вполне понять и оценить без знакомства, с одной стороны, с *обусловившим* его возникновение историческим «контекстом», а с другой — с *обусловленными* им, этим явлением, изменениями в данном «кон-

тексте», с воздействием этого явления на другие стороны развивающейся духовной культуры. Поэтому и раскрытие идейного содержания, теоретического значения того или иного философского произведения предполагает тщательное изучение его генезиса, процесса его создания, анализ конкретно-исторических обстоятельств, сопутствовавших его написанию и опубликованию, изучение творческой лаборатории мыслителя при работе его над этим трудом — от первого замысла до окончательного воплощения в книге, а также рассмотрение восприятия этого труда современниками и потомками.

Советские ученые посвятили десятки книг и статей анализу важнейших сочинений классиков марксизма-ленинизма в «контексте» породившей их эпохи. Речь идет о таких произведениях, как «Манифест Коммунистической партии», «Капитал», «Анти-Дюринг». А вот достаточно ли полное и точное представление имеем мы о рождении ленинского труда «Материализм и эмпириокритицизм» в духовной и политической атмосфере начала XX века?

Еще в 20-х годах появились первые публикации, раскрывающие некоторые существенные стороны творческой судьбы этой книги Ленина[1]. В последующие десятилетия исследования в данном направлении были продолжены[2]. Существенно обогатились наши пред-

---

[1] См.: *Деборин А.* К истории «Материализма и эмпириокритицизма».— Под знаменем марксизма, 1927, № 1; *Луппол И.* «Материализм и эмпириокритицизм» в оценке встретившей его критики.— Под знаменем марксизма, 1927, № 1.

[2] См.: *Малахов Р.* Как впервые издавалась книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Книжный фронт, 1934, № 11; Как издавалась книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Книжные новости, 1937, № 2; *Савицкая Р. М.* Из истории написания и издания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Ученые записки Московского биб-

ставления об условиях работы Ленина над «Материализмом и эмпириокритицизмом», о событиях социально-политической и идейной жизни, так или иначе связанных с написанием этой книги и выходом ее в свет, в последние годы. Достаточно сказать, что если в 1947 году в примечаниях к 14-му тому 4-го издания Сочинений В. И. Ленина отмечалось 26 фактов в хронологической канве его работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом», то в 18-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина таких фактов указано уже 62, а во втором томе издания «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» (М., 1971) помещено около 90 справок, раскрывающих творческую судьбу этой книги Ленина. Новые данные, характеризующие процесс создания и восприятия философского труда Ленина, увидели свет в ряде сравнительно недавно опубликованных документальных книг[1].

И все же обстоятельства создания книги «Материализм и эмпириокритицизм», предыстория и история ее

лиотечного института. М., 1960, вып. 6; *Куликов Н. А.* О начальном периоде ленинской критики махизма и богостроительства (1901—1906 гг.).— Философские науки, 1968, № 2; *Поляков А. П.* Критика В. И. Лениным махизма, богоискательства и богостроительства.— Ленин как философ. М., 1969; *Дейч Г. М.* Из истории первого издания работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы истории КПСС, 1969, № 5; *Бакиров У. Н.* Из истории борьбы В. И. Ленина против махизма.— Вопросы философского наследия В. И. Ленина. М., 1970; *Шахназарова К. В.* Новые сведения о ленинских рефератах в 1908 г. и распространении за границей книги «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы истории КПСС, 1975, № 4; *Розенталь И. С.* Из истории распространения книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы истории КПСС, 1979, № 7.

[1] См.: Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969; А. В. Луначарский. Неизданные материалы.— Литературное наследство. М., 1970, т. 82; В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы.— Литературное наследство. М., 1971, т. 80; Архив А. М. Горького. М., 1976, т. 14.

написания и опубликования, отношение к выходу этой работы современников, идейных соратников и противников Ленина, представителей различных идейно-философских течений и политических направлений начала XX века как в России, так и за рубежом — все это нуждается еще в дальнейшем изучении и осмыслении.

Итак, творческая история и исторические судьбы... Если воспользоваться языком современной науки, речь идет о необходимости более конкретного анализа философского произведения Ленина в аспекте так называемого историко-функционального метода: надлежит понять это произведение как «функцию», т. е. как порождение, результат, производную определенных условий, и, с другой стороны, раскрыть, охарактеризовать его функционирование, т. е. воздействие на общественное сознание, политическую борьбу, научное мышление и т. д.

Однако не станем слишком усложнять дело; думается, читателям и без того ясно, что речь идет не только об удовлетворении чисто академического интереса. Не секрет: время от времени наши идеологические противники нет-нет да и выкинут на книжный рынок работу, в которой черным по белому пишется: «Материализм и эмпириокритицизм» — это всего лишь документ партийной, фракционной борьбы внутри российской социал-демократии, поскольку, дескать, Ленину во что бы то ни стало требовалось дискредитировать Богданова, подорвать его влияние среди большевиков...

Как мы отвечаем на это? Подчеркиваем непреходящую ценность идей «Материализма и эмпириокритицизма», раскрываем положительный вклад Ленина в сокровищницу марксистской философии. Все это, конечно, правильно. И вместе с тем это, строго говоря, ответ не совсем на тот вопрос, который противники наши нам «подбрасывают». Действительным ответом

на него было бы всестороннее раскрытие глубокой и очень непростой взаимосвязи между той философско-теоретической деятельностью Ленина, плодом которой явился его «Материализм и эмпириокритицизм», и процессами партийно-политической жизни начала XX века в России и за рубежом, в русской и в международной социал-демократии. При критике и опровержении разного рода вымыслов насчет философского творчества Ленина как прямого рефлекса его политической борьбы вряд ли достаточно ограничиваться лишь характеристикой историко-партийного «фона» появления «Материализма и эмпириокритицизма». Задача состоит в том, чтобы наиболее конкретным образом представить появление этого труда не только как закономерный итог собственно философского и естественнонаучного развития, но и как необходимый результат определенных политических процессов. Иначе говоря, попыткам некоторых современных «марксологов» и ревизионистов принизить общефилософское, научное, а значит, и интернациональное значение «Материализма и эмпириокритицизма» — посредством отнесения этого произведения исключительно к разряду политической публицистики — следует противопоставить научный анализ истории возникновения книги Ленина. Такой анализ должен быть осуществлен прежде всего под углом зрения важнейшей проблемы — *взаимоотношения философии и политики,* причем в первую очередь тех особенностей этого взаимоотношения, которые имеют место в революционном движении, в деятельности марксистской партии.

Опираясь на то, что уже сделано советскими учеными в изучении данного вопроса, и обращая внимание на те факты, которые еще не стали достоянием массового читателя, мы и хотим рассказать об условиях, причинах и мотивах написания Лениным одного из

важнейших его философских трудов, об основных этапах его работы над этим произведением, о тех, кто помогал ему в борьбе с философскими ревизионистами, об обстоятельствах опубликования книги «Материализм и эмпириокритицизм», о первых ее читателях и первых печатных откликах на нее, о характере восприятия ленинских философских идей в начале XX века.

Разумеется, выполнить поставленную задачу в полном объеме мы не можем. И не только по причине недостаточности объема данной книги (что, конечно, играет свою роль) и ограниченности собственных познаний и способностей (что, разумеется, куда более существенно). Дело здесь еще и в другом. «Искусство быть скучным — это сказать все»,— говорил Вольтер, и эти его слова не раз с одобрением повторял Лев Толстой. Вот и автору данной работы очень не хочется, чтобы она оказалась скучной. Поэтому, не претендуя на исчерпывающее освещение поднятого здесь вопроса и оставляя за пределами рассказа множество связанных с ним фактов, соображений, проблем, мы и представляем вниманию читателя следующие небольшие очерки.

И последнее из необходимых предварительных замечаний. В данной работе читатель не только встретится с фактами, взятыми из печатных источников (в том числе и из малодоступных), но и познакомится с некоторыми материалами, почерпнутыми автором из фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС (фонды Л. И. Аксельрод, А. А. Богданова, В. Ф. Горина) и в той или иной степени использованными в ранее опубликованных статьях[1]. Кроме того,

[1] См.: *Володин А. И.* Из истории борьбы против махизма.— Вопросы философии, 1959, № 6; *его же.* Горин.— Философская энциклопедия. М., 1960, т. 1; *его же.* За скупою строкой...— Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замеча-

в книге приводится ряд материалов, которые хранятся в ленинградском Доме Плеханова; они цитируются по диссертации У. Н. Бакирова «Из истории борьбы В. И. Ленина против махизма в России», написанной под научным руководством автора и защищенной в 1970 году в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

тельных людей». М., 1971, т. 8; *его же.* Из истории создания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современность. М., 1980.

I. КАНУНЫ

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» была написана в 1908 году, в период жесточайшей политической реакции, наступившей в стране после поражения первой русской революции. Логика дела требует вроде бы начать наш рассказ об этой работе Ленина с характеристики обстановки, сложившейся тогда в стране и в партии. Но та же самая логика требует и иного — некоторого отступления к более ранним событиям; без этого мы просто-напросто не поймем, почему философский ревизионизм, против которого был направлен труд Ленина, выступил в форме *именно махистского* ревизионизма.

Итак, назад, к Маху? Не слишком ли далеко? Не поискать ли начало все-таки где-нибудь поближе, на почве отечественной?

1. В. В. Лесевич, М. М. Филиппов и другие

Началось это, пожалуй, в 70-х годах прошлого века — с трудов Владимира Викторовича Лесевича, по характеристике Ленина «первого и крупнейшего» российского эмпириокритика [1].

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 51. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте (первая цифра означает том, вторая — страницу).

В книге «Опыт критического исследования основоначал позитивной философии» (1877), выступая вслед за Д. С. Миллем, Ф. А. Ланге и Е. Дюрингом одновременно как против материализма, так и против идеализма, все больше склоняясь от обожаемого им ранее позитивиста Огюста Конта к эмпириокритицизму, Лесевич со всей определенностью приветствовал появление журнала Рихарда Авенариуса «Ежеквартальник научной философии», заявив: «...разработка научной философии находится, таким образом, в надежных руках». Тогда же Лесевич опубликовал и сочувственный разбор этого журнала в «Отечественных записках» (1877, № 7). С этого времени и до конца дней своих Лесевич занимался активной деятельностью по ознакомлению отечественного читателя с «новейшим продуктом» немецкой «научной философии» — эмпириокритицизмом, одной из разновидностей махизма. Ильей Муромцем современной философии называл эмпириокритицизм Лесевич. Работы Маха, по словам Лесевича, представляют «глубокий интерес для всякого неравнодушно относящегося к философским вопросам... Основная мысль Маха — охранение мышления от расточительности своих сил, экономизирование их, сдерживание их от напрасных трат»; Авенариуса Лесевич считал представителем «научной философии», в которую тот провел «принцип экономизации сил, или, точнее, принцип наименьшей траты сил с наибольшей полнотой и систематичностью...» [1].

В качестве пособия для ознакомления читателей с важнейшим трудом Авенариуса «Критика чистого опыта» Лесевич перевел книгу его ученика Ф. Карстанье-на «Введение в «Критику чистого опыта». В предисло-

---

[1] *Лесевич В. В.* Собр. соч. М., 1915, т. 1, с. 454; т. 2, с. 165—166, 179.

вии к этой книге автор свидетельствовал, что сочинения Авенариуса более всего ценятся в Америке, Польше и России, причем молву о его философии в Польшу и Россию несли «слушатели, возвращавшиеся в Россию из Цюриха, куда они выезжали в значительном количестве» [1].

Со временем эмпириокритицизм стал пользоваться в России все большей популярностью. К его идеям обращались и естествоиспытатели вроде, например, физика и математика Н. И. Шишкина (в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин цитирует его статью «О психофизических явлениях с точки зрения механической теории», опубликованную в 1889 году в журнале «Вопросы философии и психологии»), и профессиональные философы наподобие профессора Г. И. Челпанова, напечатавшего в 1898 году в «Киевских университетских известиях» (№ 10) обстоятельный реферат о «Критике чистого опыта» Авенариуса. Разбирая, в частности, этот реферат, редактор журнала «Научное обозрение» М. М. Филиппов в статье «Русская философия в 1898 году» с веским основанием указывал на заметно возросший в России интерес «к изучению немецкой эмпириокритической школы» [2].

Распространению идей махизма весьма способствовал перевод на русский язык произведений его основоположников. В течение сравнительно небольшого промежутка времени были изданы книги Авенариуса «Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил» (Спб., 1898, перевод под ред. М. М. Филиппова) и «Человеческое понятие о мире»

---

[1] *Карстанъен Ф.* Введение в «Критику чистого опыта». Спб., 1898, с. XVII.

[2] Научное обозрение, 1899, № 1, с. 155—156.

(Спб., 1901, перевод под ред. М. М. Филиппова, напечатан в виде приложения к журналу «Научное обозрение», № 9, 10), Маха «Современные взгляды на энергию» (Спб., 1901) и «Популярно-научные очерки» (1901). Кроме того, их произведения печатались и в различных русских журналах.

Широкому проникновению и распространению махизма способствовало также опубликование в русской периодике статей зарубежных приверженцев воззрений Маха и Авенариуса или близких к ним по духу философов. В конце XIX — начале XX столетия были напечатаны следующие работы: *В. Вундт.* Философия и наука (Научное обозрение, 1897, № 8); *А. Риль.* Научная и ненаучная философия (там же, 1901, № 2); *А. Шпир.* Очерки критической философии (Мир божий, 1901, IV); *И. Кодис.* Эмпириокритицизм (Русская мысль, 1901, IX); *М. Кауфман.* Введение в имманентную философию (Научное обозрение, 1903, № 3), и др. Кроме того, на русском языке были изданы книги В. Иерузалема «Введение в философию» (Спб., 1902), В. Вундта «Система философии» (Спб., 1902), Фр. Карстаньена «Рихард Авенариус и его общая теория познания эмпириокритицизма» (1902) и др.

Различного рода изложения и переложения эмпириокритических идей все чаще стали появляться и из-под пера самих русских авторов. В этом отношении особо заметна роль уже упомянутого М. М. Филиппова. В своем журнале «Научное обозрение» он опубликовал статьи: «О философии чистого опыта» (1898, № 5, 6; 1900, № 8), «Психология Авенариуса по неизданным материалам» (1899, № 2, 3), «Новый идеализм» (1903, № 3, 4) и др. Страницы журнала щедро предоставлялись и другим авторам, писавшим об эмпириокритицизме. Так, здесь появилась статья Э. Борецкой

(Рысс) «Имманентная философия и трансцендентная метафизика» (1902, № 5, 7, 8, 9) и др.[1]

Участились и публичные заседания, посвященные воззрениям Маха и Авенариуса. В Московском психологическом обществе были заслушаны рефераты: Н. К. Энгельмейера — о теории познания Э. Маха, П. В. Тихомирова — о теории познания А. Риля, Л. М. Лопатина — о физике-махисте Н. И. Шишкине. Выступая в Петербургском философском обществе в апреле 1898 года с сообщением о философии чистого опыта Авенариуса, М. М. Филиппов, в частности, заявил: «Какова бы ни была зависимость Авенариуса от предыдущих школ и систем, во всяком случае он является признанным главою и основателем новой школы. Учение его должно быть выделено из всех научно-философских направлений под именем, вытекающим из основных положений его главного труда. Философия Авенариуса есть эмпириокритицизм»[2].

Одним словом, на рубеже XIX и XX веков в России имел место своеобразный «махистский десант», подобный тому, который был осуществлен в середине 60-х годов XIX века так называемым первым позитивизмом[3]. В общем потоке русской философии струя эмпириокритицизма становилась все более мощной и заметной.

2. Молодой Луначарский учится у Авенариуса

Мнимая очищенность махизма от философской схоластики, в той или иной степени свойственной иным

[1] Укажем также, что статья И. Лапшина «Эмпириокритицизм» была напечатана в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (Спб., 1904, т. 80, с. 780—781).

[2] Научное обозрение, 1898, № 5, с. 926.

[3] См.: *Шахматов Б. М.* П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981, с. 100—103.

идеалистическим учениям, столь же мнимая, но тем не менее активно навязывавшаяся неразрывная связь его с естественными науками, прежде всего с физикой (сам Мах был крупным физиком), его эмпиризм и относительная доступность — все это прельстило даже некоторых интеллигентов из среды молодой российской социал-демократии. Удивляться тут особенно нечему: в стране, где традиционно господствовали самые мракобесные формы религиозной идеологии, махизм, декларирующий свой надпартийный характер, органическую связь с естествознанием и оппозицию к мистицизму, представлялся как философия сугубо научная и атеистическая.

Некоторые молодые социал-демократы увидели в махизме не только опору для своего личного противоборства с религиозной верой, с догмами православной христианской церкви, но также — и это особенно важно отметить — идеологическое оружие для критики группы бывших «легальных марксистов», вроде Н. Бердяева и С. Булгакова, которые после настойчивых и конечно же несостоятельных попыток «дополнить» марксизм кантианством переходили к откровенно религиозному мировоззрению.

В этой связи особый интерес представляет начальный этап философского развития Анатолия Васильевича Луначарского. В статье «Воспоминания из революционного прошлого» он писал об эволюции своих взглядов: «...меня рядом с революционной практикой интересовала не столько политическая экономия или даже социология марксизма, сколько его философия. И здесь идеи мои не были абсолютно чисты. В последних классах гимназии я сильно увлекался Спенсером и пытался создать эмульсию из Спенсера и Маркса. Это, конечно, не очень-то мне удавалось, но я чувствовал, что необходимо подвести некоторый серьезный

позитивный философский фундамент под здание Маркса. Мне было ясно также, что фундамент этот должен находиться в соответствии с теми немногими, но гениальными положениями, которые установлены самим Марксом в его, скудном страницами, но богатом содержанием, философском наследии». И далее: «Знакомство с доктором философии Бернского университета Новиковым (речь идет о русском позитивисте В. В. Новикове.— *А. В.*), много рассказывавшим мне о цюрихском профессоре Авенариусе, и чтение, по его указанию, сочинений Лесевича, посвященных этому философу, вызвали во мне живейший интерес к эмпириокритицизму. Вот почему ко времени окончания гимназии у меня твердо установился план... уехать в Цюрих, чтобы стать учеником Аксельрода (речь идет о члене группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельроде.— *А. В.*), с одной стороны... Авенариуса — с другой» [1].

В 1895—1896 годах двадцатилетний Луначарский слушает в Цюрихе курс Авенариуса по психологии и участвует в двух его семинарах — по философии и биопсихологии. «В лекциях, трудах и на семинарах Авенариуса,— писал Луначарский впоследствии в «Автобиографической заметке» (1907),— я нашел определение основ моего философского миросозерцания. Особенно интересны и важны были для меня те стороны учения Рихарда Авенариуса, которые давали обоснование биологической теории оценки. Теория элементов и характеров, экономический закон в познании и эстетике, теория аффекта пола — все это было откровением для меня. Широчайшие перспективы начали открываться передо мною, я предугадывал синтезы, на-

---

[1] *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 18—19.

полнявшие меня счастливой тревогой. Не имеют ли все оценки: грубо чувственные, утилитарные, эстетические, этические — один и тот же корень? Не разновидность ли это единой биологической оценки — начало которой в способности нервной клетки к положительным и отрицательным ощущениям и разряжениям, а вершина — дуализм зла и блага? Не открывает ли именно эстетика самой глубокой сущности биологического факта оценки? А подходя с этой точки зрения к моей «вере», к научному социализму, я уже предчувствовал, что он неразрывно связан в плоскости оценки и идеала со всем религиозным развитием человечества, что он самый зрелый плод этого дерева, разросшегося все из того же корня — первоначальнейших страдания и наслаждения. Все важнейшие вопросы, ответить на которые я считаю делом моей жизни, наметились для меня уже тогда, т. е. в 1895—96 годах» [1].

Позже в автобиографии (1926) Луначарский, отмечая большую роль П. Б. Аксельрода в деле усвоения им марксизма, который, по признанию Луначарского, был у него к тому времени засорен стремлением примирить учение Маркса с учением Спенсера, писал: «Но, в то же время, не менее сильное влияние, чем Аксельрод, оказывало на меня учение Авенариуса, казавшееся мне естественным гносеологическим дополнением к марксизму. К тому же времени относится мое знакомство с Плехановым. Под его влиянием я занялся изучением великих немецких идеалистов и Фейербаха, но, несмотря на его строгую критику, остался и учеником Авенариуса. Некоторая слабость его критики объяснялась тем, что сам он с философией Авенариуса был знаком весьма поверхностно» [2].

---

[1] Литературное наследство, т. 82, с. 550—551.
[2] Там же, т. 80, с. 737.

Сама возможность увлечения Луначарского философией чистого опыта объясняется, помимо всего прочего, тем, что объективно с критикой воззрений Маха и Авенариуса со стороны материалистов, как выражался В. Д. Бонч-Бруевич, «несомненно было сильно опоздано»[1]. В. Д. Бонч-Бруевич свидетельствовал об определенном равнодушии тогдашних социал-демократических теоретиков к распространению махистских идей. В эмигрантских кружках в начале 90-х годов, на рефератах в Цюрихе, Берне, Женеве не раз ставились вопросы о философии Авенариуса. Но ни Плеханов, ни Л. И. Аксельрод (Ортодокс), ни Роза Люксембург (она жила тогда в Цюрихе), ни Я. Тышка (Грозовский) на такие вопросы обыкновенно не отвечали. За десять лет — с 1896 (в этом году Авенариус умер) до 1905 — социал-демократами не было прочитано ни одной лекции об Авенариусе, а многие его слушатели и ученики, главным образом из числа русских студентов, «делали свое дело, энергично транспортируя в Россию идеи новой философии»[2].

Обучаясь в Цюрихском университете, Луначарский пришел к выводу, что ему удалось привести в полное согласие «наиболее последовательный и чистый вид позитивизма с философскими предпосылками Маркса». Эмпириокритицизм Луначарский воспринял в качестве «самой лучшей лестницы» в философии к «твердыням, воздвигнутым Марксом»[3].

Философией Луначарский продолжал заниматься и по возвращении в Россию — в московской Таганской тюрьме, в Киеве (1899), где прочитал несколько рефератов на философские темы, во время ссылки в Калугу (1901) и особенно во время вологодской ссылки, ко-

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* Избр. соч. М., 1961, т. 2, с. 351.
[2] Там же.
[3] *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления, с. 20.

гда основным объектом его критики стало религиозное поветрие среди бывших «легальных марксистов», выступивших со сборником «Проблемы идеализма» [1]. В Вологде в это время среди довольно многочисленной группы ссыльных (А. А. Богданов, Б. В. Савинков, А. М. Ремизов, П. Е. Щеголев, С. А. Суворов и другие) находился и склонявшийся тогда к идеализму религиозного толка Н. А. Бердяев. Стремясь противостоять его сильному влиянию, Луначарский, по его собственному свидетельству, «выступал в качестве главного застрельщика борьбы против идеализма» [2]. В публикациях, относящихся к этому времени, он проявил себя как решительный пропагандист идей эмпириокритицизма, которым он все более придавал богостроительскую окраску.

Так, в статье «Основные идеи эмпириокритицизма», анализируя воззрения Маха и Авенариуса, он писал, что «первоучителями» эмпириокритицизма одновременно явились «два гениальных мыслителя, обладавших одним общим даром и до чрезвычайности разнородных во всем остальном.

Общим даром Рихарда Авенариуса и Эрнста Маха является *гениальная простота непосредственного воззрения на вещи.* Они сумели отрешиться от всех философских и мнимонаучных предпосылок, отбросить путы схоластических сетей, сотканных поколениями заблуждавшихся великих умов, подойти к мировым загадкам с юношеской свежестью, несокрушимой смелостью и детской непосредственностью... Заслуги Маха перед научной методологией и философией огромны,

---

[1] См.: *Луначарский А. В.* Проблемы идеализма с точки зрения критического реализма.— Образование, 1903, кн. 2; *Кохно И. П.* Вологодская ссылка Луначарского.— Литературное наследство, т. 82.

[2] Литературное наследство, т. 80, с. 738.

но для полного ознакомления с эмпириокритицизмом знакомства с одним Махом недостаточно.

Совсем другое дело Авенариус. Это несколько тяжеловатый систематик, полный несколько педантичной основательности и чисто немецкой аккуратности. Гениальная простота его воззрения прячется у него к некоторой невыгоде для дела за тяжелым вооружением своеобразной терминологии и тяжеловесным изложением, напоминающим геометризм Спинозы» [1].

В 1904 году в статье «Метаморфоза одного мыслителя» Луначарский утверждал, что «немецкая философия в лице Авенариуса, а затем Вундта, пришла к формулировке задач синтетической научной философии, очень похожей на спенсеровскую» [2], причем особая заслуга Авенариуса состоит в том, что он пошел навстречу наиболее философским умам среди физиков и физиологов, самостоятельно нашедших тот же путь (например, Мах, Оствальд).

И далее — в духе богостроительства: «...пишущий эти строки, отнюдь не возлагая, конечно, ответственности за свои личные мнения на ту социально-философскую школу, к адептам которой он с гордостью себя причисляет, должен заявить, что ничего не имел бы против выражения «позитивная религия», всеми силами протестуя против «позитивной метафизики», этого «деревянного железа».

Мы лично склонны понимать под *религиозным чувством* чувство связи между личностью и разными великими средами: национальностью, партией, человечеством, космосом, чувство принадлежности к некоторой высшей индивидуальности; а под религиозной философией — исследование происхождения и эволюции

---

[1] Образование, 1904, № 10, отдел II, с. 58—59.
[2] Правда, 1904, март, с. 183, 185.

сверхиндивидуальных чувствований и их эстетическую и социально-биологическую (что в сущности одно и то же) оценку» [1].

Отсутствие на русском языке главного (по словам Луначарского, гениального) произведения Авенариуса — «Критика чистого опыта» он считал «громадным, незаменимым пробелом в русской философской литературе» [2].

3. Как Ленин отнесся к первым работам Богданова

Процесс приобщения к идеям эмпириокритицизма другого крупного махиста из среды социал-демократов — А. А. Малиновского (Богданова) был несколько более сложным. В. И. Ленин отмечал: «За девять лет, с 1899 по 1908 год, Богданов прошел четыре стадии своего философского блуждания. Он был сначала «естественноисторическим» (т. е. наполовину бессознательным и стихийно-верным духу естествознания) материалистом. «Основные элементы исторического взгляда на природу» носят на себе явные следы этой стадии. Вторая ступень — модная в конце 90-х годов прошлого века «энергетика» Оствальда, т. е. путаный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм. От Оствальда (на обложке «Лекций по натурфилософии» Оствальда стоит: «посвящается Э. Маху») Богданов перешел к Маху, т. е. перенял основные посылки субъективного идеализма, непоследовательного и сбивчивого, как вся философия Маха. Четвертая стадия: попытки убрать некоторые противоречия махизма, создать подобие объективного идеализма» (18, 243).

---

[1] Правда, 1904, июнь, с. 137.
[2] Образование, 1904, № 10, отдел II, с. 59.

Уже первые работы Богданова вызвали у Ленина определенный интерес.

Сам Ленин интересовался философией с первых шагов своей революционной деятельности. Изучение им основных философских трудов Маркса и Энгельса, их учеников и последователей (прежде всего Плеханова), классиков домарксистской философии было неразрывно связано с пропагандой и защитой философских идей марксизма в борьбе против либеральных народников, «экономистов», «легальных марксистов», меньшевиков, с критикой философского ревизионизма в рядах российского и международного рабочего движения. В письме Горькому от 25 февраля 1908 года Ленин писал: «...следил я всегда за нашими *партийными* прениями по философии внимательно,— начиная с борьбы Плеханов против Михайловского и К° в конце 80-х и до 1895 года, затем борьба его же с кантианцами 1898 и след. годы (тут уже я не только следил, но частью и участвовал, как член редакции *«Зари»* с 1900 года), наконец, борьба его же с эмпириокритиками и К°» (47, 141). И далее: «За сочинениями Богданова по философии я следил с его энергетической книги об «Историческом взгляде на природу» [1], каковую книгу штудировал в бытность мою в Сибири» (47, 141).

О философских занятиях Ленина в Сибири мы знаем как из его писем, так и из воспоминаний о нем — в частности Крупской и Ленгника. Н. К. Крупская свидетельствовала, что «философия для Владимира Ильича была тоже орудием борьбы, и еще в Сибири он чрезвычайно много занимался вопросами философии... Он придавал занятиям по философии чрезвычайно большое значение. Ему приходилось

[1] Речь идет о книге Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899).

спорить с т. Ленгником по некоторым философским вопросам, и он тогда подчеркивал, что философия нужна для того, чтобы найти правильный подход к оценке всех явлений» [1].

Ф. В. Ленгник в статье «Письма В. И. Ленина по вопросам философии, писанные мне в 1898—1899 годах», вспоминал: «В сибирской ссылке я стал интересоваться вопросами философии и, между прочим, также философией Юма и Канта... Владимир Ильич, вероятно от товарищей, узнал об этих моих увлечениях, и у нас с ним завязалась чрезвычайно оживленная переписка по философским вопросам. Я старался его обратить в свою веру, излагая ему поэтическую красоту кантовской «Критики практического разума», а иногда ударялся в крайний скептицизм, опираясь на Юма и его блестящего ученика Шопенгауэра, который тоже привлек мое скучающее в ссылке внимание. В своих ответных письмах Владимир Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определенно выступил решительным противником и юмовского скептицизма и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса... Через несколько уже писем Владимира Ильича я был поколеблен до самого основания. Я бросил своих идеалистических философов и устремился к изучению философии марксизма, для которой мои увлечения были уже далеким-далеким прошлым. «Анти-Дюринг» стал моей настольной книгой...» [2]

В сибирской ссылке Ленин начал изучать и Гегеля [3].

---

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1979, с. 54.

[2] Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1979, т. 2, с. 63—64.

[3] См.: *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 92; Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 66 (свидетельство П. Н. Лепешинского).

Итак, уже в 90-х годах, в Сибири, Ленин обратил внимание на одно из первых философских сочинений Богданова («штудировал» его), причем выраженная в нем позиция Богданова, как оценил ее Ленин впоследствии, «была лишь переходом к другим философским взглядам» (47, 141).

В неопубликованной статье «А. А. Богданов (Малиновский) как мыслитель. 1873—1928» (1928) один из его философских сподвижников, В. А. Базаров, свидетельствовал: «Философские работы Богданова не встретили в среде русской социал-демократии того единодушного признания, каким пользовался его труд по политической экономии. Правда, Ленин, находившийся в момент опубликования «Основных элементов» в Сибири, отнесся к этой книге очень положительно и горячо рекомендовал ее своим товарищам по ссылке. Но зато Плеханов, философский авторитет которого стоял очень высоко в глазах огромного большинства русских революционных марксистов, сразу же отметил принципиальные расхождения между своим пониманием учения Маркса и той интерпретацией, которую дал историческому материализму А. Богданов».

В действительности, конечно, дело обстояло не совсем так, как изображал его Базаров. Но в этом его свидетельстве зафиксирована, хотя и в превратной форме, довольно сложная ситуация внутри российской социал-демократии «по поводу» взглядов и произведений Богданова.

В 1898 году Ленин выступил в журнале «Мир божий» (№ 4) с положительной рецензией на богдановскиий «Краткий курс экономической науки» (1897) (см. 4, 35—43). Год с лишним спустя в письме к Д. И. Ульянову (20 июня 1899 года), одобрительно оценивая выступление Плеханова против Бернштей-

на, Ленин писал о том, что его заинтересовала книга Богданова «Основные элементы исторического воззрения на природу», а вот рецензия на нее в журнале «Начало» написана, по его словам, «крайне вздорно, с важничающими фразами и с умолчанием о существе дела» (55, 166). 27 июня 1899 года, делясь с А. Н. Потресовым своими впечатлениями о новейших философских веяниях в русской литературе и в этой связи давая довольно резкую оценку неокантианству, Ленин пишет: «По тому же вопросу крайне заинтересовала меня рецензия в № 5 «Начала»... на книгу Богданова. Не понимаю, как мог я пропустить объявление о выходе этой книги. Выписал ее только теперь. Я уже по первой книге Богданова заподозрил мониста, а заглавие и содержание второй книги усиливают мои подозрения. И как же неприлично-бессодержательна и неприлично-надменна эта рецензия! Ни слова по существу и... выговор за игнорирование кантианства, хотя из слов самого рецензента видно, что Богданов не *игнорирует* кантианства, а *отвергает* его, стоя на иной точке зрения в философии...» (46, 31).

В 1902 году, уже находясь за границей, Ленин интересуется философскими спорами среди ссыльных в Вологде, в которых участвует и Богданов. 18 февраля он пишет Л. И. Аксельрод: «Из Вологды (где сидят Бердяев и Богданов) сообщают, что ссыльные там усердно спорят о философии и Бердяев, как наиболее знающий, «побеждает», по-видимому» (46, 171). Но об этом мы расскажем чуть позже.

А пока обратимся вновь к ленинскому письму Горькому от 25 февраля 1908 года. Ленин пишет, что в период совместной работы с Плехановым они не раз беседовали о Богданове: «Плеханов разъяснял мне ошибочность взглядов Богданова, но считал это уклонение отнюдь не отчаянно большим» (47, 141).

Плеханов смотрел на Богданова как на союзника в борьбе с ревизионизмом (Ленин имеет в виду конечно же неокантианский ревизионизм Бердяева, Булгакова, Струве и им подобных), но союзника, ошибающегося постольку, поскольку в философии он идет за Оствальдом и далее за Махом.

Известно, что наиболее тесная совместная деятельность Ленина и Плеханова относится к периоду 1900—1903 годов. В это время они были заняты подготовкой II съезда партии, налаживанием и изданием газеты «Искра». По сохранившимся письмам Плеханова к мюнхенской части редакции «Искры», т. е. фактически к Ленину, видно, что в конце 1901 года у издателей «Искры» было намерение печатно откликнуться на одну из книг Богданова[1].

В примечаниях к этим письмам редакция Ленинского сборника III писала, что речь шла о книге Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу» (Спб., 1899)[2]. Однако скорее всего имелась в виду другая книга Богданова, проникнутая уже в значительной степени махистскими идеями, а именно «Познание с исторической точки зрения» (Спб., 1901).

Весьма маловероятно, чтобы редакция «Искры» в конце 1901 года имела намерение рецензировать работу Богданова 1899 года, когда уже вышла новая его книга, еще осенью 1901 года ставшая достоянием русской читающей публики. Так, в октябрьской книжке «Русской мысли» была опубликована (кстати говоря, весьма едкая) рецензия на эту книгу. В рецензии, в частности, говорилось: «Самой характерной

[1] См.: Ленинский сборник III, с. 269—271.

[2] См там же, с. 270. Это же предположение воспроизведено и в примечаниях к 1 тому «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова» (М., 1973, с. 324).

особенностью книги А. Богданова служит то, что он распространяет энергетический метод на все сферы опыта, в том числе и на область сознания во всех его проявлениях — как элементарных, так и очень сложных...» Отмечая, что по отношению к Авенариусу и Рилю Богданов занимает критическую позицию и всячески подчеркивает свой антидуализм, рецензент заключал: «Во всяком случае, книга г. Богданова является продуктом вполне последовательного мировоззрения — но предпосылки ее очень спорны и шатки» [1].

Плеханов в вышеуказанных письмах оценивал философию Богданова как *«решительное отрицание материализма»* [2]. Между тем его «Основные элементы исторического взгляда на природу», по авторитетным словам Ленина, еще не были идеалистическим произведением (18, 53, 243). Так что, по-видимому, речь у Плеханова шла именно о книге Богданова, изданной в 1901 году.

Известно, что первоначально рецензию на работу Богданова должна была написать Л. И. Аксельрод[3], уже имевшая некоторый опыт выступлений по философским вопросам[4].

Однако случилось так, что за подготовку рецензии взялся сам Плеханов. 16 ноября 1901 года он писал в

[1] Русская мысль, 1901, октябрь, с. 315—316. Рецензия на эту книгу Богданова была опубликована также в журнале «Мир божий» (1901, № 10).

[2] Ленинский сборник III, с. 273.

[3] При комментировании письма Плеханова к Л. И. Аксельрод от 22 октября 1901 года, в котором он писал об отправлении ей книги Богданова, редакция «Литературного наследия Г. В. Плеханова» указывает, что «речь идет, вероятно, о книге А. Богданова «Познание с исторической точки зрения» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. I. М., 1934, с. 348—349).

[4] См., например: *Аксельрод Л.* Опыт критики критицизма.— Научное обозрение, 1900, № 12.

Мюнхен: «А с рецензией Л. И. Аксельрод о книге Богданова вышла путаница. Я написал ей на днях письмо с просьбой прислать мне рецензию: Вы, мол, наверное уже написали ее (книга давно уже ей послана). А она отвечает: «товарищ Берг [Мартов] и Фрей [Ленин] сказали мне в Цюрихе, что ранее января... рецензия не понадобится. А теперь у меня умер отец, я расстроена и взяться за рецензию не смогу раньше недели». Тогда я немедленно затребовал книгу и получил ее. Теперь сажусь ее читать. Это дело *двух,* самое большее *трех* дней. В два дня, по окончании чтения, рецензия будет написана. Хотите ли Вы этого? Иначе сказать: *дорожите ли* Вы этой рецензией и *не поздно ли?* Если — дорожите, и если не поздно, то пишите сейчас же. В ожидании Вашего ответа я буду читать книгу Богданова. *Если* Вы напишете, что рецензии писать *не надо,* то я опять перейду к работе над программой, за которую я уже взялся. *Решайте, как мне поступить*» [1].

Вскоре, убедившись в антиматериалистической направленности работы Богданова, Плеханов пришел к выводу, что «заметкой дело не обойдется» и что задача отстаивания материализма требует написания о Богданове «целой статьи»[2]. По каким-то причинам это намерение Плеханова оказалось неосуществленным.

4. «Новая разновидность ревизионизма»

Между тем идеи махизма получали среди социал-демократов все большее распространение.

Об этом свидетельствовали, в частности, и сведения, доходившие из Вологды. Там в 1902—1904 годах

---

[1] Ленинский сборник III, с. 271.
[2] См. там же, с. 273.

развернулась острая полемика по философским вопросам между ссыльными социал-демократами и бывшим «легальным марксистом» Бердяевым. При этом со стороны Богданова, Луначарского[1] и некоторых других социал-демократов полемика велась с использованием аргументов, заимствованных из философии Маха и Авенариуса. Именно эмпириокритическая философия представлялась им самой научной, и только на ее основе, по их мнению, можно было вести борьбу против засилья религиозной идеологии.

Член Вологодской социал-демократической организации И. Е. Ермолаев (Вологжанин) в своих воспоминаниях отмечал, что Луначарский успешно воевал в Вологде с Бердяевым и его последователями: «Помню, что после одного блестящего диспута Анатолий Васильевич, оперировавший против идеалистов идеями знаменитого философа Э. Маха, эффектно закончил свою речь шутливой фразой: «Единым Махом — семерых побивахом»[2].

Будучи в вологодской ссылке, Луначарский подготовил книги: «Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярном изложении А. Луначарского» (М., 1905), «Очерки критические и полемические» (1905), а также опубликовал статьи: «К вопросу о познании. Теория познания» («Русская мысль», 1903, № 3), «Идеалист и позитивист как психологические типы» («Правда», 1904, № 1), «Метаморфоза одного мыслителя» (там же, № 3, 5, 6) и др.

В неопубликованном письме В. Г. Сорину о своем пребывании в Вологодской ссылке в 1901—1904 годах

---

[1] Богданов и Луначарский одновременно находились в ссылке в Вологде (1902—1904 годы). Сестра Богданова — Анна Александровна Малиновская — была первой женой Луначарского.

[2] *Ермолаев И. Е.* Мои воспоминания.— Север, Вологда, 1923, кн. 3-4, с. 10—11.

Богданов писал, что вскоре после его приезда туда «выступил с философским докладом в духе критического позитивизма С. А. Суворов [1], работавший там в статистике. Бердяев ему оппонировал, я Суворова поддерживал. Затем я сделал ряд докладов об историческом материализме (большая часть была в журналах, а потом в сборнике «Из психологии общества»)».

Действительно, в эти годы Богданов опубликовал ряд статей и рецензий, содержащих критику идеологов движения от «легального марксизма» к религиозному мистицизму. Так, в статье «Отзвуки минувшего», анализируя сборник статей С. Н. Булгакова «От марксизма к идеализму» (1903), Богданов писал: «Между *теоретическим убеждением* и *верою* существует глубокое принципиальное различие... Разница тут не просто количественная, а «качественная», и заключается она в том, что вера есть дело не только познания, но также *воли,* и даже главным образом воли. Теоретическое убеждение говорит: на основании таких-то фактов и доказательств, я *думаю* так-то; вера говорит: мне не важны ни факты, ни доказательства — я чувствую, что это так»[2].

В первые годы XX века Богдановым были написаны проникнутые духом эмпириокритицизма статьи: «Что такое идеализм?» (Образование, 1901, XII), «Развитие жизни» (там же, 1902, III, IV, V), «Авторитарное мышление» (там же, 1903, IV, V, VI), «О проблемах идеализма» (там же, 1903, III), «В поле зрения» (там же, 1903, XI), «Отзвуки минувшего» (там же, 1904, I), «О пользе знания» (Правда, 1904, I), «Философский кошмар» (там же, 1904, IV), книга «Из психологии общества» (Спб., 1904).

[1] Один из будущих авторов махистского сборника «Очерки по философии марксизма» (1908).

[2] *Богданов А.* Из психологии общества. Спб., 1904, с. 191.

Именно в это время была создана и первая часть его основного философского труда — «Эмпириомонизм». «Эмпириокритицизм,— писал Богданов,— есть современная форма позитивизма, развившаяся на почве новейших методов естествознания, с одной стороны, новейших форм философской критики — с другой. Это философское течение нашло себе самых видных выразителей в Эрнсте Махе и Рихарде Авенариусе, из которых первый формулировал его с особенной ясностью и прозрачностью, второй — с особенной полнотой и точностью. Оно привлекает к себе все больше сторонников среди молодых представителей науки и философии, как на кафедре, так и вне ее оно оказывает все большее влияние на научное и философское развитие нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее влияние признают даже противники эмпириокритицизма» [1]. По Богданову, эмпириокритицизм является «глубоко прогрессивным» течением и представляет собой «мировоззрение, с одной стороны — глубоко обоснованное на приобретениях современной науки, с другой стороны — очень увлекательное по своей простоте и ясности. Оно с трудом укладывается в рамки обычных философских определений»[2].

Важнейшим аргументом русских махистов за эмпириокритицизм явилось их мнение о том, что в ряде принципиальных вопросов марксизм и махизм сходятся. «Там, где Мах обрисовывает связь познания с социально-трудовым процессом,— писал Богданов,— совпадение его взглядов с идеями Маркса становится порой прямо поразительным»[3].

И это не случайное высказывание, а вполне отчетливое убеждение. В 1904 году Богданов писал:

---

[1] *Богданов А.* Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. I. 3-е изд. М., 1908, с. 6.

[2] Там же, с. 8, 18.

[3] Там же, с. 8.

«За последние полвека на сцену выступили две новые философские школы, связанные с именами К. Маркса и Э. Маха. Философы-«специалисты», с высоты своих сверхгималайских абстракций, просто не замечают этих школ, но здесь внизу они растут и крепнут и завоевывают все больше влияния на умы земных людей, особенно первая. Хотя даже вожди этих школ иногда позволяли себе пококетничать со старой схоластикой, но одна из характернейших черт их обеих заключается в том, что они создали возможность чрезвычайно простой и «популярной» постановки «трудных» проблем философии, а некоторые, и притом из самых «труднейших» проблем, торжественно упразднили за доказанной их бессмысленностью. Естественно, что обе школы вынуждены были объявить жестокую войну всякой схоластической китайщине, каковую войну они и ведут весьма энергично, но пока отдельно одна от другой.

Я имею честь принадлежать к первой из этих философских школ, но, работая в ее направлении, стремлюсь, подобно некоторым моим товарищам, гармонически ввести в идейное содержание этой школы все, что есть жизнеспособного в идеях другой школы» [1].

Широкая пропаганда идей махизма социал-демократами, доказывавшими их совместимость с марксизмом, более того — необходимость дополнения социологии Маркса гносеологией Маха и Авенариуса, все более растущая популярность Богданова[2], Луначар-

---

[1] *Богданов А.* Замечания автора статьи «Философский кошмар».— Правда, 1904, август, с. 174.

[2] Любопытный штрих: по данным проведенного в 1903 году опроса 933 учащихся средних учебных заведений, Богданов назван одним из наиболее читаемых авторов по общественным и гуманитарным наукам (см.: *Левин К.* Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь.— Мир божий, 1903, XI и XII).

ского и других философов-махистов, выступавших как бы от имени революционной социал-демократии, не могли не беспокоить Ленина.

Представляется вполне достоверным свидетельство Л. И. Аксельрод о том, что всего лишь полтора года спустя после описанного случая с нереализованным намерением критики Богданова на страницах «Искры», а именно в первой половине 1903 года, В. И. Ленин говорил ей о необходимости публичной критики философских взглядов Богданова. В ноябре 1904 года Аксельрод писала: «Приблизительно года полтора тому назад Ленин обратился ко мне с предложением выступить против новой «критики» марксовой теории, выразившейся в сочинениях г. Богданова. Совершенно справедливо усматривая в сочетании эмпириокритицизма с материалистическим объяснением истории новую разновидность буржуазно-«критических» стремлений, Ленин энергично настаивал на том, чтобы я немедленно занялась оценкой этого течения. Он говорил мне при этом, что он обращался с этим предложением к Плеханову, но что Плеханов, вполне разделяя необходимость такой работы, тем не менее, отказался от нее вследствие более насущных и более неотлагательных партийных занятий» [1].

Действительно, весной — летом 1903 года Ленин и Плеханов активно обсуждали вопрос о необходимости выступления против махистского ревизионизма. В письме Горькому от 25 февраля 1908 года Ленин свидетельствовал: «Превосходно помню, что летом 1903 года мы с Плехановым от имени редакции *«Зари»* беседовали с делегатом от редакции «Очерков реалистического мировоззрения» в Женеве, причем *согласились* сотрудничать, я — по аграрному вопросу,

---

[1] Искра, 1904, № 77.

Плеханов *по философии против Маха*. Выступление свое против Маха Плеханов ставил *условием* сотрудничества,— каковое условие делегат редакции «Очерков» вполне принимал» (47, 141—142) [1].

Вероятно, об участии в этом же сборнике Плеханов писал Аксельрод в апреле 1903 года: «...мы хотим, чтобы они напечатали в сборнике статью против эмпириокритицизма, и мы надеемся, что эту статью напишете Вы. Если редакция согласится ее напечатать, мы будем участвовать в сборнике, если же нет — мы откажемся. Это условие мы вчера написали в Россию и ждем ответа»[2]. «Для легального сборника надо поскорее написать *о Махе*»[3],— напоминал Плеханов Аксельрод несколько месяцев спустя.

Как бы то ни было, но ни Плеханов, ни Аксельрод так и не выступили тогда, в 1901—1903 годах, с критикой махистского ревизионизма Богданова.

На сессии Института философии Коммунистической академии, посвященной 25-летию со времени выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма», Л. И. Аксельрод вспоминала: «Еще в 1901 г. мне Плеханов прислал книгу Богданова с предложением написать рецензию, но разные обстоятельства мне помешали это сделать. В 1903 г., когда действительно богдановская теория начала распространяться, Ленин и Плеханов волновались по этому поводу. Ленин в 1903 г. перед II съездом был в Берне и прожил там недели две... Мы встречались с ним каждый день, очень много беседо-

[1] Участие Ленина и Плеханова в «Очерках реалистического мировоззрения» по каким-то причинам не осуществилось; этот сборник со статьями А. Луначарского, В. Базарова, А. Богданова, П. Маслова, А. Финна, В. Шулятикова, В. Фриче и других вышел в 1904 году в Петербурге.

[2] Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, с. 373.

[3] Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1974, т. 3, с. 231.

вали о значении философии, и Ленин действительно уделял большое внимание философским спорам, понимая всю угрозу, которая идет со стороны философской ревизии, и просил меня тогда написать статью против Богданова. До такой степени был он заинтересован, что я вспоминаю — это сейчас совершенно передо мной, когда я провожала Ленина на вокзал, он, уже стоя на площадке вагона, сказал: «Любовь Исааковна, не забудьте написать о Богданове». И я написала статью «Новая разновидность ревизионизма» [1].

Написать-то написала, но лишь года полтора спустя. И опубликовала в меньшевистской «Искре» (№ 77, 1904, 5 ноября), где и сообщила о ленинском предложении дать критику Богданова[2].

Публикация этого свидетельства имела вполне определенную политическую цель: в это время в партии началась борьба между большевистской и меньшевистской фракциями, и Аксельрод, выступившая против Богданова прямо по поручению Плеханова и с его одобрения, своим заявлением о Ленине как противнике идей Богданова стремилась поколебать или даже расколоть ряды большевиков. Плеханов и его сторонники, обращаясь в конце 1904 года к критике Богданова, преследовали прежде всего узкофракционный интерес: его философские воззрения они рассматривали как выражение ревизионизма большевиков.

Как явствует из неопубликованных писем Л. И. Аксельрод того времени, она относилась к Богданову резко отрицательно. В конце 1903 года она писала сестре И. И. Аксельрод из Женевы: «Был здесь литератор, философ, так сказать, Богданов. Я с ним познакоми-

[1] *Аксельрод Л.* О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения.— Под знаменем марксизма, 1934, № 4, с. 138—139.

[2] См.: *Ортодокс.* Философские очерки, 1906, с. 171.

лась у Г. В. [Плеханова]. Проспорили весь вечер о философии Маха. Впрочем, он нам мало давал возможности высказываться. Все время сам говорил, с удовольствием себя слушал, то говорил дерзости, то унижался и никак не мог ни кончить, ни уйти. Произвел впечатление современного сумасшедшего». Не менее критически Л. И. Аксельрод была настроена и к Ленину, но тут играла роль уже не столько личная неприязнь, сколько политические соображения. В одном из писем начала 1904 года она замечает: «Г. В. попрежнему очень мучается. Он себе, видно, простить не может ошибки, которую сделал на съезде, когда примкнул к Ленину».

Осенью 1904 года Л. И. Аксельрод принимается за статью о Богданове, предполагая поместить ее в «Искре»: «Трудно мне ее писать. Надо объяснить публике все ей неизвестное сразу, произвести критику и все это в одном фельетоне». Вернувшись с собрания редакции меньшевистской «Искры», на котором обсуждался вопрос о том, помещать ли эту статью в газете (ноябрь 1904 года), Аксельрод сообщает сестре: «Мартов, В. И. [Засулич] были против. Старовер [А. Н. Потресов] помалкивал, Дан был против, но не решительно, улыбаясь и посматривая на Г. В., как он, очень ли разозлится. Г. В. волновался страшно, а я, как подобает случаю, философски молчала, только раз ответила Мартову, когда он коснулся моей статьи по существу... Статья написана ясно, просто и она по существу вовсе не философская, а социологическая. Но эти люди так далеки от теории, что [для них] всякая мысль есть философия, а философия не для «Искры», конечно. Тупоумная и застывшая среда, да к тому же нет у них ни марксизма, ни социализма [1]. Вопрос о статье остал-

[1] Это заявление Л. И. Аксельрод, содержащее в себе верное критическое начало, обращенное против окружавших Плеханова

ся этим собранием не решенным. Завтра будет собрание редакции. Г. В. думает энергично настаивать».

Но когда Плеханов и его окружение узнали, что «Ленин вступает в союз с Богдановым», положение дел резко изменилось. В одном из писем Аксельрод, сообщая, что ее статья вскоре будет напечатана, откровенно объяснила основу такого благоприятного для нее решения: «Представители ЦК просили Г. В. о том, чтобы была написана статья против теории Богданова. Он меня поэтому и просил написать... Словом, статья необходима в политическом смысле именно сейчас».

5. «Блок»

Сущность «блока» с Богдановым была охарактеризована самим Лениным в его письме к Горькому от 25 февраля 1908 года: «Летом и осенью 1904 г. мы окончательно сошлись с Богдановым, как *беки,* и заключили тот молчаливый и молчаливо устраняющий философию, как нейтральную область, блок, который просуществовал все время революции и дал нам возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии (= большевизма), которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственно правильной» (47, 142).

В истории нашей партии, в истории пролетарского движения, даже в истории марксизма вообще этот «блок» представляет собой явление в своем роде уникальное и достойное внимания.

Летом 1904 года Ленин привлекает Богданова к работе в большевистских органах. 16 (29) июня 1904 го-

---

меньшевиков, вместе с тем не в меньшей степени характеризует и саму Аксельрод, утверждавшую: «Русский социализм — это случайность, вызванная случайным человеком в русской истории, Г. В., и кроме него никто из писателей не социалист».

да М. Н. Лядов по поручению Ленина уведомляет редакцию «Искры», что Рядовой (т. е. Богданов) является членом партии [1]. Начиная с этого времени и вплоть до лета 1909 года, на протяжении пяти лет, Богданов — один из активных функционеров большевистской фракции.

В конце июля — начале августа 1904 года он участвует в совещании 22-х большевиков (в окрестностях Женевы), на котором было принято написанное Лениным обращение «К партии», ставшее для большевиков программой борьбы за созыв III съезда партии (9, 13—21, 557). Вскоре Богданов вводится в бюро комитетов большинства [2].

Несколько позже Ленин привлекает к сотрудничеству и Луначарского (не исключено, что Богданов, участвовавший в августовском совещании большевиков, способствовал переходу Луначарского на их позиции) [3]. Первая встреча Ленина и Луначарского произошла 4 декабря 1904 года [4]. 29 ноября (12 декабря) Луначарский участвует в совещании, решавшем вопрос об издании большевистской газеты «Вперед»; он входит в состав ее редакции [5]. 11 (24) декабря Ленин присутствует на реферате Луначарского [6]. Вместе с Лениным Луначарский сотрудничает в нелегальных органах «Вперед» (январь — май 1905 года) и «Пролета-

---

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970, т. 1, с. 531.

[2] См.: *Костин А. Ф.* Ленин — создатель партии нового типа. М., 1980, с. 278—282.

[3] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 536; Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 280; Пролетарская революция, 1924, № 11, с. 35—38.

[4] См.: Литературное наследство, т. 80, с. 609.

[5] См.: *Костин А. Ф.* Ленин — создатель партии нового типа, с. 283.

[6] См.: Ленинский сборник XVI, с. 283.

рий», в легальных изданиях «Новая жизнь», «Вестник жизни», «Волна», «Новый луч» (в последних двух участвовал также и Горький), «Эхо», «Радуга». В «Радуге», издававшейся в Женеве (июнь 1907 года — февраль 1908 года; вышло четыре номера), помимо Ленина и Луначарского сотрудничали Богданов, Рожков, Кнунянц и другие.

Н. К. Крупская писала впоследствии о большом значении для партии самого факта привлечения Луначарского к работе в большевистских органах: «Приехал в Женеву товарищ, который встал рядом с Владимиром Ильичем и с небольшой тогда группой большевиков-ленинцев и весь свой талант, все свои силы отдавал на борьбу за правильную марксистскую линию, на борьбу против меньшевизма»[1]. А тогда, в конце 1904 — начале 1905 года, она отмечала, как этот факт подействовал на Ленина: «Старик ожил и помолодел за последние дни»; «Старик ожил и стал работать вовсю. Воинов [Луначарский] тоже молодчага, работать здоров, отдался весь делу»[2].

В статье «Воспоминания из революционного прошлого» Луначарский писал: «Моя философия революции иной раз вызывала у Ленина известную досаду, и наши работы — я говорю о группе: Богданов, Базаров, Суворов, я и некоторые другие — действительно ему не нравились. Однако он чувствовал, что группа наша, ушедшая от близкой ему плехановской ортодоксии в философии, в то же время обеими ногами стоит на настоящей непримиримой и отчетливой пролетарской позиции в политике. Союз, уже состоявшийся между ним и Богдановым, скреплен был также и со мной... На 3-м же съезде окончательно выяснилась возмож-

[1] *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения. В 10-ти т. М., 1958, т. 2, с. 651.

[2] Литературное наследство, т. 80, с. 609.

ность длительного союза между Лениным и Богдановым... »[1]

Политическая тактика Ленина вполне оправдала себя: об этом свидетельствуют активная публицистическая деятельность Луначарского на страницах большевистских газет «Вперед», «Новая жизнь» и «Пролетарий», его выступления с поддержкой ленинской линии на партийных съездах, большая практическая работа Богданова по организации революционного движения в период 1905 года[2].

На III съезде партии (апрель — май 1905 года) были заслушаны и обсуждены доклады о восстании: Луначарского, осветившего теоретическую сторону проблемы, и Богданова, остановившегося на практических вопросах[3]. «Владимир Ильич,— вспоминал впоследствии Луначарский,— дал мне все основные тезисы доклада... Я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича»[4].

Вместе с Лениным Богданов участвовал в совещании ЦК РСДРП, состоявшемся в ноябре (декабре) 1905 года в Петербурге, где обсуждались вопросы вооруженного восстания и укрепления состава редакции газеты «Новая жизнь». В начале 1906 года по предложению Ленина в редакцию органа объединенного ЦК РСДРП газеты «Партийные известия» наряду с В. В. Воровским были направлены В. А. Базаров и А. В. Луначарский.

---

[1] *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления, с. 34—35.

[2] См. письма Богданова Ленину в кн.: Партия в революции 1905 года. М., 1934.

[3] Ранее Ленин прочитал написанный Богдановым проект доклада III съезду по вопросу об изменениях в Уставе партии и отредактировал его же проект резолюции «Об отношении между рабочими и интеллигентами в социал-демократической партии».

[4] Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 47.

На IV съезде партии (апрель — май 1906 года) Луначарский также выступил на стороне Ленина и резко высмеял доводы Плеханова, пытавшегося представить дело таким образом, будто «победа ленинизма означала бы принижение марксистской мысли, забвение марксистских традиций, торжество утопизма и революционной фразы...» [1].

Многочисленные документы свидетельствуют об искренней поддержке Луначарским позиции Ленина по всем главным вопросам партийно-политической борьбы того времени. Так, в одном из писем к Ленину (относящемся к июлю — августу 1905 года) он писал: «Плеханову готовлю ха-арошенькую отповедь. В пределах сыновнего почтения, разумеется»[2]. В другом письме Ленину (август 1905 года) Луначарский высказывал пожелание: «Написать вместе с Вами ответ меньшевикам я хотел бы»[3]. Он высоко оценил работу Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

В мае 1907 года Богданов был одним из организаторов V съезда партии, а в августе того же года Луначарский вместе с Лениным участвовал как представитель большевиков в работе VII Международного социалистического конгресса II Интернационала в Штутгарте и выступил с докладом об отношении партии к профсоюзам.

В письме к Луначарскому от 13 января 1908 года, приглашая его сотрудничать в «Пролетарии», Ленин с похвалой отозвался о рукописи его брошюры об отношениях профсоюзов и партии (47, 120—121).

---

[1] Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 201.

[2] Литературное наследство, т. 80, с. 17.

[3] Там же, с. 24.

Таким образом, совместная практическая работа по подготовке первой русской революции и участие в ней, публицистическая деятельность, направленная на борьбу с оппортунизмом меньшевиков,— вот что составляло основное содержание «блока», о котором писал Ленин.

Заключение Лениным политического союза с Богдановым, конечно, не означало свертывания критики философского ревизионизма, хотя, по словам самого Ленина, «философией заниматься в горячке революции приходилось мало» (47, 142). Тем не менее Ленин не переставал интересоваться этой стороной жизни партии.

В своей книге «Встречи с В. И. Лениным» (Нью-Йорк, 1953) бывший меньшевик Н. Валентинов — один из тех, кого Ленин подверг разгромной критике в работе «Материализм и эмпириокритицизм»,— свидетельствует, что в беседе с ним в феврале 1904 года Ленин резко отозвался о его махистских взглядах, а некоторое время спустя, еще будучи в Женеве (следовательно, ранее 25 июня), передал ему одиннадцать страниц, в которых были «в зародыше заключены все главные положения книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» [1].

Если этот факт действительно имел место, то, очевидно, уже в первой половине 1904 года Ленин сделал первый набросок критики махистского философского ревизионизма. К сожалению, эти ленинские тезисы до сих пор не разысканы (если, разумеется, они вообще существовали).

Обратим, однако, внимание на интересное хронологическое совпадение. В 1908 году Ленин писал Горь-

[1] Цит. по: *Куликов Н. А.* О начальном периоде ленинской критики махизма и богостроительства (1901—1906 гг.)).— Философские науки, 1968, № 2, с. 103.

кому о Богданове: «Лично познакомился я с ним в 1904 году, причем мы сразу презентовали друг другу: я — «Шаги»[1], он — одну свою *позавашнюю* философскую работу. И я тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.) писал ему из Женевы в Париж, что он меня своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова» (47, 141). Ленин ведет здесь речь, по-видимому, о первом выпуске богдановского «Эмпириомонизма». Упомянутое им письмо к Богданову неизвестно, но датировка его — май или июнь 1904 года[2] — позволяет предположить, что «одиннадцать страниц», которые Ленин якобы передал Валентинову примерно в то же время, каким-то образом отражают и ленинские впечатления от этой богдановской книги[3].

Что же касается «молчаливого» устранения философии, о котором говорится в письме Ленина Горькому, то эти слова означают соглашение об исключении философской полемики между большевиками на страницах партийных изданий. Вот как писал об этом В. Д. Бонч-Бруевич в своих «Женевских воспоминаниях»: «Владимир Ильич, привлекая Богданова, определенно всем нам говорил, что мы должны твердо пом-

---

[1] Имеется в виду книга «Шаг вперед, два шага назад» (Женева, 1904).

[2] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 530.

[3] Заметим, что в январе 1904 года Ленин читает в библиотеке Женевского университета «Введение в философию» Паульсена и «Очерк истории философии» Ибервега, а в сентябре — октябре — книгу Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (см.: *Кудрявцев А. С.* и др. Ленин в Женеве. М., 1967, с. 132—133 (свидетельство бывшего хранителя манускриптов названной библиотеки Б. Ганьебина). Была у Ленина и книга «Очерки философии коллективизма» (1904), которую он сдал в июле 1905 года в женевскую социал-демократическую библиотеку (см.: Вопросы истории, 1980, № 3, с. 85).

нить, что с философией Богданова мы не согласны, что надо воздерживаться не только вступать в споры, но даже говорить с Александром Александровичем на эти темы, о чем ему так и сказать наперед, чтобы не могла возникнуть полемика на этой почве, когда вся энергия должна была быть направлена на внутрипартийные вопросы и на постоянно возникавшие все новые и новые вопросы революционной борьбы... Когда вопрос об А. А. Богданове впервые обсуждался в нашей женевской большевистской группе, стоявшей в центре всего тогдашнего нашего движения за границей, было решено, по предложению Владимира Ильича, ни его, Богданова, ни других, более или менее с ним солидарных в философских вопросах, товарищей отнюдь не отталкивать, так как во всех остальных вопросах в то время они шли совершенно в ногу с большевистской фракцией социал-демократической партии, но философских споров с ними не затевать»[1]. И далее: «Мне было поручено заявить А. А. Богданову напрямки... что наша фракция не приемлет его философских воззрений, но что мы с ним охотно будем работать и принимаем его в свою среду, раз он согласен с нашей большевистской точкой зрения по вопросам съездовской полемики, но — «минус его философия». По философским вопросам мы условились, что он никаких споров поднимать не будет, а равно и выступать на собраниях с изложением своей философской системы, или участвовать в устной, или в печатной полемике, по этим вопросам, тем более в партийной прессе, и что для этих философских вопросов страницы нашей партийной печати будут совершенно закрыты. А. А. Богданов вполне принял эту нашу точку зрения и выполнил в то время все взятые на себя обязательства пунктуально честно,

[1] Под знаменем марксизма, 1929, № 1, с. 37.

никогда не поднимая разговоров об эмпириокритицизме даже в частных беседах между нами» [1].

Ленинское отрицательное отношение к махизму ясно сказывалось, в частности, в том внимании, с которым он следил за тем, как бы критика со стороны Луначарского и Богданова по адресу меньшевизма Плеханова не перерастала в критику в общем верных его позиций в области философии.

6. «В такой момент залезать специально в философию!?»

В выступлениях меньшевиков в период 1904—1907 годов многократно делались попытки опорочить Ленина заявлениями о его якобы «равнодушном» отношении к философскому ревизионизму или даже о его склонности к богдановской философии[2].

Характерны в этом отношении обвинения, выдвигавшиеся в то время по адресу Ленина Плехановым.

В апреле 1905 года, еще до главных событий революции, в статье «К вопросу о захвате власти» («Искра», № 96) Плеханов, вступая в полемику с ленинской газетой «Вперед», пытался скомпрометировать политическую позицию большевиков указанием на тот факт, что среди сподвижников Ленина находятся сторонники и пропагандисты махистской философии. Утверждая, что Маркс и Энгельс осудили бы тактику газеты «Вперед» и одобрили бы тактику меньшевистской «Искры» и что критика «Искры» со стороны большевиков будто бы неминуемо приводит их к кри-

---

[1] Под знаменем марксизма, 1929, № 1, с. 37.

[2] См.: *Бакиров У. Н.* Из истории борьбы В. И. Ленина против махизма.— Вопросы философского наследия В. И. Ленина. М., 1970.

тике Маркса, Плеханов писал: «Приступайте же, г. г. «впередовцы», к вашим критическим упражнениям... Начинайте «благословясь», и да помогут вам всевозможные Махи и Авенариусы!..» [1]

На этот выпад Ленин ответил на III съезде партии в «Докладе об участии социал-демократии во временном революционном правительстве»: «Плеханов говорит... что «Вперед» будто бы хочет критиковать Маркса. Так ли это?.. Не имея возможности доказать, что «Вперед» хочет «критиковать» Маркса, Плеханов за уши притаскивает Маха и Авенариуса. Я решительно недоумеваю, какое отношение имеют эти писатели, к которым я не чувствую ни малейшей симпатии, к вопросу о социальной революции. Они писали об индивидуальной и социальной организации опыта, или что-то в этом роде, но, право, не размышляли о демократической диктатуре... Или, может быть, дела у Плеханова обстоят так, что приходится ни к селу, ни к городу создавать себе мишень из Маха и Авенариуса» (10, 133—134).

В статье «О временном революционном правительстве» (июнь 1905 года) Ленин писал: «Плеханов старается навязать «Вперед» и желание «критиковать» Маркса и точку зрения Маха и Авенариуса. Это покушение его вызывает у нас лишь улыбку: должно быть, плоха позиция Плеханова, если он не может найти себе мишени из действительных утверждений «Вперед» и должен выдумывать мишень из сюжетов, совершенно посторонних и газете «Вперед» и рассматриваемому вопросу» (10, 239—240) [2].

[1] *Плеханов Г. В.* Соч. М.— Л., 1926, т. 13, с. 211.

[2] Позже, в октябре 1905 года, Ленин писал Плеханову: «Вы считаете ошибочными философские взгляды трех (имеются в виду Богданов, Базаров и Луначарский.— *Ред.*)... Но и эти трое не пытались и не пытаются связать эти свои взгляды с каким бы то ни было официально партийным делом» (47, 104—105).

1 августа 1905 года Ленин писал Луначарскому из Женевы: «Посылаю Вам новую брошюру Плеханова. Как мелки его выходки и «уколы» против махистов! Для меня они тем досаднее, что, по существу, критика Маха мне кажется у Плеханова верной. Думаю написать статейку: «Новое выступление Г. Плеханова» (47, 51).

В этом письме Ленин имел в виду второе издание брошюры: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах. Перевод с немецкого Г. Плеханова. С двумя приложениями, с новыми объяснительными примечаниями и с новым предисловием переводчика. Женева, 1905. В своем предисловии к этой брошюре Плеханов упрекал русских последователей Маха в незнании и непонимании философии марксизма [1].

Как видим, Ленин собирался сам откликнуться на предисловие Плеханова, но так и не сделал этого.

В № 2 «Дневника социал-демократа» (август 1905 года), вновь указывая на факт наличия среди большевиков сторонников махизма, Плеханов в статье «Выбранные места из переписки с друзьями» опять попытался обвинить Ленина в «беззаботном» отношении к вопросам философии: «Я прекрасно знаю, что литературная группа «Вперед» состояла *не из одних только «критиков* Маркса». Мне очень хорошо известно, что в центре этой группы стоял Ленин, для которого Мах и Авенариус в самом деле — чуждые «сюжеты». Но ведь для него чужды и все прочие философские

---

[1] См.: *Плеханов Г. В.* Соч. М.— Л., 1928, т. 18, с. 253—273. М. С. Ольминский в августе 1905 года писал из Женевы Луначарскому: «Плеханов выпустил новое издание Энгельса о Фейербахе; в предисловии гов<орится> м<ежду> прочим о Махе и Авенариусе, конечно, отрицательно, но в высшей степени объективно, на фил<ософской> почве, без всяких выходок» (Литературное наследство, т. 80, с. 601).

«сюжеты», ибо по части философии он всегда был совершенно беззаботен». Спо[illegible]зая на узкофракционную позицию, Плеханов всячески старался уколоть Ленина: «...как знать? — может быть, и сам марксист Ленин начал понемногу поддаваться влиянию окружающих его *махистов*. Что касается до меня, то признаюсь, что я... объяснял себе многочисленные промахи газет «Вперед» и «Пролетарий» именно этим вредным влиянием на «самого» сгруппировавшихся вокруг него «критиков Маркса» [1].

16 августа 1905 года Н. К. Крупская писала М. М. Литвинову из Женевы в Ригу: «Вчера вышел № 2 плехановского «Дневника». Только было пробежала его. Весь номер наполнен руготней против Ленина... опять фигурируют Мах и Авенариус и т. п....»[2] В тот же день она сообщала в Томский комитет партии: «Брошюра («Дневник социал-демократа», № 2.— *А. В.*) написана в архи-груборугательном тоне и главным образом все же направлена против Ленина, Маха и Авенариуса....»[3] 21 августа Крупская писала в Тифлисский комитет партии: «Вышел № 2 плехановского «Дневника социал-демократа». Полон злобных выходок против Ленина... Утверждает, что Ленина испортили уже окружающие его последователи Маха и Авенариуса....»[4]

23 августа 1905 года В. В. Воровский писал Ленину: «Вообще вся его статья[5] — характерное плехановское гаерство: не возьму аргументом — совру аргу-

---

[1] *Плеханов Г. В.* Соч., т. 13, с. 274—275.
[2] Партия в революции 1905 года, с. 266.
[3] Там же, с. 309.
[4] Там же, с. 311.
[5] Имеется в виду статья Плеханова «Выбранные места из переписки с друзьями (Письмо в редакцию газеты «Пролетарий»)».

мент; не удастся соврать — солгу; не удастся сострить — пущу инсинуацию. А этот намек на эмпириомонизм — автором и единственным литературным защитником его является Богданов — разве это не гнусность? Тьфу, как они все изгадились!»[1]

В одном из писем этого времени (между 15 и 19 августа 1905 года) Ленин сообщал Луначарскому о своем намерении засесть за ответ Плеханову: «Его надо разделать вовсю...» (47, 58).

В сохранившихся двух набросках работы Ленина «Плеханов и новая «Искра»»[2] затрагивался и философский аспект их разногласий. По поводу выдвигавшихся Плехановым обвинений в мнимой «беззаботности» по части философии, представлявшихся Ленину «ненужными придирками», «ненужными помехами выяснения вопроса», он замечал: «Contra[3] Ортодокс». Тут кроется, очевидно, то возражение, что именно он, Ленин, дал в свое время, а именно в 1903 году, Аксельрод (и она это в статье сама подтвердила) совет-поручение написать статью против Богданова.

Луначарский в письме Ленину (между 22 августа и 5 сентября 1905 года), извиняясь, что до сих пор не выслал окончания своих статей о массовой политической стачке для «Пролетария», объяснял это тем, что он теперь захвачен первой главой большой легальной статьи под заглавием «Философские предпосылки марксизма». «...Глава, о которой я говорю,— сообщал он,— называется: «Два материализма, или Дитцген против Бельтова». Глава эта скоро будет окончена. Статья, кроме того, будет касаться и Богданова во второй главе: «Эмпириокритицизм и эмпириомонизм»... Вся эта очень трудная и очень увлекательная

[1] Партия в революции 1905 года, с. 357.
[2] См.: Ленинский сборник V, с. 361, 364.
[3] Против (*лат.*).

работа отнюдь не помешает моей работе в «Пролетарии» и задуманным брошюрам» [1].

И далее: «Плеханов злится. Очевидно, боги решили погубить его, ибо отняли у него разум. С нетерпением жду Вашего ответа [2]. После него, быть может, я со своей стороны сделаю пару замечаний. О философии в нелегальной печати — ни гугу! Но в легальной — держитесь, почтенный метафизик-спинозист! Мы вас вашим же (и нашим, конечно) Энгельсом и учеником его Дитцгеном и собственными вашими ученическими противоречиями допечем!»[3]

А Ленин ответил на это (конец августа 1905 года): «Бросьте-ка Вы лучше пока ответ Плеханову: пусть этот обозлившийся доктринер лается себе. В такой момент залезать специально в философию!? Надо вовсю работать для с.-д.— не забывайте, что Вы ангажированы *на все Ваше рабочее время*» (47, 62) [4].

Заслуживает внимания следующее свидетельство В. Д. Бонч-Бруевича: «Владимир Ильич всегда тревожился от неблагополучия на этом нашем фронте[5]. Он, несмотря на то, что ни А. А. Богданов, ни после А. В. Луначарский, также увлекавшийся принципами авенариусовской философии, никогда не нарушали установленного условия[6] вплоть до второй их эми-

---

[1] Литературное наследство, т. 80, с. 26.

[2] Имеется в виду предполагаемый ответ Ленина на статью Плеханова в «Дневнике социал-демократа» № 2.

[3] Литературное наследство, т. 80, с. 26.

[4] Ленин имел в виду постановление ЦК РСДРП от 27 апреля (10 мая) 1905 года, в котором, в частности, говорилось: «Ц[ентральный] К[омитет] постановляет предложить т[ов]. Воинову... отдавать по возможности все свои литературные силы на службу партии и жить на ее средства...» (Ленинский сборник V, с. 281).

[5] Речь идет о философии.

[6] Имеется в виду запрет выступать с философскими работами в партийных изданиях.

грации, т. е. приблизительно до 1907—1908 гг., точно предчувствуя будущие бои и на этом философском фронте, время от времени подкреплял первоначальное решение беседами с авторитетными товарищами нашей женевской большевистской колонии, как бы стремясь через них контролировать и неусыпно наблюдать за настроениями в нашей среде и в этом отношении. Так, он вызывал к себе тов. М. С. Ольминского и П. Н. Лепешинского, беседовал с ними на тему неортодоксальности взглядов А. А. Богданова в философских вопросах и сугубо предупреждал их об этом, поручая следить за молодежью в этом отношении, направляя ее в чтении книг по тому пути, который мог только укрепить правильность философской марксистской мысли» [1].

7. «...Письмецо по философии...»

Ленин очень надеялся, что махисты из числа большевиков откажутся от своих ошибочных воззрений. Этого, однако, не происходило.

В 1906 году Ленин познакомился с третьей книгой богдановского «Эмпириомонизма». В предисловии автор в резкой форме объявлял открытую войну Плеханову, с порога отбрасывая его обвинения в отступлении от позиций материализма. «С Махом и эмпириокритицистами у тов. Бельтова упорное недоразумение,— писал Богданов,— он их считает идеалистами, а между тем с точки зрения его формулы это — строгие материалисты. Всякий из них скажет, что «дух», т. е. высшие проявления человеческого сознания — результат долгой эволюции из низших форм, соответствующих понятию «природы» у тов. Бельто-

---

[1] Под знаменем марксизма, 1929, № 1, с. 37—38.

ва... Вообще, самая слабая сторона того критерия, который тов. Бельтов считает достаточным для определения «материалистичности» философских взглядов, заключается в его смутности и расплывчатости. Понятия «природы» и «духа» настолько неопределенны, их антитеза может быть принята в таких различных смыслах, что строить на таком базисе основную характеристику мировоззрения совершенно невозможно; или уж надо заранее дать ясные и точные определения обоих понятий, чего тов. Бельтов не делает, и что чрезвычайно трудно выполнить в действительности» [1]. Далее Богданов указывал: «У Маха я многому научился; я думаю, что и тов. Бельтов мог бы узнать немало интересного от этого выдающегося ученого и мыслителя, великого разрушителя научных фетишей... Я не признаю ни тов. Бельтова, ни кого бы то ни было другого компетентным... решать вопрос об эклектизме и монизме моих взглядов» [2].

Ленин писал впоследствии Горькому, что, прочитав летом 1906 года третий выпуск «Эмпириомонизма» Богданова, «озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским» (47, 142). Прочитав эту книгу, Ленин сразу же написал «объяснение в любви» Богданову — «письмецо по философии в размере трех тетрадок» с анализом его воззрений. «Выяснял я там ему, что я, конечно, *рядовой марксист* в философии, но что именно его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал

[1] *Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Кн. III. Спб., 1906, с. XI—XIII.

[2] Там же, с. XLI, XLVII.

было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался» (47, 142).

Кстати говоря, именно в это время начинают все серьезнее выявляться и некоторые признаки серьезного отхода Богданова от ленинской политической линии в революции, что было связано с его философским субъективизмом. Его «бойкотизм», его сектантская тактика все более выявляли свои отрицательные черты. Летом 1906 года в местечке Куоккала между Лениным и Богдановым имели место серьезные споры по вопросу об отношении фракции большевиков к Государственной думе.

Таким образом, эмпириомонизм Богданова начал обнаруживать и свои практические ошибочные следствия, выражавшиеся в недооценке легальных форм политической борьбы, в так называемом бойкотизме и отзовизме. А. В. Луначарский отмечал впоследствии в статье-некрологе «А. А. Богданов», что «типичнейшей чертой богдановского ума» было «почти фанатичное желание свести великое многообразие бытия к постоянно повторяющимся разновидностям немногих основных законов» и этот свойственный мышлению Богданова схематизм прямо сказался на его политической позиции. «Пока исторические пути связывали Богданова с Лениным, он был его поклонником и незаменимым помощником, но когда поражение революции 1905 года привело каждого из них к разным выводам, началась и стихийно выросла борьба. Огромным преимуществом Ленина, вообще обладавшего еще значительно большими, истинно-гениальными силами, было чутье жизни. За убедительностью своих схем Богданов гораздо меньше чувствовал пульс действительности» [1].

---

[1] См.: Правда, 1928, № 85, 10 апреля.

Однако в 1906 году «блок» между Лениным и Богдановым еще продолжал иметь место. Ленин сохранял надежду на преодоление разногласий с Богдановым.

Вместе с тем Ленина все больше начинают занимать философские проблемы. Еще в конце 1905 года в беседе со студентами Электротехнического института он затрагивает и проблемы марксистской философии [1]. В январе 1907 года он одобряет план П. Г. Дауге издать на русском языке сочинения И. Дицгена (первые тома вышли весной 1907 года) [2]. Примерно в это же время Ленин беседует в Куоккале по философским вопросам с Н. А. Рожковым [3]. В апреле Ленин пишет Дауге письмо по поводу его предисловия к брошюре американского социалиста Э. Унтермана «Антонио Лабриола и Иосиф Дицген. Опыт сравнения исторического и монистического материализма» (Спб., 1907) [4] и тогда же — предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» (15, 229—249).

Говоря о большом интересе, который представляет данное предисловие, Крупская отмечала, что эта статья «написана в период, когда Ленин вновь стал усиленно заниматься философией в связи с разногласиями с Богдановым, когда вопросы диалектического материализма стали с особой остротой в центре его внимания» [5].

---

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 214; Об Ильиче. Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 176—178.

[2] См.: Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Рига, 1969, с. 64, 65; Известия Академии наук Латвийской ССР, 1969, № 6, с. 19.

[3] См.: Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии, с. 36.

[4] См. там же, с. 65; см. также 15, 391.

[5] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 311.

II. ТРЕВОГА

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», характеризуя главные этапы истории большевизма, Ленин так писал об одном из них: «Годы реакции (1907—1910). Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений» (41, 10). Здесь зафиксированы значительные сдвиги в идейно-политической жизни России, происшедшие в обстановке разгула реакции после поражения революции 1905—1907 годов. К этому времени выявился ряд новых обстоятельств, определивших необходимость для Ленина выступить с открытой защитой и глубокой разработкой философско-теоретических основ марксизма.

В этот тяжелый для российской социал-демократии период борьба с философским ревизионизмом, публичная демонстрация идейной реакционности махизма, его несовместимости с философским учением Маркса и Энгельса, выступила уже не просто как один из многочисленных аспектов деятельности партии, а как важнейшая, первостепенная задача.

1. Необходимость «философской разборки»

Обращение Ленина в 1907—1908 годах к систематическим занятиям философией явилось закономерным ответом на насущнейшие потребности социально-революционного развития — и внутрироссийского, и международного.

Выступая против тех деятелей (вроде меньшевика А. Потресова), которые не видели целесообразности в обращении кадров партии к проблемам философии, к спорам по общетеоретическим вопросам, Ленин в ноябре 1908 года писал: «...новая разборка среди всколыхнутых революцией новых слоев, новых групп, новых революционеров совершенно неизбежна... В интересах этой новой разборки усиленная теоретическая работа необходима. «Текущий момент» в России именно таков, что теоретическая работа марксизма, ее углубление и расширение предписывается не настроением тех или иных лиц, не увлечением отдельных групп и даже не только внешними полицейскими условиями, которые осудили многих на отстранение от «практики»,— а всем объективным положением вещей в стране. Когда массы переваривают новый и невиданно богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное миросозерцание, т. е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня» (17, 294).

Необходимость теоретической работы диктовалась, в частности, и тем немаловажным обстоятельством, что «на смену профессиональному революционеру из интеллигентов или вернее в подмогу ему» в ходе революции шел «профессиональный революционер с.-д. рабочий» (17, 306), который, как правило, был в теоретическом отношении менее подготовленным и потому гораздо больше нуждался в разъясне-

нии самых коренных, фундаментальных мировоззренческих принципов марксизма.

Кроме того, Ленин отчетливо сознавал, что в определенных условиях не только в революционном движении участвуют лица различных убеждений, но даже и в партию вступают люди, значительно отличающиеся между собой по характеру мировоззрения. По этому поводу в статье «Партийная организация и партийная литература» он отмечал, что в связи с превращением партии в массовую организацию в нее «войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики» (12, 103). Такой разношерстный в идейном отношении состав партии не может, конечно, долго сохраняться: основное ядро партии «переваривает» этих непоследовательных функционеров, добиваясь их перехода на позиции последовательно марксистского, материалистического мировоззрения.

Ленин неоднократно писал о закономерном характере выдвижения в условиях послереволюционной реакции общетеоретических вопросов на первый план. «Не случайно,— отмечал он в частности,— а неизбежно было то, что после неудачи революции во *всех* классах общества, среди самых широких народных *масс* пробудился интерес к глубоким основам всего миросозерцания вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до *принципов* нашего, марксистского учения *в целом*» (20, 58; см. также 20, 87).

Подобным образом и в статье «Наши упразднители» (1911), подводившей итоги философской полемики внутри русской социал-демократии в период после революции 1905—1907 годов, Ленин говорил об объективной обусловленности того факта, что эта полемика выдвинулась на авансцену борьбы именно в

годы политической реакции. «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма... В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия... Время общественной и политической реакции, время «перевариванья» богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест» (20, 128). Отметив, что «в передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха», Ленин заключал: «Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли» (20, 128). Ленин указывал и на то обстоятельство, что философская «разборка» в русской социал-демократии была подготовлена открытиями в новейшей физике, постановкой в ней ряда «новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм» (20, 128). Кроме того, он отмечал необходимую связь и хронологическое совпадение философской «разборки» с поворотом политической реакции к реакции идеологической. В этих условиях «ма-

хизм, как разновидность идеализма, *объективно*,— подчеркивал Ленин,— является орудием реакции, проводником реакции» (20, 129).

Поражение революции, свертывание массового движения сопровождались определенными кризисными явлениями внутри пролетарской партии России. Ленин писал: «Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом,— серьезнейший *внутренний* кризис марксизма» (20, 88). Важнейшей составной частью этого кризиса и была проповедь махизма как не только новейшей, но и самой научной философии, которой якобы следует дополнить марксизм, лишенный будто бы пока своего гносеологического основания. Эта проповедь, исходившая главным образом со стороны группы русских социал-демократов интеллигентов, в которую среди прочих входили и некоторые большевики, в частности такие авторитетные, как Богданов и Луначарский, становилась все более сильной.

До тех пор, пока идеи Маха и Авенариуса были предметом увлечения лишь сравнительно малочисленной группы литераторов, рекламировавших их в своих книгах и статьях, особой опасности для партии в том не было. С закономерным расширением в годы реакции сферы философского сознания, по мере втягивания значительного числа членов партии в общетеоретические занятия и дискуссии эта опасность серьезно возросла.

2. «Что искать русскому читателю у Эрнста Маха?»

И вот еще что необходимо принять во внимание: сами махисты из среды социал-демократов преподносили свою философию как подлинно пролетарскую, как наиболее соответствующую целям партии, ее революционной политике и тактике.

Особенно отличался в этом отношении Богданов. Во вступительной статье к книге Э. Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» он писал: «Роль философии заключается, вообще говоря, не в том, чтобы давать непосредственные директивы для жизни и борьбы, а в том, чтобы вырабатывать деятеля жизни и борьбы — человека — в существо, могучее своей внутренней цельностью и определенностью, широтой и ясностью взгляда, неуклонностью своей логики... И в этом смысле строгая и стройная, богатая научным содержанием философия естествознания (т. е. махизм.— *А. В.*) имеет громадное значение» [1].

Далее Богданов утверждал, что у Маха можно встретить «выводы, не только тесно соприкасающиеся, но прямо совпадающие с идеями исторического материализма», а в заключение заявлял: «У Маха многому можно научиться. А в наше бурное время, в нашей залитой кровью стране особенно дорого то, чему он учит всего больше: спокойная неуклонность мысли, строгий объективизм метода, беспощадный анализ всего принятого на веру, беспощадное истребление всех идолов мысли. Все это нужно нам не только для цельности и научности мировоззрений» [2].

---

[1] *Богданов А.* Что искать русскому читателю у Эрнста Маха? — *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1907, с. VI.

[2] Там же, с. X, XII.

Такого рода фразеология могла обмануть и обманывала многих, в том числе и представителей научной и художественной интеллигенции. Однако никакого злого умысла здесь, конечно, не было: в утверждениях своих Богданов был совершенно искренен, так же как и Луначарский, полагавший, что его философские работы, настоянные на эмпириокритицизме и все больше оформлявшиеся в концепцию богостроительства (а это представляло еще бóльшую опасность), могут способствовать привлечению к революционному марксизму новых сторонников. В статье «Будущее религии», призывая не бояться слова «религия» и утверждая, что, развивая фейербаховскую концепцию религии, Маркс «окончательно помог человеческому самосознанию стать человеческой религией», Луначарский заявлял: религия жива и будет жить; «в идеях социал-демократии содержится новая религия...»; «...что же значит иметь религию? Это значит — уметь мыслить и *чувствовать* мир таким образом, чтобы противоречия законов жизни и законов природы разрешались для нас. *Научный социализм разрешает эти противоречия, выставляя идею победы жизни, покорения стихий разуму путем познания и труда, науки и техники*» [1].

Когда кадет А. С. Изгоев (будущий веховец) бросил Луначарскому по поводу этой статьи упрек в том, что раньше он всегда отрицал религию, а теперь, когда на нее появился спрос, вынул ее словно из кармана[2], Луначарский так ответил ему: «Та религиозно-философская точка зрения, которую я старался развить в последних статьях, установилась у меня в общих чертах более десяти лет тому назад. Лет 11 тому назад я изложил ее в Киеве в реферате «Социа-

---

[1] Образование, 1907, № 10, с. 13, 19, 22.
[2] См.: Речь, 1907, 6(19) декабря.

лизм и идеализм». В числе оппонентов были, между прочим, Н. Бердяев и В. В. Водовозов. Я всегда отвергал, отвергаю и буду отвергать всякую мистику, метафизику, веру в потусторонний мир и вмешательство потусторонних сил. Подобные верования я считаю ядом, разлагающим творческую и революционную энергию человечества.

Но я *во всех статьях,* где говорил на эти темы, указывал на то, что мы тем более *смеем* отвергать «небо», чем более уверены в силе и красоте реальной, земной религии, религии жизни, вида. Я настаивал неоднократно на том, что психологической сущностью этой религии не может быть «уверенность», а только *надежда...* Я мыслю так, как мыслил всегда».

И далее с пафосом проповедника Луначарский продолжал: «Утверждаю, что в России и на Западе фактически вырабатывается новая религия... Не претендую ни на минуту на роль руководителя, тем менее — изобретателя религий, но хочу формулировать то, что накипает в коллективной душе передовой демократии, членом которой являюсь. Давно зреет во мне новая религия, как зреет в сотнях моих товарищей, знакомых мне и неизвестных. Время пришло. От избытка сердца глаголят уста...» [1]

В 1931 году Луначарский вспоминал: «Не разделяя эмпириомонистической философии Богданова, я тем не менее был близок к ней и во всяком случае не стоял ближе к партии, чем Богданов, в философском отношении, поскольку старался внести в марксизм совершенно чуждые ему элементы махизма, эмпириокритицизма. Рядом с этим (и, конечно, в глубокой связи с этим) я примкнул к Богданову и в политическом отношении, разделяя ложную политику ультиматизма» [2].

[1] Образование, 1908, № 1, с. 163—164.
[2] Литературное наследство, т. 82, с. 497.

В рецензии на роман-утопию Богданова «Красная звезда» Луначарский восторженно писал о его творчестве: «А. Богданов широко известен читающей публике как философ, как автор самой серьезной в русской философской литературе попытки построения научно-философской системы. Готовящийся перевод «Эмпириомонизма» на немецкий язык, без сомнения, покажет, что это одновременно и самая серьезная попытка этого рода в марксистской литературе после работ Энгельса и рядом с работами Дицгена и Антонио Лабриолы. Известна также и разносторонность Богданова. Естественник, одинаково широко знакомый с науками физическими и биологическими, экономист, социолог, зоолог, психолог, психиатр по специальности». Роман Богданова Луначарский характеризовал как необходимую и важную иллюстрацию к его теориям, которые «надо серьезно изучать, ибо в них, вообще, пророчески мерцает готовая родиться пролетарская философия» [1].

Что касается политического отступничества Богданова и Луначарского от линии революционного марксизма, то оно сделалось очевидным не сразу (поэтому и мы скажем о нем позже), а вот популярность их как философов становилась все зримее.

В августе 1907 года Луначарский вместе с Лениным (а также Базаровым) находился на социалистическом конгрессе в Штутгарте в составе большевистской фракции. 18 августа он писал оттуда жене, Анне Александровне: «Очень приятную вещь сообщил мне Котляр, которого я здесь встретил. Издательство «Зерно» предлагает мне редактировать его перевод двух томов Петцольда с моим предисловием... Это чу-

---

[1] Образование, 1908, № 5. Критика и библиография, с. 119—121.

десно. Если Петцольд пойдет хорошо, то под моей же редакцией пойдет и сам Авенариус. Ильич страшно хорошо ко мне относится... хотя о синдикализме говорит сердито» [1].

(Заметим в скобках: уже и теперь Ленин «сердито» отзывается о стремлении истолковать политическую концепцию большевиков в духе революционного синдикализма, что нашло свое выражение в послесловии Луначарского к переводу книги Артуро Лабриолы «Реформизм и синдикализм» (Спб., 1907). И критики большевизма не преминули заметить указанное расхождение между Лениным и Луначарским. Противопоставляя это послесловие Луначарского брошюре Ленина «Что делать?», которая определялась как сданная в архив «революционная романтика», как «полубеллетристическое произведение», но отнюдь не руководство к политической деятельности, некий Д. Зайцев писал: «Теперь даже лидеры «большевиков» узнали, что рабочий класс даже из глубины своих заблуждений придет неизбежно к своей классовой идеологии» [2].)

19 августа 1907 года Луначарский сообщал жене: «Роза Люксембург предложила мне сотрудничать в «Neue Zeit», помещая от времени до времени статьи по философии... Я обещал написать о русском марксистском эмпириокритицизме»[3].

Итак, «русский марксистский эмпириокритицизм» приглашался уже и на страницы главного теоретического органа германской социал-демократии.

---

[1] Литературное наследство, т. 80, с. 619.

[2] Образование, 1907, № 7. Критика и библиография, с. 145. См. также отзыв Плеханова об этом послесловии Луначарского в статье «Критика теории и практики синдикализма» (Современный мир, 1907, № 11, 12).

[3] Литературное наследство, т. 80, с. 622.

Позже Луначарский писал: «...самым ложным шагом, который я тогда сделал, было создание своеобразной философской теории, так называемого «богостроительства».

В период поражения революционного движения 1905 г. я, как и все другие, был свидетелем религиозных настроений и исканий. Под словом «богоискательство» в то время скрывалась всевозможная мистика, не желавшая компрометировать себя связью с уже найденным богом той или другой официальной религии, но искавшая в природе и истории этого несомненно мироправящего бога.

Я напал на такую мысль: конечно, мы, марксисты, отрицаем существование какого бы то ни было бога и искать его нечего, потому что нельзя найти несуществующее.

Но все же мы окружены огромным количеством людей, находящихся под известным обаянием религиозных запросов. Среди них есть такие круги (в особенности, как я думал, крестьянские), которым легче подойти к истинам социализма через свое религиозно-философское мышление, чем каким-либо другим путем.

Между тем, рассуждал я, в научном социализме таится колоссальная этическая ценность; его внешность несколько холодна и сурова, но он таит в себе гигантские сокровища практического идеализма. Так вот надо только суметь в своеобразной полупоэтической публицистике вскрыть внутреннее содержание учения Маркса и Энгельса, чтобы оно приобрело новую притягательную силу для таких элементов.

Руководствуясь этим фальшивым настроением, я написал ряд сочинений (среди них большой двухтомный труд «Религия и социализм»), в которых раскрывал научный социализм как шествие человека через

социальную борьбу, науку и технику по направлению к все более неизмеримой власти над природой. Бога нужно не искать, толковал я, его надо дать миру. В мире его нет, но он может быть. Путь борьбы за социализм, т. е. за триумф человека в природе, это и есть богостроительство.

Правда, я в своих книгах тщательно указывал на то, что социализм, который я трактовал как наивысшую форму религии, есть религия без бога, без мистики, но на самом деле вся концепция представляет собой что-то вроде упрощенного фихтеанства, приспособленного к полуматериалистическому способу выражения» [1].

Все это было более чем серьезно: богостроительство Луначарского оказалось чем-то вроде неудачной попытки, если воспользоваться словами Ленина, *«согнуться* до точки зрения **общедемократической** вместо точки зрения *пролетарской»*, стремлением — «для популярного изложения» — «посюсюкать», допуская заигрывание с обывательскими предрассудками (см. 48, 228) [2]. «В самых свободных странах,— писал Ленин Горькому в ноябре 1913 года,— в таких странах, где *совсем* неуместен призыв «к демократии, к народу, к общественности и науке»,— в таких странах (Америка, Швейцария и т. п.) народ и рабочих отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая *демократической* буржуазией,— именно поэтому это — самая опасная мер-

[1] Литературное наследство, т. 82, с. 497—498.

[2] См. подробнее: *Гапочка М. П.* Уроки богостроительства.— Вопросы научного атеизма. М., 1980, вып. 25.

зость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки» (48, 226—227).

3. Антоний Горький?

Философские идеи Богданова и Луначарского фактически компрометировали марксизм в России. Это касается, в частности, и идей чисто «пролетарской» культуры, которые благодаря многочисленным печатным выступлениям Богданова становились достоянием широкого круга лиц, считавших себя марксистами, а на самом деле проповедовавших своего рода нигилизм по отношению к духовной культуре человечества, что отпугивало кое-кого из интеллигентов.

Вот характерное свидетельство. В июне 1907 года В. Я. Брюсов писал З. Н. Гиппиус из Москвы: «Недавно спорил я с одним «твердокаменным» социал-демократом. Говорил с ним и «от Канта», и «от Риккерта», и «от Ницше». Он все стоял на своем и твердил одно: когда осуществится их социальный строй, все станет иное: и Канты, и Ницше, и теория познания, и мечты о сверхчеловеке. А главное — искусство будет совершенно иное, а все наше пойдет насмарку. Я, наконец, спросил его, а будет ли новой, иной таблица умножения. И, подумав, совершенно серьезно, безо всякой иронии, он ответил: может быть!—Это даже прекрасно, но говорить дальше бесплодно!» [1]

Распространение махистских идей очень сильно беспокоило Ленина, видевшего в борьбе за интеллигенцию, в привлечении ее к марксистскому мировоз-

---

[1] Литературное наследство. М., 1976, т. 85, с. 698.

зрению, к освободительному движению, к деятельности партии важную задачу революционной социал-демократии. В особенности тревожило Ленина то обстоятельство, что эмпириомонизмом Богданова и богостроительством в духе идей Луначарского серьезно увлекся в это время А. М. Горький.

Во второй половине ноября 1906 года Горький писал о Богданове И. П. Ладыжникову: «А. А. (Богданов.— *А. В.*) очень меня обрадовал своим приездом. Знаете — это чрезвычайно крупная фигура, от него можно ждать оглушительных работ в области философии, я уверен в этом! Если ему удастся то, что он задумал,— он совершит в философской науке такую же революцию, как Маркс в политической экономии. Поверьте — тут нет преувеличения. Мысль его огромна, она — социалистична, значит — революционна, как только может быть революционна чистая мысль, взращенная опытом, опирающаяся на него. Удастся ему — и мы увидим полный разгром всех остатков буржуазной метафизики, распад буржуазной «души», рождение души социалистической. Монизм еще не имел столь яркого и глубокого представителя, как Богданов. Он меня — просто с ума сводит! И — страшно радостно» [1].

В ноябре 1907 года в письме Р. П. Аврамову (Абрамову) Горький так отзывался о Богданове и Луначарском: «...красота и сила нашей партии, люди, возбуждающие огромные надежды, люди, голос которых со временем будет слушать весь социалистический пролетариат Европы... Они оба — в пути, но я уверен, я чувствую, что они способны взобраться на высоты мысли, с которой будут видимы всему миру...» [2].

---

[1] Архив А. М. Горького. М., 1959, т. 7, с. 148.

[2] Там же, т. 14, с. 19. Приведем свидетельство Луначарского о времени пребывания его за границей: «...вскоре приехал Бог-

Тогда же Горький писал К. П. Пятницкому: «Виделся с Луначарским, он печатает книгу о религии и принимается работать над другой. Эта другая страшно интересна по теме, она будет иметь сильный успех, в чем я уверен. Очень сильный, да. Дело идет о приближении большевизма к синдикализму, т. е. о возможности слияния социализма с анархо-социализмом» [1]. В другом письме к Пятницкому Горький сообщал: «Вижу много интересных людей, особенно же интересен для меня Луначарский. Это человек духовно богатый, и, несомненно, он способен сильно толкнуть вперед русскую революционную мысль» [2]. Еще в одном письме к Пятницкому Горький заявлял: «Каждый день вижу Луначарского — и все более убеждаюсь, какой это умник и живой человек. Мне, право, жалко, что он не знаком с вами, ибо это было бы — уверен — приятно вам, полезно ему» [3].

В ноябре 1907 года в письме к Р. Аврамову Горький так отзывался о книге Луначарского «Религия и социализм»: «...это глубоко интересная и страшно нужная вещь» [4]. А самому Луначарскому он писал: «Прочитал вторую часть вашей статьи о религии — очень понравилась она мне...» [5] И немного позже ему

данов и действительно занялся распропагандированием моим и Горького, с которым я в то время сдружился, вследствие чего переселился даже на Капри...» (Литературное наследство, т. 80, с. 741).

[1] Архив А. М. Горького. М., 1954, т. 4, с. 210—211. Речь идет об уже упомянутой работе Луначарского — послесловии к русскому изданию книги А. Лабриолы «Реформизм и синдикализм» (Спб., 1907).

[2] Архив А. М. Горького, т. 4, с. 212.

[3] Там же, с. 214.

[4] Там же, т. 14, с. 21.

[5] Там же, с. 20. Речь идет о статье «Будущее религии» (Образование, 1907, № 10 и 11).

же: «...250 лет люди думали о религии, — настало время творить ее, и они — творят... И как великолепно вовремя идете вы встречу этому движению, — если бы вы знали!» [1]

В декабре 1907 года Горький писал И. П. Ладыжникову: «Луначарский все более и более нравится мне, — удивительная умница!.. Вести из России — одна другой хуже, но есть и хорошие, как, например, о распространении социализма в Поволжье и о религиозном отношении к нему, — т. е. об отношении как к религиозной доктрине» [2]. В январе 1908 года в письме к Пятницкому Горький отмечал: «Луначарский — человек очень талантливый, и, на мой взгляд, у него, как у публициста-философа, блестящее будущее» [3].

В 1908 году Горький усердно рекомендовал читать работы Богданова Н. Е. Буренину: «Начни с книги «Познание с исторической точки зрения», затем читай в книге «Из современной психологии» статью «Авторитарное мышление» и далее внимательно читай все три книжки «Эмпириомонизма». Это не трудно и прекрасно» [4].

Тесное общение Горького в период 1906—1909 годов с Богдановым и Луначарским, увлечение их идеями серьезно сказалось на его творчестве этого времени, и прежде всего на повести «Исповедь», написанной в духе богостроительства [5].

---

[1] Архив А. М. Горького, т. 14, с. 23.
[2] Там же, т. 7, с. 170, 171.
[3] Там же, т. 4, с. 225.
[4] Там же, т. 14, с. 207.
[5] В начале января 1908 года работа Горького над этой повестью была в самом разгаре. Особенно интенсивно он стал работать над ней после встреч и разговоров с Луначарским во Флоренции.

Что привлекало Горького в философии Богданова? В первую очередь сам принцип эмпириомонизма как «философии коллективизма», нерасторжимого единства человека и среды. А в произведениях Луначарского ему импонировало обожествление способности человека к творчеству. И не случайно в повести «Исповедь» носителем «новой» религии оказывался народ-богостроитель.

Позднее, в 1927 году, Горький вспоминал: «Когда-то, в эпоху мрачной реакции 1907—1910 годов, я назвал его (героя своего творчества. — *А. В.*) «богостроителем», вложив в это слово тот смысл, что человек сам в себе и на земле создает и воплощает способность творить чудеса справедливости, красоты и все прочие чудеса, которыми идеалисты наделяют силу, якобы существующую вне человека. Трудом своим человек убеждается, что вне его разума и воли нет никаких чудесных сил, кроме стихийных сил природы, которыми он должен овладеть для того, чтобы они, служа его разуму и воле, облегчили его труд и жизнь» [1].

Горький закончил работу над «Исповедью» в начале апреля 1908 года и рукопись направил для издания К. П. Пятницкому. В письме к нему от 17 апреля Горький писал: «Я имею основание думать, что... моей «Исповедью» реализм, которому служило «Знание», становится на новый путь, оживляется и приобретает новые силы, новое освещение» [2].

Вскоре «Исповедь» Горького была издана в XXIII сборнике «Знания». И вовсе не реализм выиграл от ее опубликования, а напротив, она способствовала развитию религиозных настроений. В. Брюсов, журнал

---

[1] *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1953, т. 24, с. 292.
[2] Архив А. М. Горького, т. 4, с. 246.

которого «Весы» в начале века не раз выступал с острой критикой «знаньевцев», в августе 1908 года писал из Неаполя Горькому: «...последнее ваше произведение, «Исповедь», доставило мне много счастливых минут. Благодарю вас за него» [1].

Ленин с большим огорчением встретил появление из-под пера любимого им писателя богостроительской повести, но открыто ему об этом до поры до времени не говорил, о чем свидетельствует письмо Горькому от 22 ноября 1910 года: «...совсем было написал Вам огорченное письмо об *«Исповеди»*, но не послал его из-за начавшегося... раскола с махистами...» (48, 4).

Находясь под сильным влиянием Богданова и Луначарского, Горький в письме Пятницкому в мае 1908 года писал: «Мне кажется, что на «Знании» лежит задача неуклонного служения тем принципам, коим оно служило до сей поры. Эти принципы я понимаю как демократизм, позитивизм. Чем более вижу и думаю, читаю и вижу, тем более укрепляюсь в мысли, что победит мерзость жизни, облагородит человека не греза, не мечта, а — опыт; накопление опыта, его стройная организация. Меня одолевают, может быть, наивные и смешные мысли, но — я все более увлекаюсь ими. Мне кажется, например, что мысль — вид материи или, вернее, один из видов эманации материи. Что мысль и воля — едино суть. Я делаю отсюда выводы — удивительные, не забывая о том, что они, опять-таки, могут показаться смешными» [2].

Насколько Горький был увлечен «новой философией» Богданова, говорит и то, что, послав Пятницкому рукопись работы Богданова «Приключения од-

---

[1] Литературное наследство, т. 85, с. 658. Ответ Горького см.: Собр. соч. М., 1955, т. 29, с. 75.

[2] Архив А. М. Горького, т. 4, с. 251.

ной философской школы», он просил печатать ее в «Знании» возможно скорее: «Очень прошу, ибо придаю весьма серьезное значение этой книжке» [1].

Благосклонно отнесся Горький и к переводу доклада близкого к махизму позитивиста Макса Ферворна «К вопросу о познании» и рекомендовал Пятницкому издать его в виде брошюры после того, как он будет отредактирован Богдановым [2].

4. «...Вы находитесь именно вне пределов марксизма»

К 1908 году влияние эмпириокритических идей зашло уже далеко. Представление о махизме как якобы философии большевизма стало приобретать прочность предрассудка. Известно, к примеру, что влияние махизма сказалось в это время на взглядах даже видных социал-демократов. Так, И. В. Сталин «недооценивал значение борьбы Ленина против махистов, не видел всей глубины их расхождения с марксизмом. В одном из писем к М. Г. Цхакая он заявлял, что эмпириокритицизм имеет и хорошие стороны. Задача большевиков, писал он, развивать философию Маркса и Энгельса» в духе И. Дицгена, усваивая попутно хорошие стороны «махизма» [3].

Особую роль в распространении ложных представлений о махизме как философии большевизма играли, как уже отмечалось, некоторые меньшевики. Но и в произведениях самого Богданова содержались претензии на то, что именно его философское творчество в наибольшей степени соответствует творческой про-

[1] Архив А. М. Горького, т. 4, с. 258.

[2] См. там же.

[3] История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, с. 272. См. также: История философии в СССР. М., 1971, т. 4, с. 613—616.

летарской идеологии — большевизму. А твердое отстаивание Плехановым основ диалектического материализма Богданов и его философские единомышленники связывали с меньшевистским характером его политической позиции, с его доктринерством, догматизмом.

Кстати говоря, выступления Богданова и Луначарского дали повод и авторам контрреволюционного кадетского сборника «Вехи» позлословить насчет мнимой теоретической нищеты большевизма. Так, Н. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» именно махистские идеи Богданова и Луначарского оценивал как определенный этап в эволюции революционной идеологии русской социал-демократии. Согласно Бердяеву, после Бельтова-Плеханова «на сцену появился Авенариус и Мах, которые провозглашены были философскими спасителями пролетариата, и гг. Богданов и Луначарский сделались «философами» социал-демократической интеллигенции». И далее: «Эмпириокритицизм стал не только философией социал-демократов, но даже социал-демократов «большевиков»... «Критика чистого опыта» вдруг оказалась чуть ли не «символической критикой» революционного социал-демократического вероисповедания... Г. Богданов усердно проповедует примитивную метафизическую отсебятину, всуе поминая имена Авенариуса, Маха и др. авторитетов, а Луначарский выдумал даже новую религию пролетариата, основываясь на том же Авенариусе» [1].

Несомненно, в философии Плеханов, критикуя махистов, отстаивал правое дело. Но Богданов и его единомышленники не желали этого ни видеть, ни признавать. В неопубликованной рукописи «Десятилетие

---

[1] Вехи. М., 1909, с. 5, 15—16; см. также с. 81.

отлучения от марксизма» (1914) Богданов писал: «Искать у Плеханова последовательности, выдержанности философских принципов — занятие бесплодное. Он по природе своей вовсе не философ. Он никогда им и не был. Судьба заставила его, одного из первых русских марксистов, популяризировать социально-философские и общефилософские идеи Маркса и Энгельса. Выполнил он это не без ошибок; но дело было полезное и необходимое; да судить об ошибках тогда было некому. Затем, по привычке вчерашних рабов, наши россияне стали обращаться к Плеханову за авторитетным разрешением всевозможных вопросов, в т. ч. философских. Так он попал в положение, которое в конце концов оказалось довольно фальшивым».

Подобное отношение к Плеханову обнаруживало отступление русских махистов от основ диалектического и исторического материализма, которые в полемике с ними и другими ревизионистами защищал Плеханов.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин отметил, что русские махисты, делая вид, будто они отвергают только идеи Плеханова, на самом деле ведут борьбу против философских воззрений Энгельса и диалектического материализма вообще. «...Махисты,— писал он,— боятся признать правду. Они борются с материализмом, а делают вид, будто борются с Плехановым: трусливый и беспринципный прием» (18, 84). И далее: «...только *нечистая совесть* (или разве еще в придаток незнакомство с материализмом?) сделали то, что махисты, желающие быть марксистами, дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова. Это именно топтанье, скучная и мелкая грызня, придирки к уче-

нику Энгельса, при трусливом увертываньи от прямого разбора взглядов учителя» (18, 97—98).

Отделяя Плеханова от Энгельса, указывая на не вполне точное, а подчас и просто неправильное толкование им тех или иных философских проблем, Ленин вместе с тем защищал Плеханова от нападок махистов там, где Плеханов выражал точку зрения Энгельса и где нападение на Плеханова являлось лишь формой нападения на марксистскую философию.

Ленин и его сподвижники не раз побуждали Плеханова выступить с развернутой работой против махизма. Об этом, в частности, свидетельствовал в «Женевских воспоминаниях» В. Д. Бонч-Бруевич: «Я объяснил Г. В. Плеханову[1], что мы совершенно в этом (в отрицательном отношении к философским воззрениям Богданова.— *А. В.*) с ним согласны, что философские воззрения Богданова не могут не смущать нас, но мы твердо решили, пока что, не поднимать их, объединяясь на всей другой нашей программе, стратегии и тактике, где у нас нет разногласий, а философский вопрос мы совершенно исключаем, о чем так и заявили Богданову.

— А вот вы бы, Георгий Валентинович,— добавил я,— выступили бы с критикой философской системы Авенариуса. Ведь этой философией сильно увлекаются и меньшевики, и большевики, и другие социалистические группы. В России создается целая литература. Читаются лекции, рефераты, а наша марксистская критика молчит. Совершенно нечего противопоставить...

— Да, да,— это верно! — оживленно воскликнул Георгий Валентинович.— Необходимо, крайне необходимо выступать! Ведь то же самое и за границей; и в Германии, и в Австрии, и в Польше, и в Америке —

---

[1] Судя по контексту, разговор происходил в 1904 году.

везде наши товарищи стали углубляться в эту весьма туманную идеалистическую философию... Темноты в этом эмпириокритицизме напущено ужасно много, десять раз перечтешь, пока доберешься до смысла, иногда думаешь «мартобря» какое-то,— ввернул он любимое свое словечко,— а это-то и нравится, этим-то и увлекаются».

Далее В. Д. Бонч-Бруевич продолжал: «Георгий Валентинович очень заинтересовался моими наблюдениями в нашей библиотеке-читальне, устроенной при ЦК партии, где книги Богданова требовались нарасхват...

— Я предполагаю начать любовную переписку с Богдановым. Вчера твердо решил написать по поводу его выступлений несколько философских писем и опубликовать их — пускай молодежь почитает, как мы, старики, понимаем эту реакционную философию» [1].

Однако впервые с печатной критикой русских приверженцев учения Маха и Авенариуса Плеханов выступил лишь летом 1905 года в «Предисловии переводчика» ко 2-му изданию брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Он писал: «Подчас приходилось почти сожалеть о том, что нашим товарищам попадались в руки философские книги. Сожалеть потому, что они не умели критически отнестись к изучаемым ими авторам и кончали тем, что сами подчинялись их влиянию. А так как современная философия не только у нас, но и на Западе стоит под знаком реакции, то в революционные головы попадало реакционное содержание, и начиналась величайшая путаница, которая иногда получала громкое имя *критики Маркса,* а иногда носила более скромное название *соединения марксизма* с философскими взглядами

[1] Под знаменем марксизма, 1929, № 1, с. 35—36.

того или другого идеолога буржуазии (неокантианцев, Маха, Авенариуса и др.)»[1].

Пытаясь раскрыть причину стремления подобных критиков соединить учение Маркса с воззрениями тех или иных буржуазных мыслителей, Плеханов отмечал, что такой критик более или менее усвоил себе «философско-*историческую* сторону учения Маркса, но собственно *философская* сторона этого учения осталась для него непонятной и недоступной». «Нет, что бы там ни говорили наши противники, а это неоспоримо: стремление к «соединению» теории Маркса с другими теориями, которые, по немецкому выражению, бьют ее по лицу, обнаруживает стремление к выработке стройного миросозерцания, но оно обнаруживает также *слабость мысли, неспособность строго и последовательно держаться одного основного принципа*. Иначе сказать: тут обнаруживается неспособность понять Маркса»[2].

«Мне самому,— свидетельствовал Плеханов,— не раз приходилось слышать вопрос: почему нельзя соединить исторический материализм с трансцендентальным идеализмом Канта, с эмпириокритицизмом Авенариуса, с философией Маха и проч. Я всегда отвечал на это почти в тех же выражениях, в которых отвечаю теперь»[3]. И далее он давал обширный анализ воззрений Маха и Авенариуса.

Усиленное распространение эмпириокритицизма в 1905—1906 годах привело Плеханова к мысли о необходимости более основательных выступлений против этой формы философской ревизии. Роль одного из побудительных мотивов сыграли здесь письма от многих

---

[1] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М., 1957, т. 3, с. 67.

[2] Там же, с. 68, 71.

[3] Там же, с. 71.

социал-демократов с просьбой выступить в печати с разъяснением сути махизма.

В этом отношении определенный интерес представляет письмо некоего А. Скобеева из Иркутска, в котором он обращался к Плеханову с просьбой помочь ему в овладении философией материализма. В декабре 1906 года он писал Плеханову: «Вы говорите, что «современный идеал рабочего класса не может быть равнодушен к философии, так как апологеты буржуазии довольно умно облекают в философский покров антипролетарскую часть своих воззрений. Чтобы победить их, надо уметь бороться с ними философским же оружием». Я хотел бы владеть «философским оружием», но попытки в этом направлении были не особенно удачны. Пробовал изучать «реалистический сборник» Богданова, Луначарского и др. (т. е. «Очерки реалистического мировоззрения». Спб., 1904.— *А. В.*) и кроме отчаяния ничего не получил. То же случилось и с Геффдингом, Вундтом и др. Единственная книга, которая мне оказалась доступной и которую я почти всю понял, это Ваша «Критика наших критиков». Далее автор просил Плеханова «указать десяток, другой книг, изучивши которые можно было бы читать свободно всякую или почти всякую философскую книгу или статью».

Другой корреспондент Плеханова, А. Рыбак (А. А. Тарасевич), 9 января 1907 года писал ему: «...многими из товарищей все больше и больше ощущается настоятельная необходимость в появлении более или менее обстоятельного разбора эмпириокритицизма с точки зрения марксизма.

Такая книга или же брошюра покажет нам, в чем заключаются неверные и слабые стороны этой философской системы... Сущность... просьбы, с которой я (я мог бы сказать «мы») хотел обратиться в этом пись-

ме к вам, Георгий Валентинович, отсюда ясна... Появление такого рода ответа эмпириокритицистам очень важно теперь, а поэтому мы и просим вас написать его, если вы вообще согласны с нами и если ничто не мешает выполнению этой нашей просьбы»[1].

К выступлениям против махизма не раз побуждала Плеханова и Л. И. Аксельрод. В октябре 1906 года она писала ему из Териоки: «...эмпириомонизм растет не по дням, а по часам. Луначарский, Базаров, Богданов, Финн, Рожков и т. д. везде выступают и сеют эту заразу. Им необходимо возражать, а с нашей стороны, кроме меня, никого здесь нет, и само собой разумеется, что этого мало, что нужны люди... Вашего журнала (речь идет о «Дневнике социал-демократа».— *А. В.*) ждут теперь с жгучим нетерпением. Он как раз отвечает запросам и прекрасно пойдет...»[2]

В другом письме, в ноябре 1906 года, Аксельрод отмечала: «...мне кажется, что следовало бы написать рецензию на III книгу Богданова об эмпириомонизме. В этой книге он искажает Энгельса, искажает Ваши взгляды, по дороге выругал также меня[3], а главное проповедует антимарксистские взгляды, выдавая их за марксизм. Если ничего не имеете против рецензии и против того, чтобы я ее написала, то будьте так добры сообщить об этом... Противники собираются нападать. Говорили мне, что намерены ругаться Луначарский, Столпнер (абсолютный дух), и мне лично сказал Юшкевич (брат беллетриста), что и он собирается писать статью против меня»[4].

---

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938, сб. V, с. 308—309.

[2] Там же, с. 306.

[3] Имеется в виду резкий отзыв Богданова о статье Л. Аксельрод, опубликованной в газете «Искра» (1904, № 77).

[4] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938, сб. V, с. 306—307.

После опубликования Богдановым в ежемесячнике «Вестник жизни» (1907, № 7) «Открытого письма Плеханову» Аксельрод писала ему в конце 1907 года: «...Богданову Вам, по моему мнению, необходимо ответить. Публика давно ждет Вашего ответа, и этот ответ будет иметь огромное значение» [1].

Плеханов и сам понимал необходимость усиления критики махистского поветрия, тем более что статьи Аксельрод далеко не решали этой задачи.

В рецензии на книги И. Дицгена «Аквизит философии» и «Письма о логике» (июль — август 1907 года) Плеханов отметил идеалистический характер «философской» мысли А. Богданова[2]. В работе «Основные вопросы марксизма» (ноябрь — декабрь 1907 года), говоря о «возрождении идеализма» в общественной науке, Плеханов писал: «...у нас даже в среде «теоретиков пролетариата» являются люди, не понимающие общественной причины этого «возрождения» и сами подчиняющиеся его влиянию: Богдановы, Базаровы и им подобные...»[3]

Заметки, записи Плеханова к отдельным философским работам, сохранившиеся в архиве, дают возможность увидеть и некоторые любопытные штрихи критики в адрес Луначарского. Так, в неопубликованных заметках 1907—1908 годов он ставит вопрос следующим образом: «Откуда возникла религия Луначарского?» И дает такой ответ: «Из декаденческого стремления к *мифу*. Его «попытка» выделить «самопознание» по отношению к своему мировоззрению привела к

---

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1938, сб. V, с. 309.

[2] См.: *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения, т. 3, с. 110.

[3] Там же, с. 186.

тому, что он изобразил свою философию, как неуклюжую карикатуру на буржуазное общество». Далее, обращаясь к Луначарскому, Плеханов говорил: «Вы идете назад под предлогом продвижения вперед. И этим вы похожи на всех критиков Маркса». Считая Луначарского одним из ревизионистов философии марксизма, Плеханов сравнивал его с Бернштейном.

Неправильно было бы видеть в резко отрицательном отношении Плеханова к махизму Богданова и Луначарского только выражение его политического меньшевизма, узкоутилитарное использование ошибок противника. Плеханов критически относился к махизму и тогда, когда его проповедовали в меньшевистских рядах. «Жорж все более и более склоняется к тому, чтобы в партийных выступлениях выступать только с ортодоксальными марксистами,— писала Р. М. Плеханова в 1908 году П. Б. Аксельроду.— Литературные блоки, даже партийные, он находит вредными. Он находит, что непоследовательно и смешно полемизировать с Богдановым, большевиками и другими под ручки с Юшкевичем и Валентиновым только потому, что они меньшевики».

Плеханов собирался публично выступить и против русского махиста меньшевика Я. Бермана, повторявшего в своих работах, по словам Ленина, «старый-престарый вздор о диалектике» (18, 327—328). Быть может, это намерение было связано с письмом Меламеда из Лозанны от 14 января 1907 года, в котором тот писал Плеханову: «Я думаю, что ввиду вылазки Я. Бермана (ноябрьская книжка «Образование» за 1906 год, статья «Марксизм или махизм?») ответ ему, хотя бы в виде предисловия к «Beitrage» [1], был бы своевременен.

---

[1] Имеется в виду работа Плеханова «Основные вопросы марксизма».

Простите, дорогой товарищ, что я вмешиваюсь в Ваше дело, верьте, что в данном случае я движим желанием победы над нашими идейными противниками и ничем иным». В свою очередь Л. Аксельрод писала Плеханову по этому же поводу 6 января 1907 года из Терioки: «Видели ли Вы 11-ю книгу «Образования»? Там есть статья под заглавием «Марксизм или махизм?». Она целиком направлена против Ваших философских взглядов. Статья путаная, нелепая, а автор обнаруживает в ней схоластические склонности, но не философские мысли».

Хотя со специальной работой против упомянутой статьи Бермана Плеханов так и не выступил, но в его архиве сохранились наброски рецензии на книгу Бермана «Диалектика в свете теории познания». Среди них есть такая ироническая запись: «Смысл тут заключается в том, что Бернштейн был не настоящий ревизионист, между тем как Берман обещает быть настоящим».

Вполне осознав серьезную опасность махистского ревизионизма в партии, Плеханов подготовил и в 1908 году опубликовал большую работу «Materialismus militans» («Воинствующий материализм») [1].

[1] В процессе ее написания он имел возможность ознакомиться с корректурой махистского сборника «Очерки по философии марксизма». Это видно из письма В. К. (автор не установлен) из Петербурга (начало 1908 года) Плеханову: «Услышав, что под Вашей редакцией предполагается к выходу в Риге новый журнал, в 1-м номере которого будет помещен Ваш ответ т. Богданову, и думая, что для Вас небезынтересно будет иметь под руками новые произведения как тов. Богданова, так и другие, решил послать Вам корректурные листы нового философского сборника со статьями Базарова, Бермана, Луначарского, Юшкевича, Богданова, Суворова и пр. Пока отпечатано только 10 листов, которые Вам одновременно с этим письмом шлю заказной бандеролью. Вся книга выйдет к концу января. Если для Вас действительно представляет интерес такое преждевременное по-

«...Идейная неясность,— писал он в этой работе,— особенно вредна у нас в настоящее время, когда под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии и когда некоторые идеалисты — вероятно, в интересах пропаганды своих идей — объявляют свои взгляды марксизмом самоновейшего образца» [1].

Обращаясь непосредственно к Богданову, Плеханов заявлял: «...Вы находитесь именно вне пределов марксизма, это ясно для всех тех, которые знают, что все здание этого учения покоится на *диалектическом материализме,* и которые понимают, что Вы в своем качестве убежденного махиста на материалистической точке зрения не стоите и стоять не можете... Вы отвергаете точку зрения Энгельса. А кому известно, что Энгельс был полным единомышленником автора «Капитала» также и в философии, тому очень легко будет понять, что, отвергая точку зрения Энгельса, Вы *тем самым* отвергаете точку зрения Маркса и примыкаете к числу *«критиков» этого последнего»*[2].

Далее Плеханов указывал: «Не будучи марксистом, Вы во что бы то ни стало хотите, чтоб мы, марксисты, считали Вас своим *товарищем...* Я просто-напросто не считал нужным спорить с Вами, полагая, что сознательные представители российского пролетариата сами сумеют оценить Ваши *мудрости философические...* Говоря по правде, я, боясь скуки, и теперь

лучение этой книги, то сообщите, и я буду последовательно высылать Вам лист за листом по мере печатания. Делаю я это без ведома авторов и издателя, и поэтому я хотел бы, чтобы это оставалось между нами».

[1] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения, т. 3, с. 207.

[2] Там же, с. 203—204.

не собрался бы ответить Вам, г. Богданов, если бы не тот же г. Анатолий Луначарский. Пока Вы тредьячили в своем «эмпириомонизме», он выступил — наш пострел везде поспел — с проповедью новой религии, а эта проповедь может иметь гораздо большее практическое значение, нежели пропаганда Ваших <будто бы> философских идей»[1].

Об уродовании учения Маркса ревизионистами — Богдановым, Луначарским и другими — Плеханов говорил и в работах «О так называемых религиозных исканиях в России», «О книге В. Виндельбанда», «Трусливый идеализм» и др.

Эти выступления Плеханова против махизма находили сочувствие и поддержку у Ленина. На этой основе и сложился своеобразный союз между ними в области философской борьбы. Ленин нимало не смущался тем, что, критикуя своих товарищей по фракции, он вместе с тем вынужден был не раз указывать на принципиальную правоту Плеханова в споре с ними, в отстаивании им мировоззренческих основ марксизма.

Совсем по-другому оценивали выступления Плеханова социал-демократы махисты и поддерживавший их Горький. «Скажи Вере[2], что ее Плеханов — увы! — иссяк совершенно, о чем с трагической ясностью свидетельствует его последняя статья против Богданова,— писал Горький Е. П. Пешковой летом (июль или август) 1908 года.— Какое бессилие ума и какой позорный недостаток знаний! Злобно, не корректно, не умно. Мудрый человек должен умереть вовремя»[3].

---

[1] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения, т. 3, с. 207—209.

[2] Вера Николаевна Кольберг — друг семьи Пешковых, участница освободительного движения.

[3] Архив А. М. Горького. М., 1966, т. 9, с. 53.

5. «Философия искаженного большевизма»?

К 1908 году, несмотря на выступления против махистского ревизионизма со стороны Плеханова, Аксельрод, Деборина [1] и других, образовался своеобразный единый махистский «лагерь», осуществлявший фронтальную атаку против всех коренных положений философии марксизма. В него входили и к нему примыкали представители самых разных идейно-политических направлений, партий и групп.

В частности, махистские идеи были провозглашены в это время наиболее научной философией и в эсеровском, неонароднической лагере. Один из идеологов этого течения, В. Чернов, выпустил в 1907 году пронизанную идеями Маха и Авенариуса работу «Философские и социологические этюды».

Распространением эмпириокритических воззрений занимались в это время — к большому огорчению Плеханова — и меньшевики (П. Юшкевич, Н. Валентинов, Н. Рожков и другие). Лишь один Валентинов опубликовал в 1908 году две большие работы: «Э. Мах и марксизм» и «Философские построения марксизма».

В книге «Э. Мах и марксизм» Валентинов писал: «Вокруг имени венского философа Э. Маха у нас возникла полемика. Соединимы ли марксизм и философия Э. Маха? Соединимы ли принципы научной социологии, называемой *материалистическим пониманием истории,* с философскими принципами *критического реализма,* в той его форме, в какой он выдвинут со стороны психологов — Р. Авенариусом, а со стороны физиков — Э. Махом?»[2]

На эти вопросы сам Валентинов еще раньше дал

[1] См.: *Деборин А.* Философия Маха и русская революция.— Голос социал-демократа, 1908, № 4—5.

[2] *Валентинов Н.* Э. Мах и марксизм. М., [1908], с. 1.

ответ. Так, в рецензии на книгу Н. Бельтова (Г. В. Плеханов) «За двадцать лет. Сборник статей литературных, экономических и философских» он отмечал: «Психофизиологическая теория Авенариуса не подкапывается под принципы исторического материализма, она, наоборот, утверждает эти принципы на самых научных, антиметафизических основах»[1]. В другой рецензии (на книгу: *Андреевич.* Опыт философии русской литературы) Валентинов писал: «В основу марксизма положена очень интересная гносеологическая теория и чтобы составить себе о ней ясное представление — необходимо собрать и систематизировать различные (подчас очень отрывистые) философские замечания, разбросанные в «Анти-Дюринге», в «Людвиге Фейербахе» Энгельса, «Нищете философии», в I, III томах «Капитала». Дух и направление этой теории до поразительности совпадает с критическим эмпиризмом Маха и Авенариуса»[2].

Рецензируя книгу «Р. Авенариус. Критика чистого опыта. Новая теория позитивного идеализма в популярном изложении А. В. Луначарского», Валентинов подчеркивал: «Основные посылки социологического монизма Маркса и Энгельса и эмпириокритической философии Авенариуса и Маха — решительно одинаковы, и эти две величайшие теории современности взаимно пополняют и обосновывают друг друга. Все положения материалистического взгляда на историю получают полную гносеологическую санкцию с точки зрения эмпириокритицизма, и эмпириокритические положения становятся ясными и понятными в рамках указываемых марксизмом законов... Теоретико-познавательный идеал эмпириокритицизма, чуждый всяких

---

[1] Правда, 1905, июль, с. 199.
[2] Там же, август, с. 194.

метафизических и фетишистских стремлений, требует простого, отчетливого и экономного описания явлений действительности, и этот идеал есть идеал критического материализма Маркса и Энгельса» [1].

В книге «Э. Мах и марксизм», развивая эту мысль, Валентинов писал: «Странную форму приняло обсуждение этого интересного и важного вопроса (о соединимости исторического материализма и махизма.— *А. В.*). Вместо того, чтобы критически *отнестись, изучить и понять* взгляды Маха, являющегося, по справедливому указанию А. Богданова, «величайшим из нынешних работников философии естествознания» и «самым крупным в настоящее время философом вообще»,— российские «критики» его (я, главным образом, имею в виду ортодоксов-материалистов) расправляются с ним, поистине, на редкость негодным способом. Они, прежде всего, безапелляционно заявляют, что Мах и Авенариус — *идеологи буржуазии...* взгляды их несоединимы с марксизмом... В настоящее время марксистам-эмпириокритикам приходится пробивать себе дорогу сквозь тяжелую и удушливую атмосферу ложных обвинений, притом в такой *форме,* которая делает понятным *критически-полемический* характер их выступлений» [2].

Обращаясь непосредственно к Маху, Валентинов в письме к нему отмечал: «...среди нас громадное большинство тех, что принимают Ваши и Р. Авенариуса взгляды, являются в то же время сторонниками и учения Маркса»[3].

А в конце этой книги делалось такое «пророчество»: «Метафизические системы материализма и идеализма отжили свой век! Рождается действительно на-

[1] Правда, 1905, июнь, с. 187.
[2] *Валентинов Н.* Э. Мах и марксизм, с. 1, 2.
[3] Там же, с. 5.

учная философия и рано или поздно, в этом я твердо уверен, марксизм соединится с нею, вопреки тем господам, которые препятствуют этому соединению, полагая, что вечная истина философии находится в их Sacra Scriptura (Священное писание — *лат.*) и никаким роком не может быть отменена» [1].

Весьма воинственным ревизионистом философии марксизма из рядов русской социал-демократии выступил и П. Юшкевич, стремившийся совместить марксистскую философию с махизмом, точнее, заменить ее особой разновидностью махизма — «эмпириосимволизмом».

Итак, действительно целый лагерь... И все же следовало посчитаться со все более утверждавшимся в партийных социал-демократических кругах представлением о наличии двух философских течений внутри российской социал-демократии: одно, «традиционное», «догматическое», олицетворял прежде всего Плеханов, второе — «новаторское», «свежее» («в пути!»— писал о них Горький) —литераторы вроде Богданова и Луначарского.

Определиться же здесь можно было только при достаточной философской подготовке. Да и то непросто.

Жил в это время в Женеве большевик Владимир Филиппович Горин (Галкин), проделавший сложный путь от народничества к марксизму, бывший делегатом II съезда партии, пользовавшийся уважением со стороны Ленина[2]. Всю свою жизнь Горин увлекался философией. В 1907 году он пришел к мысли о необходимости выработки собственного отношения к уже по сути начавшейся борьбе социал-демократов по вопросам философии. Весной этого года Горин пишет бра-

[1] *Валентинов Н.* Э. Мах и марксизм, с. 62.

[2] См.: *Кузько В. А.* В. Ф. Горин-Галкин.— История СССР, 1969, № 3.

ту: «Время, потраченное тобою на чтение Богданова, все же не выброшенное, так как, несмотря на ошибочность его философии, он имеет последователей среди молодежи, с чем необходимо бороться».

Но ведь борьбу уже ведут и Плеханов, и Аксельрод, и Деборин. Почему бы не примкнуть к ним? А вот почему: «Если всякого, за немногими исключениями, из мнящих себя усвоившими диалектический материализм в его общефилософской части, пощупать, то окажется, что он то и дело впадает в старую колею. Взять хотя бы Ортодокса [Л. И. Аксельрод]. Диалектического понимания у нее почти нет. Материализм у нее в общем — догматический: так думал, сказал сам Маркс и Энгельс. А между [тем] они ничего зря не сказали. На все у них был основательный повод. В таком случае не догматизируй, а аргументируй. Много ругательств по адресу «махистов» и т. п., а научить... всякого желающего избегнуть этих господ и вместе оставаться не догматиком, этого у нее и в помине нет. Немало у нее и хвостиков «механического материализма». Да и Плеханов, выдавший, по словам Горина, диплом Ортодокс, «не всегда удовлетворительно защищает общефилософскую часть [учения] Маркса — Энгельса. Так, в вопросе о «тождестве сознания и бытия», самой важной крепости идеализма, он почти беспомощен...»

Популярность Богданова толкала к изучению его работ. В начале октября 1907 года Горин пишет, что ему нужно составить определенную точку зрения на богдановскую философию, и тогда же приступает к критическому разбору статей эмпириосимволиста П. Юшкевича, характеризуя русский эмпириосимволизм как «фальсификацию общефилософского материализма». Во всяком случае, механический материализм (по Горину, это лучшая форма философии после

марксистской ее формы) представляется ему «неизмеримо выше богдановщины и т. п.».

В начале декабря 1907 года, с огорчением констатируя, что статья эмпириомониста NN — о социологии — будет помещена в журнале «Радуга», Горин пишет: «Подтверждается вполне моя мысль, что эмпириомонизм есть философия искаженного большевизма... (революционного синдикализма и т. п.). Если Богданов не пришел к революционному синдикализму, то по непоследовательности». Горин был уверен, что Богданов пойдет по пути Луначарского (либо вовсе откажется от эмпириомонизма).

В конце 1907 года в эмигрантских колониях в Женеве и отчасти в Берне начались, по свидетельству А. М. Деборина, острые публичные диспуты по философии «при огромном стечении местной и даже приезжей социал-демократической публики» [1].

---

[1] Под знаменем марксизма, 1927, № 1, с. 9.

III. РОЖДЕНИЕ

Кончался 1907 год. Ленин живет в Финляндии. Напряженная работа: доклад о недавно состоявшемся Штутгартском конгрессе II Интернационала на Петербургской конференции РСДРП, статья об этом же для газеты «Пролетарий», предисловие к первому тому собрания своих сочинений «За 12 лет», выходящему в издательстве «Зерно», совещание членов литературной группы большевиков для обсуждения рукописи брошюры Луначарского об отношении партии к профсоюзам, доклады о III Государственной думе, об участии социал-демократов в буржуазной печати на конференции Петербургской партийной организации, участие в IV конференции РСДРП в Гельсингфорсе, продолжение научной разработки аграрного вопроса в России, переговоры с представителем издательства братьев Гранат относительно сотрудничества в их «Энциклопедическом словаре», встречи и беседы с Богдановым, Бонч-Бруевичем, Ольминским...

В декабре (ранее 8/21) большевистский центр принимает решение о перенесении издания «Пролетария» за границу (реакция наступала, печатать газету в России становилось невозможным) и поручает Ленину, Богданову и Дубровинскому выехать за рубеж и организовать там ее издание.

12(25 декабря) при переходе по льду Финского залива, направляясь на остров Нагу, где он должен был сесть на пароход, следующий в Стокгольм, Ленин чуть было не погиб: лед стал проваливаться...

Наконец Ленин в Стокгольме. Несколько дней в ожидании Крупской. Посещение королевской библиотеки, беседа со шведскими социал-демократами. 21 декабря (3 января 1908 года) Ленин и Крупская выехали поездом в Женеву через Берлин. На следующий день в столице Германии их встречал член берлинской группы РСДРП Аврамов. Вечер они провели у Розы Люксембург[1]. 25 декабря (7 января) Ленин прибыл в Женеву.

Знает ли Ленин, предполагает ли, что вскоре ему придется вновь ввязаться в жесточайшую борьбу — на этот раз на философской арене?..

1. «...Зачем уже так нас обижать...»

3(16) января 1908 года газета «Речь» (№ 2) напечатала сообщение о выходе в свет первой части второго тома сочинений Вл. Ильина «За 12 лет» (она вышла под названием «Аграрный вопрос»). А два дня спустя та же «Речь» (№ 4) сообщила о появлении сборника «Очерки по философии марксизма», составленного из статей махиствующих социал-демократов. До этого выступления ревизионистов махистского толка, хотя и становились они все активнее, носили все же более или менее индивидуальный характер (если не считать сборника «Очерки реалистического мировоззрения») — теперь же появилась своего рода коллективная платформа, документ, свидетельствовавший об общей наступательной деятельности махистов.

---

[1] См.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 317—318.

Это был уже открытый вызов диалектическому материализму вообще, серьезный факт общепартийной жизни.

«Очерки *«по»* философии марксизма»... представляют из себя необыкновенно сильно действующий букет именно в силу коллективного характера книги,— писал Ленин.— Когда перед вами выступают вместе и рядом Базаров, который говорит, что по Энгельсу «чувственное представление и есть вне нас существующая действительность», Берман, объявляющий диалектику Маркса и Энгельса мистикой, Луначарский, договорившийся до религии, Юшкевич, вносящий «Логос в иррациональный поток данного», Богданов, называющий идеализм философией марксизма, Гельфонд, очищающий И. Дицгена от материализма, и, наконец, С. Суворов со статьей «Основания социальной философии», то вы сразу чувствуете «дух» новой линии. Количество перешло в качество. «Ищущие», искавшие доселе порознь в отдельных статьях и книгах, выступили с настоящим пронунциаменто. Частные разногласия между ними стираются самым фактом коллективного выступления *против* (а не «по») философии марксизма, и реакционные черты махизма, как течения, становятся очевидными» (18, 351—352). «...Настоящий поход против философии марксизма» (18, 9) —так определил Ленин это выступление.

Реакция на махистские «Очерки» была самой различной. Горячо приветствовал сборник Горький. В феврале 1908 года он писал с Капри в Париж Е. П. Пешковой: «...вышел интереснейший сборник «Очерки по философии марксизма». Если б ты одолела в нем статьи Базарова и Богданова — это было бы очень ценное приобретение для тебя. Богданов — самый интересный и — м[ожет] б[ыть] — самый крупный философ Европы, недаром немцы восхищаются им,

поверь»[1]. И несколько позже, в том же феврале: «Если ты усвоишь богдановскую статью — будет хорошо. Готов повторить сто раз, что он — самый оригинальный и здоровый философ современности и что его ждет великая слава. Затем статьи Базарова и Луначарского»[2].

Иной была реакция В. Ф. Горина. В начале 1908 года он подготовил статью с разбором учения Маха и думал было просить Луначарского о содействии ее опубликованию в журнале «Образование»: «Я относился к Луначарскому хорошо как к человеку и не видел ничего постыдного в обращениях к нему. В настоящее время дело изменилось. Недавно эмпириомонисты выпустили сборник под названием «Философия марксизма», в котором, конечно, нет ничего марксистского. Но не в этом беда, а в том, что там имеется статья Луначарского, в которой он запел «аллилуйя» и вообще в духе булгаковщины. Конечно, к Булгаковым[3] я не стану обращаться ни с какой просьбой, ни с требованием, хотя бы самым справедливым...»

А Ленин в письме А. М. Горькому от 25 января (7 февраля) 1908 года писал: «...я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Богданова и эмпириокритиков Базарова, Луначарского и др.— и *все* мои симпатии *они* толкают *к Плеханову!* Надо же иметь физическую силу, чтобы не давать себя увлечь настроению, как делает Плеханов! Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело. Я — за материализм против «эмпирио-» и т. д.» (47, 135).

В статье «К 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1934) Крупская

[1] Архив А. М. Горького, т. 9, с. 45.
[2] Там же, с. 46.
[3] Имеется в виду С. Н. Булгаков.

свидетельствовала, что стимулом, обратившим Ленина к занятиям философией, явилось именно распространение махистской философии среди большевиков: «На протяжении всей своей деятельности яро боролся Ленин против оппортунизма, против сдачи принципиальных позиций, и, когда *в среде большевиков* под влиянием наступавшей все напористее реакции начались оппортунистические шатания в области философии, попытки, *прикрывшись плащом самой непримиримой революционности,* взять под сомнение научность диалектического материализма путем ссылок на небольшую группу вставших на путь идеалистической философии ученых-физиков, исказить сущность диалектического материализма, Ленин решил, что в данный момент борьба на философском фронте — это то звено, за которое надо ухватиться, что на этом именно фронте надо дать бой оппортунизму» [1].

Выступая в это время за отделение философских споров от «цельной партийной работы», Ленин еще не принял решения о собственном печатном выступлении против махистов. В том же письме к Горькому содержится признание: «Я очень сознаю свою неподготовленность к этой (философской.— *А. В.*) области, мешающую мне выступать публично» (47, 134—135). Как это характерно для Ленина! Лет десять назад в одном из писем А. Н. Потресову (от 27 июня 1899 года), возмущаясь антимарксистскими писаниями в области философии и социологии немецких (Штаммлер) и русских (Струве, Булгаков) неокантианцев, Ленин подобным же образом заявлял: «...не намерен писать на эти (философские.— *А. В.*) темы, пока не подучусь» (46, 31). Вот и теперь Ленин все еще не решался публично выступить с философским произведением.

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 332 (подчеркнуто мною.— *А. В.*).

Нет, однако, сомнений, что философия все больше затягивала Ленина. Тут своеобразную роль играли, конечно, его эпистолярные споры с Горьким.

13 февраля (31 января) Ленин писал Горькому: «Насчет материализма именно как миропонимания думаю, что не согласен с Вами по существу. Именно не о «материалистическом понимании истории» (его не отрицают наши «эмпирио-»), а о философском материализме. Чтобы англосаксы и германцы «материализму» были обязаны своим мещанством, а романцы анархизмом,— это я решительно оспариваю. Материализм, как философия, *везде у них в загоне.* «Neue Zeit», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков» (47, 137—138). Ленин писал далее о том, что философия Маркса и Энгельса «мещанства не допускает и на порог»; напротив, «все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии» (47, 138).

Действительно, «поражение русской революции пятого года, разгул реакции ударяли не только по настроениям российской социал-демократии — разгром русской революции не мог не отозваться и на настроении международной социал-демократии, усиливая в ней оппортунистические настроения» [1]. Действительно, в философии там уже давно *тянули к Канту.* Теперь *потянули к Маху.*

Уклон германских социал-демократов к оппортунизму проявился, в частности, и в их примиренческом, если не сказать более, отношении к махистскому ре-

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 334.

визионизму. Вот один из характерных фактов. В конце февраля 1908 года Плеханов писал К. Каутскому: «...мне кажется, что наши немецкие товарищи все более и более отворачиваются от материализма. Кстати, один товарищ[1] спрашивает меня, может ли он рассчитывать, что «Neue Zeit» напечатает статью по вопросу о том, были ли Маркс и Энгельс в философии марксистами или же скорее *махистами,* как говорит Адлер-junior (младший.—*Ред.*). Я не решился ответить ему утвердительно»[2]. Каутский так ответил на это (10 марта 1908 года): «Что касается Маха, то я отношусь к нему без всякой предвзятости; должен сознаться, что еще не собрался ничего прочесть из его произведений. Ввиду значительности его выступления, я считаю необходимым давать высказаться в «Neue Zeit» его сторонникам, так как «Neue Zeit» является органом для *обсуждения* всех *серьезных* социалистических воззрений. А поскольку мне известно о Махе, к нему нужно отнестись серьезно... Если какой-нибудь товарищ хочет ответить Адлеру — Богданову, то, разумеется, я буду рад»[3].

Л. И. Аксельрод была в общем права, когда 2 июля (19 июня) 1910 года писала Плеханову, что у теоретиков германской социал-демократии немало грехов. «Утверждают же они, что можно Маха с Марксом соединить».

В самом деле, Каутский по существу вел себя уклончиво, утверждая, будто марксизм не связан с какой-либо определенной философией и поэтому может быть «совместим» с теорией познания Маха. А авст-

---

[1] Имеется в виду А. М. Деборин.

[2] Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973, т. 2, с. 181.

[3] Там же, с. 181—182.

рийский социал-демократ Фридрих Адлер объявил доктрину Маха большим научным открытием[1]. В 1909 году Ф. Адлер (перевод его статьи «Открытие мировых элементов» Н. Валентинов напечатал в своем опусе «Э. Мах и марксизм») опубликовал в австрийском журнале «Der Kampf» («Борьба») ответ Каутского рабочему Бендианидзе, обратившемуся к нему из Цюриха с просьбой высказаться о возможности сочетания махизма с марксизмом.

«Вы спрашиваете,— писал Каутский,— является ли Мах марксистом. Это зависит от того, что понимать под марксизмом. Я марксизм рассматриваю не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества. Это воззрение, правда, несовместимо с идеалистической философией, но оно не противоречит теории познания Маха... Я лично не вижу существенного различия между воззрениями Маркса и Дицгена. Мах же очень близок к Дицгену»[2].

Отличая от Маха и Дицгена их последователей, которые «пишут глупости», Каутский признавал, что, выступая против них, Плеханов прав. Другое дело: правильно ли сам Плеханов понимает марксистскую философию? Ведь у Маркса, заявлял Каутский, не было никакой философии — он провозгласил конец всякой философии. Высказывая сожаление по поводу имеющих место в среде российских социал-демократов споров о Махе, которые якобы не имеют ничего общего с задачами партии, Каутский усматривал выход из создавшегося положения в объявлении занятий философией частным делом; при этом махизм, по его словам,

---

[1] См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 2, с. 272, 273.

[2] Цит. по: Под знаменем марксизма, 1927, № 1, с. 12; см. также: Карл Каутский о Марксе и Махе.— Возрождение, 1909, № 9-12, с. 78.

отнюдь не противоречит положению «общественное бытие определяет сознание людей», а все остальное не суть важно.

Поэтому не было ничего случайного и удивительного в том, что теоретический орган германской социал-демократии «Neue Zeit» 14 февраля 1908 года (№ 20) поместил к 70-летию со дня рождения Маха статью Богданова «Эрнст Мах и революция». Это был перевод его статьи «Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха?», помещенной в качестве введения к русскому изданию книги Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1907, 2-е изд.—1908). По данному поводу сам Богданов в 1914 году в неопубликованной работе «Десятилетие отлучения от марксизма» писал: «В 1908 году Маху исполнилось 70 лет. Орган немецких марксистов «Neue Zeit», редактором которого состоит Карл Каутский, счел нужным отпраздновать эту годовщину. И он сделал это таким образом, что напечатал мою статью о Махе — статью еретика Богданова — с сочувственным предисловием переводчика!»

Махистская проповедь Богданова зазвучала, таким образом, и на международной арене. Мало того. В предисловии переводчика к его статье утверждалось, что в русской социал-демократии проявляется «сильная тенденция сделать то или иное отношение к Маху вопросом фракционного деления в партии».

Думается, что окончательным толчком, побудившим Ленина принять решение самому засесть за книгу против махистов, было именно это выступление «Neue Zeit», искаженно представлявшее борьбу в РСДРП по вопросам философии.

По этому поводу Ленин подготовил текст заявления от редакции газеты «Пролетарий» как органа большевистской фракции (напомним, что в редакцию

наряду с Лениным и Дубровинским входил и Богданов), где подчеркивалось, что философский спор среди русских социал-демократов фракционным не является и что «всякая попытка представить эти разногласия, как фракционные, ошибочна в корне. В среде той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений» (16, 421). 24(11) февраля 1908 года совещание редакции единогласно утвердило текст этого заявления [1].

25 февраля, т. е. на следующий день после этого совещания, Ленин пишет письмо Горькому, содержащее, по сути дела, первый набросок будущего философского труда (47, 141—145). Где-то около этого же времени в письме родным Ленин просит разыскать и прислать ему рукопись по философии (относящуюся к лету 1906 года) с критикой богдановского «Эмпириомонизма». «Заметки рядового марксиста о философии»— таков первоначальный заголовок, который Ленин хотел дать своему труду (47, 142).

В упомянутом письме Горькому, отметив, что махистская книга «Очерки по философии марксизма» «сугубо обострила давние разногласия среди беков по вопросам философии», Ленин рассказывает об истории своих отношений с Богдановым. В частности, он высказывает сожаление о том, что в свое время, в 1906 году, не напечатал свои заметки о богдановском «Эмпириомонизме». Что же касается «Очерков...», то при знакомстве с ними Ленин, по его словам, «прямо бесновался от негодования» (47, 142). «Нет, это не марксизм!.. Конечно, мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные,— но зачем уже так нас

---

[1] Оно было напечатано в «Neue Zeit» в переводе В. И. Ленина (№ 25, 20 марта), а на русском языке — в № 21 «Пролетария» 26(13) февраля.

обижать, что подобную вещь нам преподносить как философию марксизма!.. Меня опять потянуло к «Заметкам рядового марксиста о философии» и я их начал писать, а Ал. Ал-чу (т. е. Богданову.— *А. В.*) —в процессе моего чтения «Очерков» — я свои впечатления, конечно, излагал прямо и грубо» (47, 142, 143).

При этом Ленин указывает, что поводом для «довольно тяжелой драки» его с Богдановым в редакции «Пролетария» послужило обсуждение статьи Горького «Разрушение личности»: «...Вы явным образом начинаете излагать взгляды одного течения в своей работе для *«Пролетария»* (47, 143).

Считая теперь «некую драку между беками по вопросу о философии» «совершенно неизбежной», Ленин вместе с тем твердо убежден, что раскалываться из-за этого было бы глупо, опрометчиво: «Мы заключили блок для проведения в рабочей партии определенной тактики. Мы эту тактику вели и ведем до сих пор *без разногласий* (единственное разногласие было о бойкоте III Думы, но оно, во-1-х, никогда не обострялось между нами даже до намека на раскол; во-2-х, оно не соответствовало разногласию материалистов и махистов, ибо, например, махист Базаров был, как и я, против бойкота и написал об этом большой фельетон в «Пролетарии»).

Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непростительной глупостью. Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и беки, как фракция *партии, не были этим задеты.* И это вполне возможно» (47, 144—145).

Надо сказать, что Горький довольно остро отреагировал на это ленинское письмо. Получив его, он тотчас же направил такую записку Луначарскому:

«Дорогой Анатолий Васильевич!
Пожалуйте, прошу, немедля!
Ибо — скандал!
Нужно говорить нам, весьма нужно, ей же богу!
А.» [1].

О результатах этого разговора мы ничего не знаем. Вместе с тем нам важно зафиксировать: время начала работы Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм»— между 14 и 25 февраля 1908 года. Начиная с этого времени на протяжении семи с лишним месяцев — до сентября 1908 года (именно сентябрем помечено предисловие к книге) —Ленин работает над своим философским трудом.

Работа эта была исключительной по напряженности, велась практически без отдыха (лишь в конце июля — начале августа Ленин провел несколько дней в горах в районе Дьяблере) и почти без отключения на другие занятия (если не считать статей для «Пролетария» да поездки — но это уже в октябре — в Брюссель на заседание Международного социалистического бюро). Более двухсот источников — статей и книг — использовал Ленин, подготавливая свой труд.

Воссоздать детально процесс работы Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» едва ли возможно: материалов, где зафиксирован этот процесс, у нас практически нет. Не разысканы «Заметки рядового марксиста о философии», написанные в

[1] Литературное наследство, т. 80, с. 40. В письме Луначарскому от 31 января (13 февраля) 1908 года Ленин, торопясь ответить на неизвестное нам письмо Луначарского от 11 февраля, замечал между прочим: «Не совсем понимаю, чего бы Вам огорчаться моим письмом? Не из-за философии же!» (47, 135). Может быть, этому предшествовало какое-либо неизвестное нам письмо Ленина Луначарскому, а может быть, Луначарский огорчился письмом Ленина Горькому от 25 января (7 февраля), где и он был упомянут (см. 47, 135).

1906 году. Совершенно неясна и судьба рукописи самой книги, хотя, как будет видно из дальнейшего, у Ленина имелась и копия с нее. Почти неизвестны и другие подготовительные материалы.

Впрочем, кое-что все-таки имеется. Это прежде всего ленинские «Десять вопросов референту» (см. 18, 1—6), явившиеся своего рода планом-конспектом будущей книги, а также пометки Ленина на некоторых философских трудах, проштудированных им в период с февраля по октябрь 1908 года.

Речь идет, в частности, о пометках Ленина на книге И. Дицгена «Мелкие философские работы. Избранное» (Штутгарт, 1903, на немецком языке) (см. 29, 365—454, 666); на статье Энгельса «Об историческом материализме», напечатанной в «Neue Zeit» (№ 1, 1892—93) (см. 18, 25, 106—115); на книге Г. В. Плеханова «Основные вопросы марксизма» (Спб., 1908) [1] (см. 29, 455—458).

К лету 1908 года относится работа Ленина и с книгой В. М. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха» (М., 1908); известен его отзыв о ней (см. 29, 459—474). Думается, что внимание Ленина к этой книге было привлечено, помимо всего прочего, ее подзаголовком, в котором упоминается Мах.

Ранее 14(27) октября Ленин делает пометки на 2-м томе Собрания сочинений Фейербаха (Лейпциг, 1846, на немецком языке); эту книгу он тоже использует при написании своего труда (см. 18, 181, 209—210) [2].

Некоторые этапы этой работы — а она была связана с использованием многочисленных источников

[1] См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961, с. 114.

[2] См. там же, с. 623; Вопросы философии, 1966, № 4, с. 146—154.

(на четырех языках) — мы с известной долей условности можем определить, опираясь прежде всего на ленинскую переписку того времени.

2. «Бой абсолютно неизбежен»

Первый из этапов — период с середины февраля до 16 мая 1908 года (в этот день Ленин уезжает из Женевы в Лондон), три месяца, занятые главным образом изучением сочинений русских махистов и их философских учителей. В это же время Ленин работает над статьей Энгельса «Об историческом материализме» и книгой Плеханова «Основные вопросы марксизма».

Работал Ленин в основном в читальном зале «Общества любителей чтения» (Гранд-рю, 11), членом которого он вновь стал в январе 1908 года[1] (8 февраля ему был выдан абонемент Общества). Посещал он и библиотеку Женевского университета (ул. Кандоль). Но здешние условия не удовлетворяли Ленина. Раздумывая, он часто ходил из угла в угол; поэтому он предпочитал библиотеку Общества: там это было возможно.

Деловые товарищеские отношения с Богдановым и Луначарским поддерживаются: издание совместными усилиями газеты «Пролетарий» Ленин считает важнейшим партийным делом. А вот идейно, точнее говоря, философски Ленин находится с ними, так сказать, в антагонизме.

В одном из писем Горькому (от 16 марта) Ленин говорит о собственном «философском запое» — эти слова выразительно характеризуют основную направленность его занятий: «Из-за философии этой с Ал. Ал.

---

[1] См.: *Кудрявцев А. С.* и др. Ленин в Женеве, с. 122—130.

мы вроде как в ссоре. Газету я забрасываю из-за своего философского запоя: сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра — другого и матерными. А Иннокентий (Дубровинский.— *А. В.*) ругает, и за дело, за небрежение к «Пролетарию». Недружно идет.

Ну, да иначе нельзя. Перемелется — мука будет» (47, 148).

24 марта Ленин отвечает на письмо Горького «насчет драки... с махистами». Горький высказывал опасение, что борьба по философским вопросам приведет к расколу большевистской фракции и от этого выиграют меньшевики. Подобное Ленину писали и его «питерские друзья». Ленин считает это мнение ошибочным: «Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К°), что книга их — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся,* от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса» (47, 151).

И Ленин вновь пишет о том, что в споре против махистов «Плеханов *всецело* прав... по существу», но (и здесь происходит определенная переакцентировка, появляется новый момент в ленинской оценке позиции Плеханова [1]) «не умеет или не хочет или ленится сказать это *конкретно,* обстоятельно, просто, без излишнего запугивания публики философскими тонкостями. И я во что бы то ни стало скажу это *по-своему*» (47, 151).

[1] Ср. с высказыванием Ленина о Плеханове в письме Горькому от 13 февраля 1908 года (47, 138).

Это очень важный нюанс: прорисовывается, скажем так, «жанр» будущего философского выступления Ленина — конкретного, обстоятельного, доступного «публике»,— и вместе с тем обнаруживается все более растущее желание выступить в печати против махистов по-своему — во что бы то ни стало.

«Бой *абсолютно* неизбежен»,— пишет Ленин. Но вот задача: как отделить философскую драку от фракционных отношений, «чтобы практически необходимая партийная работа *не страдала*»? Для этого нужно, чтобы философские выступления осуществлялись «на стороне», вне партийных, т. е. в данном случае большевистских, изданий (см. 47, 151).

Еще 7 февраля Ленин писал Горькому: «Можно ли, должно ли связывать философию с направлением партийной работы? с большевизмом? Думаю, что теперь этого делать нельзя. Пусть наши партийные философы поработают еще некое время над теорией, поспорят и... *до*говорятся. Я бы стоял пока за отделение *таких* философских споров, как между материалистами и «эмпирио-», от цельной партийной работы» (47, 135). 25 февраля Ленин вновь обращает внимание на этот вопрос: «Мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм, было бы, по-моему, непростительной глупостью. Мы должны подраться из-за философии так, чтобы «Пролетарий» и беки, как фракция *партии, не были этим задеты*. И это вполне возможно» (47, 145).

И вот теперь та же мысль в письме Горькому от 24 марта. Выступая против его предложения издавать журнал, который печатал бы дискуссионные статьи по философии («Не сделает *это* раскола *неизбежным* вследствие обострения и озлобления без конца?»), Ленин убежден: меньшевики «выиграют, если большеви-

стская фракция не отделит себя от философии трех беков (т. е. Богданова, Луначарского и Базарова.— *А. В.*).... А если философская драка будет идти вне фракции, то меки будут окончательно сведены на политику и тут им смерть» (47, 152).

«Конечно,— продолжает Ленин,— на живых людях это отделение (драки от фракции.— *А. В.*) сделать трудненько, больненько. Нужно время. Нужны заботливые товарищи» (47, 152). И тут он рассчитывает на помощь Горького, «если, конечно,— добавляет он,— по прочтении моей книжки против «Очерков» не впадете против меня в такое же бешенство, в какое я впал против них» (47, 152).

В Полном собрании сочинений В. И. Ленина впервые опубликована его записка Богданову (конец марта). После беседы с приехавшим в Женеву польским социал-демократом Я. Тышкой (муж Розы Люксембург), который должен был встретиться также и с Богдановым, Ленин пишет последнему: Тышка «еще ничего не знает об *обострении* наших философских разногласий и было бы крайне важно (для успеха наших дел в ЦК), чтобы он и не узнал об этом» (47, 153).

Еще и в апреле Ленин в «философском запое»: «Я еще никогда так не неглижировал своей газетой: читаю по целым дням распроклятых махистов, а статьи в газету пишу неимоверно наскоро»,— сообщает он Горькому (47, 154). И, обращаясь к нему с просьбой писать для «Пролетария», добавляет: «Дайте мне полаяться по-философски, помогите пока «Пролетарию»!» (47, 154).

Тогда же Ленин пишет и отсылает в печать статью «Марксизм и ревизионизм», в примечании к которой говорит о намерении вскоре выступить против «Очерков по философии марксизма»: «...я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем

покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов относится по существу дела и к этим «новым» неоюмистским и необерклианским ревизионистам» (17, 20) [1].

«Я уже *послал в печать* самое что ни на есть формальное объявление войны» (47, 155),— сообщает Ленин Горькому 3(16) апреля. В тот же день он пишет Луначарскому: «А у меня дороги разошлись (и, должно быть, надолго) с проповедниками «соединения научного социализма с религией» да и со всеми махистами» (47, 155).

Вместе с тем Ленин, как уже говорилось, ни за что не хочет связывать философскую «драку» с организационно-политической деятельностью, стремится к единству практически-политических действий большевистской фракции в целом. Это вполне соответствовало его принципиальным установкам в области внутрипартийных отношений. Выступая на IV (Объединительном) съезде партии, он говорил даже о желательности того, чтобы идейная борьба большевиков и меньшевиков внутри русской социал-демократии не раскалывала партийные организации, не нарушала единства действий пролетариата. «Это новый еще в практике нашей партии принцип,— отмечал Ленин,— и над правильным проведением его в жизнь придется немало поработать. Свобода обсуждения, единство действия,— вот чего мы должны добиться» (13, 64).

Известно, что действия меньшевиков сделали практически невозможным это единство действий русской

[1] Объявление издательства «Зерно» о подписке на сборник «Памяти К. Маркса», где в числе авторов был указан и Ленин («Вл. Ильин. Марксизм и ревизионизм»), было напечатано в газете «Товарищ» 28 декабря 1907 года (10 января 1908 года), т. е. еще до того, как Ленин пришел к мысли о необходимости собственного печатного выступления против махистского ревизионизма Богданова и К°.

социал-демократии. Что же касается теоретических разногласий внутри большевистской фракции, то Ленин считал, что их преодоление в процессе острых философских споров, ведущихся вне партийных изданий, может и должно сопровождаться совместной дружной работой в области практической политики. Способ реализации этой установки Ленин видел, повторяем, в том, чтобы философские статьи, до сих пор публиковавшиеся «на стороне», и впредь печатались вне партийных изданий: «Надо *отделить* от партийных (фракционных) дел философию...» (47, 155). Иначе говоря, начало резкой критики махистов со стороны Ленина, публичное объявление им войны еще не означало организационного разрыва с махистами-большевиками. Ленин считал, что это значительно ослабило бы партию [1].

Такая диалектическая, сложная по своему характеру установка Ленина не находила понимания даже у некоторых большевиков, поддерживавших его в борьбе с махистами. Так, уже упоминавшийся нами В. Ф. Горин, которого Ленин всячески поощрял к публичным выступлениям против махизма, писал брату из Женевы: «...не схожусь с Ильичем в практическом отношении к махизму. Он резко относится к махизму, но не к махистам, с которыми он практически рвать не хочет... Он готов публично нападать на Бельтова по поводу его мелких ошибок в философии... а щадит Богданова». Как видно, у Горина не хватало понимания подлинного отношения Ленина к махистам из сре-

[1] Уже после 3(16) апреля, после заявления, что дороги его с махистами «разошлись», Ленин не только встречается с Луначарским (и Богдановым) на Капри, но и печатает несколько его корреспонденций в «Пролетарии» под общим названием «Италия» (№ 37 и 40 от 16(29) октября и 1(14) декабря) (см.: Литературное наследство, т. 80, с. 42).

ды большевиков: резкость критики махизма не означала тогда для Ленина прямого и непосредственного «практического разрыва» с его приверженцами.

С другой стороны, некоторым казалось странным, как это Ленин собирается выступать с критикой своих товарищей по большевистской фракции, признавая принципиальную правоту Плеханова в философии в его споре с Богдановым, Луначарским и другими махистами. Даже кое-кто из большевиков не понимал в этом Ленина, называя его борьбу против эмпириокритицизма «бурей в стакане воды» [1]. Тут Ленину приходилось идти, что называется, «против течения».

И в самой книге «Материализм и эмпириокритицизм», принципиально и резко критикуя воззрения Богданова, Луначарского, Базарова, Ленин в то же время еще не оставлял надежды на их отход от позиций эмпириокритицизма. Характеризуя этапы эволюции взглядов Богданова и отмечая, что в последних работах он пытается «убрать некоторые противоречия махизма, создать подобие объективного идеализма», Ленин писал: «Теория всеобщей подстановки» показывает, что Богданов описал дугу почти ровно в 180°, начиная со своего исходного пункта. Дальше ли отстоит эта стадия богдановской философии от диалектического материализма, или ближе, чем предыдущие стадии? Если он стоит на одном месте, тогда, разумеется, дальше. Если он продолжает двигаться вперед по такой же кривой линии, по которой он двигался девять лет, то тогда ближе: ему нужен теперь *только* один серьезный шаг, чтобы снова повернуть к материализму, именно — универсально выкинуть вон свою универсальную подстановку. Ибо эта универсальная подстановка так же собирает вместе, в одну китайскую

---

[1] См.: *Шаумян С. Г.* Избранные произведения. М., 1978, т. 1, с. 266.

косу, все грехи половинчатого идеализма, все слабости последовательного субъективного идеализма... как «абсолютная идея» Гегеля собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства...

Поживем — увидим, долго ли еще будет расти китайская коса махистского идеализма» (18, 243—244).

Но мы забежали вперед. Пока еще, 6(19) апреля, Ленин вновь пишет Горькому: «Еще раз повторяю, что *ни в каком случае* непозволительно смешивать споры литераторов о философии с *партийным* (т. е. *фракционным*) делом... Мы свое фракционное дело должны вести по-прежнему дружно: в той политике, которую мы вели и провели за время революции, никто из нас не раскаивался. Значит, наш долг *отстаивать* и отстоять ее перед партией... Если при этом А обругает Б или Б обругает А за философию, то мы *должны* сделать это особо, сиречь без помехи делу» (47, 156—157).

Горький усиленно звал Ленина на Капри. Ленин, не отказываясь от приглашения в принципе, все же очень сомневался в целесообразности этой поездки: «Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я *не могу* и не буду. Время тетрадок прошло. Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо» (47, 155).

Наконец Ленин решил: поедет. В день своего рождения, 22 апреля, он находится в Риме по пути в Неаполь. Время между 10 и 17 (23 и 30) апреля он проводит на Капри.

Накануне (до 9-го апреля) Горький писал И. П. Ладыжникову: «Сегодня А[лександр] А[лександрович] читает реферат на тему о «эмпириомонизме», на днях читал Луначарский,— вообще живем очень интересно.

Вызываем Ильича к приезду Б[азарова] и С[тепанова]. Не опоздайте попасть в «самую гущу» [1].

Во время пребывания на Капри Ленин еще раз откровенно говорит Богданову, Базарову и Луначарскому о расхождении с ними по кардинальным вопросам философии марксизма, предлагает им совместную разработку «большевистской истории революции». Но это его предложение поддержки не находит (см. 47, 198; 48, 140) [2].

Не понимая всей принципиальности возникших разногласий, Горький пытался «уладить» отношения Ленина с приверженцами «новой философии» — Богдановым, Базаровым, Луначарским. Ничего, конечно, из этого не получилось и получиться не могло.

3. Вопросы референту

Второй период работы Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» — двадцатипятидневное пребывание его в Лондоне, с 3 по 28 мая (с 16 мая по 10 июня) 1908 года. В богатейшей библиотеке Британского музея он штудирует специальную философскую литературу, отсутствовавшую в Женеве. «Своей поездкой в Лондон,— писала впоследствии Н. К. Крупская,— Ильич был доволен — удалось собрать нужный материал, его подработать»[3]. В это время окончательно складывается уже не только общая концепция, но и основная логическая структура книги. Свидетельство тому — посланные Лениным из Лондона И. Ф. Дуб-

---

[1] Архив А. М. Горького, т. 7, с. 181.

[2] См.: Вопросы литературы, 1965, № 7, с. 11; В. И. Ленин и А. М. Горький. М., 1969, с. 275, 305—309, 405—407; Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 333; Вопросы истории КПСС, 1969, № 5, с. 40.

[3] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 336.

ровинскому «Десять вопросов референту» (написаны ранее 15(28) мая).

По существу эти «Десять вопросов...» — как бы краткий набросок основных идей и одновременно эскиз архитектоники будущей книги: в тезисах явно прослеживается общая последовательность развертывания аргументации в будущей работе и сжато выражены ее ключевые положения.

Но по своему непосредственному предназначению «Десять вопросов...» — это рабочий план, руководство к действию, наметки для выступления другого товарища, единомышленника.

Вообще говоря, Ленин часто писал тезисы для разного рода выступлений своих товарищей по совместной работе. В лекции «Ленин как редактор» (1931) Луначарский говорил: «Он очень любил, поручая кому-либо выступать... давать тезисы. У меня таких тезисов было очень много..»[1] Сохранились ленинские тезисы («Речь Воинова») для выступления Луначарского в Женеве 26 декабря 1904 года[2]. И вот теперь Ленин пишет тезисы для выступления против ближайшего философского соратника Луначарского — Богданова. Думается, не последнюю роль здесь играло то обстоятельство, что Дубровинский был членом редакции газеты «Пролетарий» и Большевистского центра; наверное, прежде всего поэтому Ленин и обратился к нему с поручением-просьбой выступить на реферате Богданова.

В женевской колонии социал-демократов философские рефераты стали к этому времени чуть ли не обыденным делом. Например, А. М. Деборин рассказывал позже, как он однажды выступил с таким рефератом:

---

[1] Литературное наследство, т. 80, с. 609.
[2] См. там же, с. 607.

«На моем реферате от материалистов выступал Плеханов, а со стороны махистов — Богданов и Луначарский. Ленина в это время в Женеве не было»[1]. По свидетельству Деборина, именно с этим рефератом связано появление работы Богданова «Приключения одной философской школы», где давалась критика выступлений Плеханова, Аксельрод и Деборина[2].

Готовясь к выступлению, Дубровинский внес в текст тезисов изменения: зачеркнул седьмой вопрос (в ленинском тексте), а второй, третий и десятый перередактировал.

Выступление Дубровинского на реферате Богданова 15(28) мая знаменовало собой публичное отмежевание Большевистского центра от философии эмпириомонизма.

4. «Поработал я много над махистами...»

Июнь — сентябрь 1908 года — третий период в создании «Материализма и эмпириокритицизма».

Сразу же по возвращении в Женеву Ленин выступает на заседании редакции газеты «Пролетарий», где отклоняет вместе с Дубровинским проект резолюции Богданова, в котором утверждалось, что философия эмпириокритицизма «не противоречит» интересам большевистской фракции, и предлагалось осудить выступление Дубровинского на реферате Богданова (см. 18, 515). Это было окончательным, официальным идейным размежеванием.

В это время Ленина уже начинает волновать проблема издания его будущей философской книги. Основания для волнений имелись. А. И. Ульянова-Ели-

[1] Под знаменем марксизма, 1927, № 1, с. 10.

[2] См.: *Деборин А. М.* Философия и политика. М., 1961, с. 5, 41—52.

зарова свидетельствовала: «...то было время реакции после первой нашей революции. Из высыпавших, как грибы после дождя, издательств многие были закрыты правительством, с привлечением издателей и авторов к ответственности, другие закрылись сами. При массе возникших тогда литературных дел, с наложением тяжелых взысканий, издатели стали, понятно, чрезвычайно осторожны с приемом новых книг, прежде всего взвешивая, не придется ли отвечать за них. Особенно боязливо относились они к предложениям со стороны писателей, стоявших на крайнем левом крыле, имея все основания опасаться разных полицейских кар даже за легальную как будто бы книгу такого автора. Ильин был тогда широко известен как прямолинейный революционер. Вот почему так мудрено было пристроить его книгу даже на философскую тему» [1].

В письме матери — М. А. Ульяновой от 7(20) июня 1908 года Ленин высказывает сожаление, что «московский философ-издатель» (речь идет о П. Г. Дауге) отказался издавать его книгу. «Если можно, я бы попросил написать кому-либо из московских знакомых литераторов, не подыщут ли они издателя. Я теперь без связей в этом отношении» (55, 251).

По-видимому, к этому времени у Ленина имелась уже твердая уверенность в скором завершении книги. Косвенным подтверждением этого являются некоторые свидетельства Горина в его письмах к брату.

15 июня Горин пишет, что он еще не вполне уяснил «некоторые пункты» философии Богданова, хотя постоянно сталкивается с ним лично,— «правда, теперь уже враждебно». В целом он видит в теории Богда-

[1] *Елизарова А.* К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Пролетарская революция, 1930, № 1, с. 109.

нова разновидность учения Маха. Тут же Горин упоминает о своем личном резком, хотя и не особенно удачном, выступлении против Богданова, Луначарского и Базарова: «Мое выступление против махистов создало мне довольно-таки пакостное положение. Товарищи одного со мною общественного направления от меня отвернулись. Здесь среди 40 человек этих товарищей оказалось лишь три материалиста: я, еще один (по-видимому, Дубровинский.— *А. В.*) и Владимир Ильич. Против последнего они, конечно, ничего не могут предпринять, а мне (и другому товарищу) пакостят. Они особенно обозлены [тем], что я выступил вопреки общему постановлению обратного свойства (я заявил, что не могу подчиниться в этом деле товарищескому постановлению, так как дело узкофракционных интересов). Против меня (и 2-го товарища) принимаются решения о бойкоте и в других городах... Единственное утешение — поддержка Вл. И.».

Говоря о поддержке со стороны Ленина, Горин замечает: «...он скоро выступит... в защиту материализма против махизма с брошюрой, обсуждающей вредную прикладную сторону махизма, в чем он вполне компетентен. Тогда мои дела поправятся, так как надеюсь на влияние талантливого и страстного изложения, ему свойственного...» [1].

18 июня (1 июля), отвечая на письмо В. В. Воровского (он находился тогда в Одессе), Ленин пишет: «Надвигается раскол с Богдановым. Истинная причина — обида на резкую критику на рефератах (отнюдь не в редакции) его философических взглядов. Теперь Богданов выискивает всякие разногласия. Вытащил на свет божий бойкот вместе с Алексинским, который

[1] Горин жил в Женеве на улице Нового Моста, 2. По новейшим разысканиям, Ленин бывал у него на квартире (см.: *Кудрявцев А. С.* и др. Ленин в Женеве, с. 188).

скандалит напропалую и с которым я вынужден был порвать все сношения. Они строят раскол на почве эмпириомонистической-бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия «левого» и истинного «бойкотизма» возьмет верх» (47, 159—160).

Тут же Ленин спрашивает Воровского: «Не знаете ли какого-нибудь издателя, который взялся бы издать мою философию, которую я напишу?» (47, 160).

30 июня (13 июля) Ленин пишет сестре М. И. Ульяновой: «Мою работу по философии болезнь моя задержала сильно. Но теперь я почти совсем поправился и напишу книгу непременно. Поработал я много над махистами и думаю, что все их (и «эмпириомонизма» тоже) невыразимые пошлости разобрал» (55, 252) [1].

В это время Ленин, вероятно, достаточно часто общается с Гориным. Тот пишет брату 24 июля: «Махизм» имеет в России успех, а материализм в загоне (по новейшим сведениям).— Вл. И. также пишет против «махистов» и, вероятно, через месяц выпустит брошюру».

27 июля (9 августа) Ленин сообщает М. И. Ульяновой о намерении «месяца в полтора» закончить свою «непомерно затянувшуюся» работу по философии (см. 55, 253).

[1] В постскриптуме приписка: «Когда будет оказия в Москву, купи мне, пожалуйста, две книги *Челпанова*

1) «Авенариус и его школа»;

2) «Имманентная философия». Стоят по рублю. Издание «Вопросов Философии и Психологии». Обе книги входят, как выпуски, в серию под названием не то Очерки и исследования, не то просто исследования или монографии и т. п.» (55, 252).

Видимо, М. И. Ульянова этих книг не достала. Точное название серии — «Философские исследования, обозрения и проч., издаваемые под ред. проф. Г. Челпанова». Т. 1, вып. 1 и 2. Киев, 1904 (55, 546).

Летом (не ранее июля) Ленин встречается и беседует с М. Г. Торошелидзе, который информирует его о позиции Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, С. Г. Шаумяна и других по отношению к Богданову и читает ему письмо Орджоникидзе, сообщавшего о единодушной поддержке Ленина [1].

По сведениям заграничной агентуры, 11—13 (24—26) августа Ленин присутствует на заседании Большевистского центра, на котором разбирался конфликт в редакции «Пролетария» между Лениным и Богдановым по вопросам философии и тактики [2].

Любопытно, что уже 12(25) августа газета «Речь» печатает такое сообщение: «В Москве выходит книга Н. Ленина «В защиту диалектического материализма». Автор обличает своих товарищей по фракции большевиков в увлечении эмпириокритицизмом. И что больше всего вызывает сенсацию в с.-д.-овских (т. е. социал-демократических.— *А. В.*) кругах — это то, что книга посвящена Г. В. Плеханову». Ленин, по-видимому, познакомился с этим сообщением: газету «Речь» он читает регулярно, да и среди женевской эмиграции это извещение получило отклик. Но работа над книгой еще не закончена. Только в сентябре Ленин пишет предисловие к ней (см. 18, 11). Однако и это отнюдь не означает окончания работы над рукописью. Еще в конце сентября он дорабатывает отдельные места.

К тому же все еще никак не решается вопрос об издателе. 25 сентября (8 октября), сообщая брату, что

---

[1] См.: *Эсаишвили В. Г.* В. И. Ленин и Грузия. Тбилиси, 1970, с. 174; *Шаумян С. Г.* Избранные произведения, т. 1, с. 266—267. Несколько месяцев позже, в начале ноября, Шаумян сообщает М. Г. Цхакая, что в разногласиях, возникших между Лениным и Богдановым, «мы были всецело на стороне Ильича» (там же, с. 288).

[2] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 423.

издатели боятся философии, Горин пишет: «Так, даже книгу Владимира Ильича (человека, известного издателям) Гранат (издатель крупный и гоняющийся за литературой Вл. И.) не берется издавать: боится прогореть с философией». Как бы то ни было, Ленин настоятельно просит сестер Анну и Марию Ульяновых найти издательство, которое взялось бы выпустить его книгу, а сам продолжает работать над ней.

11 сентября М. И. Ульянова пишет из Липитино (Московская губерния) в Петербург Анне Ильиничне: «Вчера получила письмо от Володи. Он пишет, что книга его затянулась, надеется кончить ее к 1/X по новому стилю. Всего будет 20—25 листов (40 т. букв). Просит заключить с издателем точный договор... Я читала на днях в газетах о новых книгах, которые выходят в издательстве Львовича. Не взялся ли бы он издавать В[олодину] книгу?» [1].

В тот же день, 11 сентября, А. И. Ульянова-Елизарова пишет из Петербурга Ленину о результатах своих переговоров насчет издания его книги в издательстве «Звено» (она разговаривала об этом с Н. С. Ангарским (Клестовым)) [2]. «Звено» — частное издательство Л. О. Крумбюгеля, существовавшее в Москве в 1908—1911 годах и выпустившее ряд социал-демократических изданий. Издатель находил возможным издать книгу Ленина по философии тиражом не более 3 тысяч экземпляров. «Напиши кстати, какого объема она приблизительно будет, а то все спрашивают, это

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М., 1969, с. 176. Социал-демократ Г. Ф. Львович был издателем, выпустившим в свет большое количество марксистской литературы, одним из первых печатавшим ее легально. В 1905 и 1906 годах он издал сделанный Лениным перевод книги К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика».

[2] См.: Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 177.

важно для выяснения стоимости издания»[1],— обращалась к Владимиру Ильичу старшая сестра.

Тут же она сообщала, что еще до встречи с Ангарским имела разговор с К. П. Пятницким — директором-распорядителем издательства «Знание» — и что тот едет на днях за границу: «Сам он стоит за издание твоей книги и против того, чтобы издательству и в этом (философском) вопросе было придано одностороннее направление, но окончательно хочет выяснить там (т. е. за границей, скорее всего у Горького, который возглавлял это издательство.— *А. В.*) и тогда обещал дать мне знать телеграммой сюда, а также я просила его известить одновременно и тебя; тогда ты сам сможешь списаться, установить условия... Я думаю, что во всех отношениях лучше будет, если устроится со «Знанием»...» [2].

Анне Ильиничне не очень, видно, хотелось соглашаться на условия «Звена», но выбора не было. Петербургское издательство «Посев» за издание книги не бралось. Видимо, невозможно было издавать и в «Зерне», во главе которого стоял М. С. Кедров, выпускавший марксистскую литературу и не раз присуждавшийся за это к заключению в крепости. В общем, дела с изданием подвигались плохо.

А о том, что книга «уже подходит к концу», Ленин писал матери 17(30) сентября, причем из общего контекста этого письма видно, что окончание работы над книгой планируется им на середину — вторую половину октября (н. ст.): именно на вторую половину месяца намечал он свою поездку в Италию, чтобы там «отдохнуть с недельку» (см. 55, 254—255).

Работал же Ленин очень много. До Анны Ильинич-

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 177.
[2] Там же, с. 178.

ны в сентябре дошли сведения, что выглядит он плохо и очень переутомился. «Не зарабатывайся, пожалуйста, дорогой, и побереги себя,— писала она...— Ну, пусть попозже выйдет философия»[1]. А Ленин себя не берег — работа над «философией» все не кончалась.

5. «Недели в две закончу пересмотр...»

Так выявляется еще один — четвертый этап работы Ленина над книгой: уже после того, как написано предисловие и рукопись в основном готова, Ленин продолжает в сентябре — октябре дорабатывать, пересматривать ее.

14(27) октября он пишет Анне Ильиничне: «Пришли мне, пожалуйста, адрес для пересылки рукописи моей книги. Она готова. Вышло 24 печатных листа (в 40 000 букв),— т. е. около 400 страниц. Недели в две закончу пересмотр и отправлю: хотел бы иметь хороший адрес для отправки» (55, 255—256) [2].

В этой связи обращает на себя внимание относящееся к несколько более раннему времени (25 сентября (8 октября) 1908 года) письмо Горина. Объясняя брату свое продолжительное молчание, он пишет: «Дело в том, что я весь месяц был занят просмотром обширной (выйдет страниц 400 печатных in octavo) рукописи Вл. И. (которая вскорости будет напечатана

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 178.

[2] Тогда же Ленин получил известие, что издательство Гранат подпало под влияние меньшевиков. Ленину стало ясно, что теперь оно откажется от издания его книги (так и случилось). Поэтому Ленин пишет сестре, что при заключении договора он готов «на *все* уступки» — как в смысле гонорара, так и в отношении цензуры, «ибо в общем у меня безусловно все легально и разве отдельные выражения неудобны» (55, 256). Он просит Анну Ильиничну заключать договор «на *любых* условиях».

(об этом в «Речи» в нелепой форме было уже объявлено, без ведома автора) и составлением к ней критических заметок... С марксистской философской литературой он очень хорошо знаком. При хорошем знании 3 языков — английского, французского, немецкого,— дающем возможность обставить вещь эрудицией, и при блестящем публицистическом таланте и чрезвычайно остром уме,— при всем этом у него есть возможность придать своей книжке самый лучший вид... К сожалению, я не убежден, примет ли он к сведению *все* мои критические замечания... Эти мои критические заметки (которых имеется, кажется, около 40 почтовых листков), вероятно, составят главу в моей будущей книжке о современной русской философии. Сейчас они лежат у него».

Итак, еще и в октябре Ленин задерживает у себя замечания Горина. 13 ноября (31 октября) Горин пишет: «Владимир Ильич еще мне никак не возвращает моих заметок; говорит, нужны еще».

К концу октября — началу ноября работа над рукописью наконец заканчивается.

6. Рукопись отослана — работа продолжается

А в России книгу уже ждали. Свидетельства этому мы находим и в письмах к Ленину. Одно из них — из Петербурга, от 23 октября (5 ноября) — принадлежит меньшевику-махисту П. С. Юшкевичу: «Здесь все время ходят слухи — и даже в газетах упоминалось об этом — что Вами написана большая философская работа, где Вы громите «махистов»[1].

Другое письмо Ленин получил от В. Д. Бонч-Бруевича, который 26 октября (8 ноября) писал: «В Пите-

[1] Ленинский сборник XXV, с. 298.

ре очень ждут Вашей книги». Неделей позже он же писал Н. К. Крупской: «Приветствую Владимира Ильича. Хлопочу устроить его философскую книгу»[1].

Ждали многие. Но далеко не все из ждавших *желали* выхода ленинской книги.

В общем картина складывалась такая, что, с одной стороны, прогрессивные издательства, раньше печатавшие произведения социал-демократов, в годы реакции стали более осторожно относиться к их рукописям, а с другой — в тех издательствах и редакциях, где на первый взгляд можно было бы издать книгу, сидели работники, симпатизировавшие философской «моде» — махизму[2].

Ленин конечно же хорошо представлял себе всю сложность обстановки в издательствах. Поэтому он и попытался через А. И. Ульянову-Елизарову обратиться к П. Г. Дауге, который издал до этого некоторые книги по философии. Но, как уже отмечалось, Дауге не захотел принять рукопись к изданию (впоследствии он с сожалением вспоминал об этом).

Что же касается К. П. Пятницкого, то 2(15) ноября он послал Горькому телеграмму о том, что сестра Ленина предлагает к изданию его книгу и что И. И. Скворцов-Степанов, В. Д. Бонч-Бруевич и В. А. Базаров поддерживают ее ходатайство[3].

Отвечая на эту телеграмму, Горький написал Пятницкому (до 9(22) ноября): «...относительно издания книги Ленина: я против этого, потому что знаю ав-

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения, т. 2, с. 499, 500.

[2] Так, Горин в письме к брату от 2 февраля 1908 года по поводу издания своей статьи против махистов писал: «Я свою статью еще не отослал в «Образование» и навряд ли смогу отослать. Как я уже писал тебе в прошлом письме, там господствует Луначарский».

[3] См.: В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, с. 539.

тора. Это великая умница, чудесный человек, но он боец, и рыцарский поступок его насмешит. Издай «Знание» эту его книгу, он скажет: дурачки,— и дурачками этими будут Богданов, я, Базаров, Луначарский. ...Спор, разгоревшийся между Лениным — Плехановым, с одной стороны, Богдановым — Базаровым и К°, с другой — очень важен и глубок. Двое первых, расходясь в вопросах тактики, оба веруют и проповедуют исторический фатализм, противная сторона — исповедует философию активности. Для меня — ясно, на чьей стороне больше правды...» [1]

Это письмо Горького несет на себе, конечно, следы его общения с Богдановым и Луначарским. Письмо Богданова к Скворцову-Степанову от 23 ноября 1908 года прямо свидетельствует о непосредственной причастности его к делам издательства «Знание». В частности, там сообщалось: «...я высказался против издания философской работы Ленина: для себя тесно, где тут противников устраивать».

4(17) ноября Ленин пишет матери: «Анюте, пожалуйста, передай, что философская рукопись послана уже мной тому знакомому, который жил в городке, где мы виделись... в 1900 году[2]. Я надеюсь, что он уже получил ее и доставил вам... В Питер я написал двум

---

[1] В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, с. 48. Ранее, около 28 сентября, Горький писал Пятницкому: «Вообще я очень высоко ставлю Богданова и его группу. Это чрезвычайно ценные люди» (Архив А. М. Горького, т. 4, с. 264). Сообщая далее, что Богданов предлагает к переизданию свою книгу «Из психологии общества», Горький настоятельно рекомендует ее: «Это — хорошая книга, очень ходкая... Я бы издал и три книги «Эмпириомонизма», ибо, как уже сказал, очень ценю труды Богданова» (там же).

[2] Имеется в виду В. А. Левицкий, близкий знакомый семьи Ульяновых еще по Подольску, откуда В. И. Ленин летом 1900 года ездил в Уфу.

приятелям, прося их помочь в деле устройства с изданием. Поручил им списаться с Анютой, ежели что представится, через нашего общего знакомого, служащего в «Знании»[1]. На само «Знание» я почти вовсе не надеюсь: «хозяин» его[2], давший полуобещание Аншоте, большая лиса и, вероятно, понюхав воздух на Капри, где живет Горький, откажется. Придется искать в ином месте» (55, 260).

Позднее, 15 ноября 1908 года, А. И. Елизарова сообщала из Москвы Ленину, что накануне И. И. Скворцов-Степанов возвратился из Петербурга, где по ее просьбе виделся с Пятницким. Тот говорил, что «стоит всецело» за издание книги Ленина в «Знании» и едет не позже 15-го ноября на Капри для личных переговоров. «Принимая во внимание теперешние издательские условия, Иван Иванович советует мне также обождать этого ответа, каковой, по его мнению, должен быть утвердительным»[3]. При этом Скворцов-Степанов посоветовал для ускорения «запросить непосредственно Горького». Судя по письму, Анна Ильинична обратилась с таким запросом, «чтобы положить конец волоките». В общем и теперь с издательством все еще было неясно. «Пока же не знаю, что делать. Бонч предлагал написать в «Звено», где он знаком, просила его сделать это,— без письма же идти не имеет смысла. Приходится уж выждать еще немного. Разве попытать еще в одно издательство здесь зайти»[4].

Рукопись «Материализма и эмпириокритицизма» Анной Ильиничной была уже получена, и она читала ее (надо думать, она была вторым, после Горина, ее

---

[1] Имеется в виду В. Д. Бонч-Бруевич.
[2] К. П. Пятницкий.
[3] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 183—184.
[4] Там же, с. 184.

читателем). В том же письме она сообщала Ленину: «Книгу твою читаю (прочла около половины). Чем дальше, тем она все интереснее. Заменяю согласно твоему указанию «поповщину» «фидеизмом»; вместо «попов» ставлю «теологов». По-моему, надо основательнее все такое выкинуть, а то книга будет нецензурной. С этой целью надо заменить как-нибудь: «Луначарский даже боженьку себе примыслил» (стр. 189)... Ну, а потом некоторую ругань надо опустить или посгладить. Ей-богу, Володек, у тебя ее чересчур много, точно в «Победе кадетов»»[1]. Для философской книги особенно уже пестрит ею. Иногда очень сильно и метко — сравнение Чернова с Ворошиловым например прямо превосходно. Многие нападки на философов, их тарабарщину и т. п., хотя крайне резки и тебе за них достанется, наверное, но с твоей точки зрения последовательны и понятны. Но... «il ne font rien outrer»[2] (привожу одну из твоих любимых поговорок), потому что такая утрировка лишь ослабляет,— уверяю тебя. Поэтому ходатайствую, чтобы ты выбросил «Гоголевский Петрушка» (о Юшкевиче,— этот особенно прямо в порошок стерт и без того[3]); выражения «трусливы» и «нечестно» (о Базарове и Богданове). «Литературное неприличие» (на стр. 207). Эта фраза и по себе очень некрасива.— «Не улыбку, а омерзение»... (стр. 519). Это и с цензурной стороны неудобно и резко прямо до грубости... Пожалуйста, выкинь это «омерзение» невозможное — ведь разбор дела по существу в этой главе гораздо красноречивее»[4].

---

[1] Имеется в виду работа Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906).

[2] «Не надо ничего утрировать» *(фр.)*.

[3] Сравнение это в работе Ленина оставлено (см. 18, 57).

[4] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 184—185. Позже, в письме от 21—22 марта 1909 года, Ленин восстанавливает

Два дня спустя, сообщая еще о некоторых деталях переговоров с Пятницким, Анна Ильинична добавляет: «Термин «реализм», который ты отбрасываешь так просто, принят ведь еще древнегреческой философией в отличие от идеализма или номинализма, и потому, понятно, все еще встречается в философии»[1].

А Ленин продолжал работать над книгой — это уже пятый этап его работы над ней. 13(26) ноября, в день получения письма от Анны Ильиничны (от 9(22) ноября), сообщавшей о доставлении ей рукописи, он пишет сестре о необходимости исправить там одно место о Валентинове (опустить несколько строк) и подклеить к последнему слову 5-го параграфа V главы примечание о работе Эриха Бехера «Философские предпосылки точного естествознания» (см. 18, 307—308). «Копии с этой главы у меня нет сейчас дома, поэтому не могу привести последнего слова...» (55, 261—262),— пишет Ленин. Отсюда мы можем заключить, что вообще *копия рукописи* — по крайней мере, некоторых глав — у него *была* (при указании поправки в тексте о Валентинове он точно указывает страницу рукописи) [2].

слова: «не улыбку, а отвращение», отмечая при этом: «Это необходимая поправка, ибо иначе искажается моя мысль: я вовсе не нахожу ничего смешного в заигрывании с религией, но нахожу много мерзкого» (55, 282).

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 187.

[2] По воспоминаниям рабочих — участников кружка по изучению марксизма, которым Ленин руководил в Париже в начале 1909 года (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 460), он во время занятий часто цитировал отдельные места из переплетенной рукописи «Материализма и эмпириокритицизма» (см.: *Розенталь И. С.* Из истории распространения книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы истории КПСС, 1979, № 7, с. 94).

В этом же письме Ленин признается: «...смертельно боюсь пропажи большущей, многомесячной работы да и замедление ее меня действительно изнервливает» (55, 261). Он одобряет решение Анны Ильиничны «узнать телеграммой ответ» Горького и в случае отказа советует немедленно издавать через Бонч-Бруевича. При этом Ленин настоятельно предупреждает, чтобы тот никому не давал читать рукопись.

27 ноября (10 декабря) Ленин получил письмо Анны Ильиничны о возможности заключения и условиях договора на издание книги с издательством «Звено». В тот же день он послал ей телеграмму о принятии условий [1]. В письме к матери Ленин высказывает удовлетворение тем, что «удалось устроиться помимо «Знания», и торопит с заключением договора, советуя при этом Анне Ильиничне «быть осторожнее, т. е. не давать по возможности своего имени, чтобы не быть ответственной по законам о печати (и не отсидеть в случае чего...)» (55, 262—263).

Все же договор был составлен на имя А. И. Елизаровой. Тираж предусматривался в 3000 экземпляров с оплатой по 100 рублей за печатный лист [2]. Между прочим, в письме Ленина М. А. Ульяновой от 10 декабря 1908 года говорится: «Насчет фамилии автора я не стою: какую угодно, мне все равно, пусть издатель выбирает» (55, 263) [3].

---

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 441.

[2] См. письмо А. И. Елизаровой в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1930, № 2-3).

[3] Воспользовавшись предоставленным ему правом самому решать, под каким именем выпустить книгу в свет, Л. Крумбюгель выбрал из трех известных ему псевдонимов Владимира Ильича — Ленин, Тулин и Ильин — последний, который был наиболее известным на книжном рынке и наиболее удобным, по мнению издателя, для обхода цензуры (см. 18, 389).

1(14) декабря Ленин выехал из Женевы в Париж (вместе с Н. К. Крупской и ее матерью). Начинается шестой, парижский этап работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм».

7. «...Дьявольски важно, чтобы книга вышла скорее»

6(19) декабря 1908 года Ленин из Парижа отвечает Анне Ильиничне (ее письмо было переслано ему из Женевы): «Итак, все улажено и подписано. Это превосходно. Насчет исправлений я писал тебе в пропавшем письме. Повторю. На смягчения по отношению к Базарову и Богданову *согласен;* по отношению к Юшкевичу и Валентинову — не стоит смягчать. Насчет «фидеизма» и проч, соглашаюсь *лишь* по вынуждению, т. е. при ультимативном требовании издателя» (55, 263—264). И далее: «Пуришкевича оставь. Ругательства прочие согласен смягчать, а равно и неприличные выражения. Примыслил боженьку — придется заменить: ««примыслил» себе... ну, скажем мягко, религиозные понятия» или в этом роде» (55, 265; см. 18, 75, 207). В конце 1908 года книга пошла в набор.

25 декабря 1908 года (7 января 1909 года) заведующий экспедицией «Пролетария» Д. М. Котляренко уже рассылает по заграничным группам партии письмо-объявление о предстоящем выходе книги Вл. Ильина (итак, псевдоним выбран) «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Указаны цена книги и условия ее продажи [1].

Три дня спустя, 10 января 1909 года, пересылая брату окончание своих «критических заметок о философии Вл. Ильина» (ранее, 11 декабря (28 ноября),

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 452—453.

была послана основная их часть), Горин сообщает: «Книга Вл. И. уже сдана в печать. Еле-еле издатель согласился печатать, не вследствие качества литературы, а вследствие упомянутых уже тебе причин. В издательствах везде господствуют наши махисты, а следовательно, являются и цензорами материалистической литературы (уже один этот издательский успех махизма не говорит в его пользу)».

Из письма А. И. Елизаровой Ленину от 27 января (из Москвы) видно, что печатание уже началось: «Кажется, первые листы сданы уже в печать. Посылаю исправленные корректуры в гранках»[1]. 24 января (6 февраля) Ленин сообщает сестре о получении им первых корректур и посылает список опечаток (см. 55, 267). С этого времени и по апрель Ленин работает над корректурой книги, периодически сообщает об исправлениях и дополнениях (см. 55, 267—291).

А обстановка в редакции «Пролетария» стала совсем горячей. 1 (14) февраля Ленин на заседании редакции «Пролетария» настаивает на открытом выступлении против богостроительства Луначарского. 8(21) февраля Ленин порывает личные отношения с Богдановым[2]. Редакционная статья «Не по дороге» с критикой богостроительства была напечатана 12(25) февраля 1909 года в № 42 «Пролетария» (см. 18, 518). На следующий день М. И. Ульянова писала из Парижа старшей сестре: «Атмосфера здесь теперь очень тяжелая, Володины предположения относительно раскола оправдываются, если уже не оправдались. Начата война против А. А. и Ник-ча»[3] (имеются в виду А. А. Богданов и Л. Б. Красин (Николаев).

---

[1] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 190.

[2] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 462.

[3] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 192.

Именно в связи с этим Ленин страшно торопится с выходом книги. «Хоть бы к 15 марта по старому стилю выпустить ее, а то просто беда!» (55, 278),— пишет он Анне Ильиничне 24 февраля (9 марта). Там же он просит не смягчать мест против Богданова и поповщины Луначарского: «Отношения с ними у нас *порваны совсем*»[1]. И в следующем письме, от 12 марта, Ленин требует «ускорять, ускорять во что бы то ни стало», а в постскриптуме добавляет: «*Пожалуйста*, не смягчай *ничего* из мест против Богданова, *Луначарского* и К°. Невозможно смягчать. Ты выкинула, что Чернов «более честный» противник, чем они, и это очень жаль. Оттенок вышел не тот. Соответствия во всем характере моих обвинений нет. Весь гвоздь в том, что наши махисты *нечестные*, подло-трусливые враги марксизма в философии» (55, 279—280).

7(20) марта, отвечая на письмо Ленина от 24 февраля (9 марта), Анна Ильинична возвращала добавление к IV главе (о Чернышевском как критике кантианства) и сообщала, что его «придется поместить уже в конце книги, так как IV глава не только сверстана, но сдана уже в печать»[2]. Одновременно она по-

---

[1] Передавая в этом письме благодарность И. И. Скворцову-Степанову («писателю») за согласие помочь в читке корректуры, Ленин замечает: «Он, кажись, все же *марксист* настоящий, а не «марксист на час», как иные прочие. Немедленно преподнеси ему от меня мою книгу» (55, 278). В «Биографической хронике» (т. 2, с. 465) говорится, что Ленин просит преподнести Скворцову-Степанову от его имени книгу «Материализм и эмпириокритицизм». Но можно ли было это сделать «немедленно», если книга еще не вышла? Скорее всего, речь идет об уже вышедшей книге Ленина «Аграрный вопрос», ч. I, составившей первую часть 2-го тома сочинений Ленина (Вл. Ильина) «За 12 лет» (Спб., 1908).

[2] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 194. Ранее, 19 января (1 февраля), М. Т. Елизаров писал из Парижа Анне Ильиничне, что В. [Владимир Ильич] просит передать: «...статья о Чернышевском будет послана в Петербург в другой сборник и

сылала 19-й и 20-й листы верстки и с сожалением отмечала, что книга страшно запаздывает, хотя и печатается в самой большой московской типографии — А. С. Суворина[1]. «Смягчения в рукописи я делала, руководствуясь твоими указаниями: ты писал, что по отношению к Богданову и Базарову можно смягчить, а по отношению к другим я ничего не изменяла»[2]. Тут же Анна Ильинична сетовала на то, что на Москву Ленин «жертвует» только 4 авторских экземпляра из выторгованных ею у издателя ста.

19 марта А. И. Ульянова-Елизарова отправляет в Париж сверстанные 20-й (с диаграммой) и 21-й листы, замечая, что успела вставить две дополнительные страницы — 802а и 802б, а вот примечание о Рамсэе в свое время в гранки не вставила и оно не попало в 20-й лист, теперь она поставит его к стр. 837 (см. 18, 331—332). В первых числах апреля — вот когда по ее предположениям должна выйти книга[3].

Отвечая ей 23 марта (5 апреля), Ленин указывает на важную поправку: набранное «мыслитель-материа-

---

тебе ее ждать не следует» (там же, с. 189). Видимо, вопрос этот позднее был перерешен. С письмом от 23 или 24 марта Ленин посылает добавление: «Задерживать из-за него не стоит. Но если время есть, пусти в самом конце книги, после заключения, особым шрифтом, петитом например. Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского» (55, 284).

[1] По сообщению Л. Крумбюгеля, «книга печаталась в типографии Суворина безопасности ради, ибо за книгами, выходившими в этой типографии, не было такого придирчивого надзора. Но очень наседать в смысле скорости он на нее не мог». Крумбюгель отмечал также, что корректор издательства «Звено» Парлашкевич был горячим сторонником Ленина и безвозмездно работал над его книгой. Этим не в последнюю очередь объясняется хорошее качество корректур (см.: *Елизарова А.* Письмо в редакцию.— Пролетарская революция, 1930, № 2-3, с. 234).

[2] Переписка семьи Ульяновых, 1883—1917, с. 195.

[3] См. там же, с. 198. Стр. 802а и 802б — это примечание (см. 18, 315).

лист В. И. Вернадский» («это совершенно искажает смысл») надо исправить на «мыслитель-натуралист» (55, 286) [1].

26 марта (8 апреля) Ленин пишет старшей сестре: «...мне *дьявольски* важно, чтобы книга вышла скорее. У меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства» (55, 289). Эти слова объясняются тем, что в июне предстояло заседание редакции «Пролетария», на котором должен был произойти решительный бой Ленина с Богдановым и его сторонниками. Ленин просит сестру «обязательно нанять себе (или «писателю»[2], если ты ему передашь) помощника для специальных посещений типографии и погонянья ее», так как «необходимо *помимо* издателя действовать на типографию» (55, 289).

В письме Ленину 2(15) апреля Анна Ильинична, имея в виду предполагавшийся свой отъезд с серьезно заболевшей матерью на юг, пишет: «Настаиваю усиленно, чтобы мне хотя бы гранки послали все, чтобы все вставки сделать, а сверстанные поручить бы уже писателю»[3]. 9(22) апреля Анна Ильинична и Мария Александровна выехали из Москвы; поэтому всех гранок А. И. Ульянова-Елизарова просмотреть не успела[4]. Авторскую корректуру взял на себя И. И. Скворцов-Степанов.

В апреле — не позднее 18(1 мая)) — издательство завершает печатание книги.

---

[1] Эта опечатка не была тогда ни исправлена, ни оговорена.

[2] Имеется в виду И. И. Скворцов-Степанов.

[3] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 199.

[4] Набор 810—867-й страниц рукописи она отослала Владимиру Ильичу без своих исправлений. «Вклеила вставку к стр. 812 и примечание о Рамсэе к 837-ой. Остальные мелкие примечания передала Леониду Сергеевичу Перес, который взялся прокорректировать оставшиеся 3—4 листа и наблюсти за внесением моих исправлений в сверстанные листы» (там же, с. 200).

21 апреля (4 мая) Ленин получил письмо от Л. С. Переса из Москвы (от 18 апреля (1 мая) с сообщением об окончании печатания книги и скором поступлении ее в продажу, а также о вынужденной уступке издательству, не пожелавшему поместить половину опечаток. Перес обещал прислать авторские экземпляры в Париж к 25—26 апреля (8—9 мая) [1]. Ленин тут же сообщил И. Ф. Дубровинскому: «...книга моя готова. Наконец-то! Ее замедление больше всего меня изнервило» (47, 179).

В конце апреля — начале мая книга «Материализм и эмпириокритицизм» поступила в книжные магазины книготорговой фирмы Суворина в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе и других крупных городах. Вскоре ее держал в руках и Владимир Ильич. «Книгу получил,— пишет Ленин матери 8(21) мая 1909 года.— Издана прекрасно. Все жалуются только на цену (2 р. 60 к.), но это уже, видимо, вина издателя!» (55, 291). Об этом же Ленин пишет и Анне Ильиничне 13(26) мая (см. 55, 291—292).

---

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 475.

IV. ВЫХОД В СВЕТ

Итак, книга наконец напечатана.

Началась тем самым новая эпоха ее жизни — ее *общественная биография*. Началось функционирование ее идей в весьма противоречивом по своим тенденциям потоке социально-философской мысли, в общем контексте национальной и мировой духовной культуры.

Более семидесяти лет прошло с момента выхода ленинского труда «Материализм и эмпириокритицизм» в свет. Существенно изменилась с тех пор социально-политическая действительность: эпоха перехода человечества от капитализма к социализму, начатая Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 года, поставила перед человечеством, перед общественной наукой новые, неведомые ранее теоретические проблемы; развитие научно-технической революции все более настоятельно требует от ученых-философов общетеоретического осмысления новых, неизвестных ранее вопросов; все большую актуальность для философии приобретают так называемые глобальные проблемы современности... А книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», написанная как будто бы всего лишь «на злобу дня», продолжает жить в сегодняшнем общественном сознании, в научной литературе: к ней все чаще обращаются философы и со-

циологи, представители естествознания и политических наук. И книга эта не просто живет сегодня, а все более и более — под влиянием новых запросов развивающейся действительности и науки — раскрывает свой теоретический потенциал[1].

Не только специалистов, но и читателей, впервые берущих в руки философский труд Ленина, не может не поражать прежде всего строгая логичность его построения.

«*Вместо введения*» — полемическое «историко-философское введение», а точнее, убедительное доказательство того факта, что основные доводы некоторых «марксистов»-махистов XX века против материализма, доводы, свидетельствующие будто бы о новаторском, творческом характере их идей, чуть ли не буквально повторяют антиматериалистическую аргументацию английского епископа, откровенного идеалиста Джорджа Беркли (1685—1753).

Три первые главы носят одинаковое название: «Теория познания эмпириокритицизма и диалектического материализма». Ленин сравнивает, сопоставляет здесь основы философии Маркса и Энгельса с исходными положениями гносеологии махизма, показывая их полную противоположность и вместе с тем необходимость для махистов — чтобы не вступить в противоречие с элементарными данными естествознания, с мировоззрением на уровне «здравого смысла» — маскироваться под материализм, что приводит их к эклектизму.

Но почему три главы? Где критерий разделения материала между ними? Ответ найти не трудно: в первой из них Ленин выявляет противоположность махи-

[1] См.: *Ильенков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1980.

стского и материалистического решения основного вопроса философии — о соотношении материи и сознания; во второй — анализирует проблемы собственно теории познания, познаваемости мира, теории истины, то есть проблематику так называемой второй стороны основного вопроса философии; наконец, в третьей освещается качественное различие в трактовке диалектическим материализмом и махизмом некоторых фундаментальных философских категорий: материя и сознание, причинность и необходимость, пространство и время, свобода и необходимость, диалектика отношений между ними.

В *четвертой главе* общетеоретический анализ дополняется историческим: рассматривается место махизма среди остальных философских школ, генезис махистского направления: откуда оно выросло, кто его сторонники, на кого из философов махизм пытается опереться в ходе своей эволюции, куда он растет.

Глава пятая — это анализ гносеологических корней махистского ревизионизма начала XX века, анализ его связи со сложными революционными процессами, происходившими в естествознании того времени, особенно в физике. Ленин убежден: «Разбирать махизм, игнорируя эту связь,— как делает Плеханов,— значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» (18, 265).

Наконец, последняя, *шестая глава* посвящена вопросу о «совместимости» махизма с историческим материализмом и в этой связи — характеристике классовой роли махизма, которая «всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (18, 380).

В кратком *«Заключении»* Ленин раскрывает перед читателями методологию осуществленной им критики махистских воззрений, формулируя те основные «точки зрения», с которых марксист должен подходить к оценке такого рода идей.

В борьбе с махистами Ленин берет себе в союзники Дидро, Фейербаха, Чернышевского, других домарксовых материалистов. Защищая материализм вообще, диалектический в особенности, от идеалистических искажений, он *отстаивает и популяризирует* самые основы философской теории Маркса и Энгельса. И не случайно ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» стал сегодня наряду с классическим произведением Энгельса «Анти-Дюринг» учебником философии для миллионов людей во многих странах мира.

Но мало того: *защищая* философское учение Маркса и Энгельса, Ленин *развивает* его далее. И развитие современной науки — и естественной, и социальной — все более выявляет возрастающую методологическую значимость не только ленинских принципов и приемов критики буржуазной философии и философского ревизионизма и тех выводов, которые он сделал из развертывавшейся на его глазах революции в физике, но и ленинского анализа собственно философских, теоретико-познавательных проблем. Мы с веским основанием говорим: *«ленинское* определение материи», *«ленинская* трактовка диалектики процесса познания», *«ленинское* понимание критерия истины» и т. д., наконец,— *«ленинский* этап в развитии философии марксизма».

Нет, совсем недаром книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» подвергается ныне столь ожесточенным нападкам со стороны многочисленных и разномастных противников или ревизионистских

«улучшателей» диалектического материализма[1]. Эта книга *живет и борется* сегодня на самом переднем крае философской борьбы.

Но тогда, в 1909 году, в год ее выхода в свет, как ее встретили? Какую непосредственную роль играла она в идейных схватках тех дней?

1. Ленин дарит свою книгу

Это так естественно — дарить свои книги близким, друзьям, единомышленникам.

Кому же презентует «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин?

«Дорогой Маняше от автора» — такую надпись делает он на экземпляре, подаренном младшей сестре — М. И. Ульяновой (апрель, не ранее 25 апреля (8 мая) 1909 года)[2].

12 (25) мая через эмигрантскую библиотеку в Женеве экземпляр книги получает от Ленина В. Ф. Горин (Галкин)[3]. «Книжку от автора я получил через библиотеку, и там публика прочла надпись: «Дорогому — от благодарного за указания и советы автора».

Как пишет Горин, он «вычеркнул из надписи слова «благодарного за указания и советы», считая, что он их не заслужил, так как по существу Ленин его «указаний не использовал».

2 декабря 1909 года Ленин пишет И. И. Скворцову-Степанову, что свою «книжку по философии» он по-

---

[1] См.: *Момджян Х. Н.* «Материализм и эмпириокритицизм» и борьба философских и социологических идей.— Работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и современность. М., 1980.

[2] См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле, с. 82.

[3] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 478.

слал ему «тотчас по выходе, т. е. в начале лета...» (47, 223).

Летом 1909 года послана была также книга в Екатеринбург для арестованного в феврале 1908 года видного деятеля большевистской партии И. А. Теодоровича [1].

Тотчас же по выходе, 4(17) мая, Ленин посылает заказной бандеролью книгу в Берлин Розе Люксембург. Днем позже в письме к ней он пишет, что дарит ей свою работу — «на память о нашей беседе по поводу Маха при последнем нашем свидании» (47, 180)[2], и просит дать сообщение о ее выходе в журнале «Neue Zeit». «О нашей внутренней борьбе среди большевиков,— пишет Ленин,— Вы, конечно, слышали от тов. Тышки» (47, 181). Эта просьба связана, конечно, с тем, что Ленин очень хорошо понимал, как важно именно в «Neue Zeit», поместившем в феврале 1908 года статью Богданова «Э. Мах и революция», сообщить теперь о выходе в России книги, содержащей критику Богданова и махистской философии вообще.

В письме к Я. Тышке (ранее 10 июня) Р. Люксембург пишет: «...от Ленина вчера получила (через Фриде[нау]) прилагаемое письмо. Написала ему несколько слов, с «N[eue] Z[eit]» я ему улажу. Книги еще

---

[1] От него она попала к Я. М. Свердлову (см.: *Свердлова К. Т.* Яков Михайлович Свердлов. М., 1957, с. 130). Как предполагает И. С. Розенталь, Ленин, вероятно, знал о недвусмысленной позиции Теодоровича в философских спорах (см.: *Розенталь И. С.* Из истории распространения книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы истории КПСС, 1979, № 7, с. 97). «Эмпириокритицисты и монисты,— писал Теодорович в начале 1909 года,— могут причислить меня к своим отъявленным противникам. Вся никчемность их философии мне теперь ясна, как никогда прежде» (В революционной семье. Красноярск, 1971, с. 138).

[2] Имеется в виду посещение Розы Люксембург Лениным и Крупской в начале января 1908 года.

не получила..»[1]. 11 июня она написала К. Каутскому: «Вот название новой книги Ленина (Ильин — его псевдоним); он хотел, чтобы книга была отмечена среди поступивших книг. Что касается до рецензии, то не заказывай ее никому; может быть, я смогу кого-нибудь рекомендовать, так как ты сам, не желая того, можешь причинить неприятность автору. Но в число «поступивших» книг, а также в литературу о социализме помести книгу теперь же»[2].

Осуждая пропагандировавшийся Богдановым и его философскими единомышленниками махизм, Люксембург все же не до конца понимала позицию Ленина в этом вопросе, хотя некоторое время спустя и отказалась от публикации одной из своих работ в издательстве, контролировавшемся махистами[3], а также, после некоторых колебаний, отказалась читать лекции в созданной ими фракционной школе на Капри.

Правда, рецензию на книгу Ленина в «Neue Zeit» Люксембург так и не организовала (о получении самой книги она сообщила Тышке 3 сентября[4]). Но в перечне литературы по социализму книга Ленина в «Neue Zeit» была упомянута (8 сентября 1909 года)[5].

---

[1] Р. Люксембург и российское рабочее движение (К 100-летию со дня рождения Розы Люксембург).— Вопросы истории КПСС, 1971, № 3, с. 107.

[2] *Люксембург Р.* Письма к Карлу и Луизе Каутским. М., 1925, с. 131—132.

[3] «Он (В. И. Ленин.— *А. В.*) явно счел бы предательством с моей стороны, если бы я доверила издание «эмпириомонизму»,— писала Люксембург Тышке 29 июня 1909 года (Вопросы истории КПСС, 1971, № 3, с. 107).

[4] См. там же, с. 108.

[5] Имеются данные о том, что у Ленина было намерение сделать для «Die Neue Zeit» краткое изложение «Материализма и эмпириокритицизма». «Каутский говорил мне,— утверждал в одном из писем Д. Б. Рязанов,— что Ленин будет сам писать о своей книге для N[eue] Z[eit] нечто вроде Selbstanzeige (само-

Итак, пять известных нам подношений — все такие естественные: три — людям, помогавшим выходу книги, одно — человеку, от которого в определенной степени зависело ее общественное восприятие, одно — товарищу по партии, разделявшему философские позиции автора... Однако это лишь то, что мы знаем. Нет сомнений: круг лиц, которым Ленин преподнес свой труд, был гораздо шире. Вполне допустимо, например, что авторский экземпляр книги получил и В. В. Воровский. Надо искать!..

Хочется верить, что когда-нибудь будет найден экземпляр «Материализма и эмпириокритицизма» с дарственной надписью Ленина Горькому. Думается — это следует из всей логики их отношений в то время,— что такой экземпляр существовал (незадолго перед тем Ленин распорядился послать Горькому, как, впрочем, и Луначарскому, свой «Аграрный вопрос»).

Первое впечатление Горького от появления философского труда Ленина нам известно. В мае (после 4-го) 1909 года он писал И. П. Ладыжникову: «Вышла книга Ленина,— будьте добры выписать мне ее! Автор впал в общую всем современным литераторам ошибку: не видит читателя своего. Оценил книгу в 2 р. 60 к.— кто же ее купит?» ! 27 марта 1910 года Ленин пишет Н. Е. Вилонову: «С Горьким переписки нет. Слышали, что он разочаровался в Богданове и понял фальшь его поведения» (47, 241).

С 18 по 30 июня (с 1 по 13 июля) 1910 года Ленин вторично гостит у Горького на Капри. М. Ф. Андреева

извещения)» (цит. по: *Савицкая Р. М.* Из истории написания и издания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Ученые записки Московского библиотечного института. М., 1960, вып. 6, с. 21).

! Архив А. М. Горького, т. 7, с. 194; см. также с. 196. На самом деле цена книги была определена издательством.

вспоминала об этих днях: «В то время на Капри жили А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. А. Базаров, приехал из Берлина по делам издательства И. П. Ладыжников, старый друг и товарищ наш. Еще когда мы шли от фуникулера до виллы Бэдус, на которой тогда жили, Алексей Максимович заговорил с Владимиром Ильичем о той горячей привязанности, которую питает к нему, Ленину, Богданов, о том, что Луначарский и Базаров изумительно талантливые, умные люди...

Владимир Ильич посмотрел на Алексея Максимовича сбоку, прищурился и очень твердо сказал:

— Не старайтесь, Алексей Максимович. Ничего из этого не выйдет.

Богданов, Базаров и Луначарский неоднократно делали попытки найти пути соглашения с Владимиром Ильичем, но от разговоров на философские темы Владимир Ильич, для которого ясна была полная бесполезность какой-либо дискуссии на данной стадии расхождения, определенно и твердо уклонялся, сколько ни старались втянуть его в такие беседы, в том числе и Алексей Максимович. А ему так хотелось понять суть разногласий, так глубоко волновало его резкое расхождение между товарищами...» После отъезда Ленина «у Горького было грустное настроение, с которым он долго не мог справиться» [1].

Некоторое время спустя, в том же 1910 году, Горький писал о Богданове и его группе А. В. Амфитеатрову: «Я... давно уже отказался от всяких сношений и отношений с ним. И вообще... не хочу встречаться с людьми, неприятными мне»[2]. В конце октября — на-

[1] *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968, с. 123—124.

[2] *Горький А. М.* Собр. соч. В 30-ти т., т. 29, с. 145. О нравственном разрыве Горького с Луначарским и Богдановым писала также М. Ф. Андреева (см.: *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы, с. 185—186).

чале ноября Горький в письме Е. К. Малиновской так отзывается о Богданове: «...интересный писатель, ценный мыслитель, но — в личных отношениях человек неустойчивый, грубый и туповатый»; свои отношения с ним Горький посылает «ко всем чертям»[1]. Правда, разрывая в 1910 году с созданной в декабре 1909 года по инициативе Богданова и Алексинского антипартийной группой «Вперед» и выражая свое отрицательное отношение к ранее изданной собственной повести «Исповедь», Горький все же еще не до конца понимал сущность своей «впередовской» болезни. Ленин однажды написал ему: «...Вы порвали (или как бы порвали) с «впередовцами», не заметив идейных основ «впередовства» (48, 230).

И поэтому Ленин продолжал борьбу за Горького. 22 ноября 1910 года он пишет ему по поводу «Вперед» как «особой фракции махистов-отзовистов»: «Плохого в этой фракции было и есть то, что *идейное* течение отходило и отходит от марксизма, от социал-демократии, не договариваясь однако до разрыва с марксизмом, а только путая» (48, 4). Еще и в 1913 году Ленин очень сомневается в правильности мнения Горького, будто «махизм, богоискательство и все эти штучки увяли навсегда»[2]. А о Богданове Ленин пишет Горькому в феврале 1913 года: «Нет, с ним каши не сваришь! Прочел его «Инженера Мэнни». Тот же махизм... Нет, сей махист безнадежен, как и Луначарский... Ежели бы Луначарского... отделить от Богданова на эстетике... ежели бы да кабы...» (48, 161). И далее: «Насчет учения о материи и ее строении вполн-

[1] Архив А. М. Горького, т. 14, с. 336.

[2] В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, с. 103. Тут же приводится высказывание Ленина: «Не читал новой «Философии живого опыта» Богданова: наверное, тот же махизм в новом наряде...» (48, 141).

не с Вами согласен, что писать об этом надо и что это хорошее средство против «яду, который сосет русская бесформенная душа». Только напрасно зовете Вы этот яд «метафизикой». Его надо звать *идеализмом* и агностицизмом.

А то ведь метафизикой махисты называют материализм! И как раз *куча* виднейших современных физиков *по случаю* «чудес» радия, электронов и т. п. протаскивает *боженьку* — и самого грубого и самого тонкого, в виде философского идеализма» (48, 161). А познакомившись со статьей Луначарского «Любовь и смерть», напечатанной в феврале 1913 года в «Киевской мысли», Ленин пишет Горькому в мае того же года: «А «ваш» Луначарский, хорош!! Ох, хорош! У Метерлинка-де «научный мистицизм»... Или Луначарский с Богдановым уже не ваши?» (48, 180). И еще в ноябре 1913 года Ленин резко высказывается о богостроительских идеях самого Горького (см. 48, 230—233).

2. «Не по дороге»

Выход книги «Материализм и эмпириокритицизм» способствовал оздоровлению обстановки в идейной жизни партии. Знакомство с философским трудом В. И. Ленина помогло многим ее членам преодолеть колебания в отношении к махистской философии, занять верную позицию в теоретической полемике. Вот хотя бы — в качестве иллюстрации — только одно частное свидетельство: «Книга Ильина произвела здесь огромное впечатление на марксистскую публику»[1],— сообщал В. Базарову 22 декабря 1909 года Н. С. Кле-

[1] Цит. по: Очерки истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1967, с. 139.

стов (Ангарский) из села Рыбного на Ангаре, где находилась довольно большая группа ссыльных.

В письме брату от 27 мая 1909 года В. Ф. Горин свидетельствовал о том впечатлении, которое было произведено появлением ленинской работы в среде социал-демократической эмиграции: «...вышла уже книжка Вл. И. (она уже имеется у меня — подарок от автора), и она сразу сбила с панталыку противников (не содержанием, т. к. никто из них еще ее не читал, а фактом резкого выступления уважаемого лица против махистов...)». Здесь же Горин сообщал, что «успели уже народиться и «перебежчики» из прежних махистов, хотя покуда в виде 2—3...».

Ленинский «Материализм и эмпириокритицизм», хоть тираж его был невелик, а цена высока, начали изучать повсюду: в кружках, библиотеках, на разного рода образовательных курсах, в социал-демократических организациях, в тюремных камерах. Один из старых членов партии, Ф. Н. Петров, вспоминал о том, что заключенные в Шлиссельбургской крепости большевики «книгу эту буквально зачитали до дыр» [1]. В московской Таганской тюрьме, по свидетельству большевика Я. П. Корнильева, «была установлена очередь между желающими прочесть это острейшее полемическое произведение». В. Т. Комлев, М. Н. Давиташвили и другие заключенные социал-демократы заполняют выписками из «Материализма и эмпириокритицизма» свои тюремные тетради.

Книга имела успех у читателей центральной России, на Украине (в Киевском политехническом институте проводилась даже дискуссия по ней), она проникла на Кавказ и в далекую Сибирь (причем довольно

---

[1] О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания (1900—1922 гг.). М., 1963, с. 15.

быстро), пересекла Атлантический океан[1]. Заведующий экспедицией «Пролетария» Д. Котляренко писал из Парижа 17 мая 1909 года в Москву в книжный магазин издательства «Звено»: «Желая организовать продажу за границей только что вышедшей из печати книги Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм», прошу Вас прислать мне на комиссию пока экз. 50. Я имею большие связи в русских колониях всех городов Европы и Америки и рассчитываю, что мне удастся распродать не менее 100 экз. этой книги»[2]. Полученные из Москвы экземпляры ленинского труда Котляренко отправлял в Болгарию, Швейцарию, Соединенные Штаты Америки и другие страны. Запросы с просьбами о высылке книги приходили из Бостона, Филадельфии, Берна, Софии.

В 1910 году в Болгарии появился первый перевод отрывка из «Материализма и эмпириокритицизма» на иностранный язык: параграф 5-й («Эрнст Геккель и Эрнст Мах») шестой главы был приложен к болгарскому переводу книги Геккеля «Монизм». Вскоре в журнале «Начало» была напечатана рецензия на книгу Ленина, написанная членом партии тесняков И. Маневым.

Горячо и заинтересованно обсуждали ленинский философский труд польские социал-демократы. Член Главного правления СДКПиЛ А. Малецкий 17 августа 1909 года писал в редакцию журнала «Пшеглёнд социальдемократычны»: «Получил, наконец, книгу

---

[1] См.: *Розенталь И. С.* Из истории распространения книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы истории КПСС, 1979, № 7, с. 97—102.

[2] Цит. по: *Шахназарова К. В.* Новые сведения о ленинских рефератах в 1908 г. и распространении за границей книги «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы истории КПСС, 1975, № 4, с. 121.

Ленина, смогу через неделю-другую послать на нее рецензию, большую, другую — невозможно...» (Рецензия А. Малецкого на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в этом журнале не обнаружена.) Книгу Ленина в марте 1909 года просил прислать ему польский социал-демократ С. Бобинский; в апреле он сообщал, что с интересом читает ленинский труд[1].

В. Ф. Горин в письме брату в начале июня 1909 года сообщал из Женевы: «Петрович (не портной, а товарищ) у меня каждый день читает под моим руководством философию В. Ил., и вот, имея неизмеримо меньшую подготовку, чем ты, он теперь собирается читать доклад о книге этой и несомненно будет иметь успех. Публика страшно интересуется ею, но плохо разбирается, а Петрович теперь несомненно растолкует ее. Если бы ты ее прочел со мною, ты бы мог прямо напечатать хороший отзыв о ней».

В это же время, в июне 1909 года, Горин свидетельствовал: «Махисты страшно подняли голову и собираются даже открыто отделиться от материалистов». 25 июля он замечает, что «Богд[анов] и Луначарский] окончательно поссорились с материалистами» и что в статье, опубликованной во втором выпуске сборника «Литературный распад», Луначарский пишет, будто «формулы марксизма холодны».

И в самом деле: после выступления Ленина лидеры философского ревизионизма не только не сложили оружия, а, наоборот, сделали свои выступления еще более агрессивными. На книгу Ленина вскоре печатно откликнулись Богданов, Базаров, Юшкевич и другие (об этом — дальше). Усилилась богостроительская проповедь Луначарского, особенно в связи с выходом

[1] См.: *Ермолаева Р. А.* К истории распространения произведений В. И. Ленина польскими социал-демократами (1907—1913 гг.).— Вопросы истории КПСС, 1980, № 3, с. 71—72.

горьковской «Исповеди»[1]. Помимо выступлений в печати русские махисты вели борьбу против сторонников диалектического материализма также и во время публичных диспутов. Эти их теоретические выступления сопровождались усилением раскольнической деятельности и в собственно политической области: все активнее проповедовались отзовизм и ультиматизм, на Капри возникла так называемая партийная школа «Вперед», ставшая своеобразным центром все более откалывавшейся от большевиков группы.

В начале 1909 года Ленин, еще сохранявший надежду на преодоление разногласий, призывал к открытому выяснению сложных проблем. В напечатанной в газете «Пролетарий» 12 (25) февраля 1909 года статье «По поводу статьи «К очередным вопросам» он писал: «Наша фракция не должна бояться идейной внутренней борьбы, раз она необходима. Она еще более окрепнет в ней. Мы тем больше *обязаны* выяснять свои расхождения, что фактически наше течение все больше начинает равняться всей нашей партии. К *идейной* ясности зовем мы тт. большевиков и к отметанию всех подпольных сплетен, откуда бы они ни исходили. Подменять идейную борьбу по серьезнейшим, кардинальнейшим вопросам мелкими дрязгами, в духе меньшевиков после второго съезда, есть тьма охотников. В большевистской среде им не должно быть места. Рабочие-большевики должны дать таким попыткам решительный отпор и требовать одного: *идейной ясности, определенных взглядов, принципиальной линии*» (17, 369).

Задаче преодоления разногласий, критике отзовизма и ультиматизма, махизма и богостроительства было

---

[1] См.: *Луначарский А. В.* Двадцать третий выпуск «Знания».— Литературный распад, кн. 2, 1909.

посвящено расширенное заседание редакции газеты «Пролетарий», состоявшееся в Париже 21—30 июня 1909 года. На третьем его заседании, 23 июня, специальному обсуждению был подвергнут вопрос «О богостроительстве».

Как уже отмечалось, несколькими месяцами ранее, 12 (25) февраля, в «Пролетарии» была помещена редакционная статья «Не по дороге», в которой осуждались богостроительские воззрения Луначарского.

Опубликование этой статьи было расценено сторонниками махизма как нарушение договоренности о «нейтральности» партийных изданий по отношению к философской полемике. По этому поводу Луначарским было сделано специальное заявление. В нем говорилось: «В № 42 официального органа большевистской фракции появилась статья без подписи и, следовательно, за ответственностью редакции, озаглавленная: «Не по дороге». Главный тезис этой статьи формулирован недвусмысленно: «С *такими* социалистами нам не по дороге». Одним из *таких* социалистов оказался я. Всякому понятно, что подобная статья имеет характер официального порицания моей литературной деятельности и почти равносильна своеобразной экскоммуникации, отлучению». Далее Луначарский продолжал: «...редакция с радостью ухватилась за «разногласия» и подняла историю, *не сделав ни малейшей попытки избежать ее;* редакция *нарушила философский нейтралитет* «Пролетария»; редакция *бросила мне обвинения в практических отклонениях* от тактики социал-демократии, построив эти обвинения на придирках, выдумках и политических искажениях подлинных слов...» [1]

---

[1] Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». М., 1934, с. 154—155, 159.

Пройдет более двадцати лет, и в 1931 году в статье «В атмосфере реакции» (часть 1. «К вопросу о философской дискуссии 1908—1910 гг.») [1], предназначенной для 2-й книги «Литературного наследства», Луначарский напишет: «В моей уже долгой жизни и в моей довольно обширной литературной деятельности имеется немало ошибок, среди которых есть и серьезные. Но самая моя большая ошибка это именно та, с которой связаны опубликованные в первой книге «Литературного наследства» материалы из протоколов совещаний расширенной редакции «Пролетария»[2].

Признав, что «меньшевики... начали пользоваться философскими ошибками впередовцев, в том числе и моими грубыми заблуждениями, чтобы бросать тень на всю большевистскую фракцию»[3], Луначарский так обрисовал свою позицию первой половины 1909 года: «Контроль партии скоро заставил себя чувствовать. Субъективно он был для меня крайне неожиданным. Когда в «Пролетарии» появилась статья «Не по дороге», я был глубоко огорчен и раздражен. Субъективно мне казалось, что я делаю полезное для партии дело, и некоторое время я продолжал сопротивляться, настаивая на том, что моя концепция есть тот же марксизм, только одетый в особые одежды, рассчитанные на эффект в определенной среде, и что мои определения социализма, мое выражение «богостроительст-

---

[1] Другая часть этой статьи, называвшаяся «Борьба с мародерами», была тогда же напечатана (Литературное наследство, 1932, №2), а та часть, которую мы далее цитируем, сохранилась в машинописной копии у С. А. Макашина и была опубликована лишь в 1970 году (см.: Литературное наследство, т. 82, с. 496).

[2] Литературное наследство, т. 82, с. 497.

[3] Там же, с. 498. Луначарский говорит о 1909 годе, но меньшевики начали «пользоваться» его ошибками гораздо раньше.

во» — нисколько не лишают моей концепции характера самого последовательного атеизма» [1].

Богданов, стремившийся не допустить на страницы «Пролетария» критику богостроительства, тогда же пытался свести все дело лишь к злоупотреблению Луначарским религиозной терминологией, используемой якобы для доходчивости и привлекательности социалистической пропаганды. При этом затенялась органическая связь богостроительства с эмпириокритицизмом. Фактически же, как свидетельствовал Ленин, «позорные вещи, до которых опустился Луначарский,— не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого» (18, 366). «И когда,— писал Ленин,— официальный орган большевизма в редакционной статье заявил, что большевизму *не по дороге* с подобной проповедью (это заявление в печати было сделано после неудачи бесчисленных попыток путем писем и личных бесед побудить к прекращению позорной проповеди),— тогда тов. Максимов (Богданов.— *А. В.*) подал формальный письменный протест в редакцию «Пролетария» (19, 91).

Этот протест был подан в феврале 1909 года в расширенную редакцию «Пролетария» в связи с решением узкой редколлегии поместить на своих страницах статью «Не по дороге». Решение узкой редколлегии Богданов расценивал как нарушение резолюции самой же редакции о «нейтральности» газеты по отношению к философским вопросам. В частности, в своем протесте Богданов писал: «Попытка обойти решение ссылкою на то, что *философская* нейтральность не нарушается борьбою против *религии*, есть явная увертка, потому что в нашей фракции не найдется, я думаю, человека настолько наивного, чтобы смешать *философ-*

[1] Литературное наследство, т. 82, с. 498.

ское употребление Дицгеном, Луначарским и некоторыми другими терминов религиозного происхождения с *религией* в историческом и политическом значении этого слова»[1].

Отстаивая свои позиции и на заседании расширенной редакции «Пролетария», Богданов заявил: «У Луначарского есть, конечно, злоупотребление религиозной терминологией, хотя он и готов отказаться от нее теперь... Что касается меня, то меня всегда приводили в негодование всякие религиозные оболочки и выходки Луначарского, но чисто эстетически. Луначарский хочет великое пролетарское движение втиснуть в авторитарные рамки; я против этого всегда протестовал»[2].

Дело было, конечно, не только в терминологии, что прекрасно, как видим, понимал и Богданов. Интересно, что накануне совещания Горький писал (после 13 (26) мая) Луначарскому с Капри: «Получили ли вы письмо А. А.— пересланное вам отсюда? Ленин явно делает вас центром нападения...»[3]

Что дело отнюдь не в терминологии, показывали и статья Ленина «Об отношении рабочей партии к религии» («Пролетарий» № 45, 13 (26) мая), которую, по-видимому, и имел в виду Горький[4], и выступления других большевиков, в частности В. Л. Шанцера[5].

---

[1] Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария», с. 271.

[2] Там же, с. 42—43.

[3] Архив А. М. Горького, т. 14, с. 49.

[4] «...Политическая линия марксизма...— отмечал Ленин в этой работе,— неразрывно связана с его философскими основами» (17, 418). И далее: «...если писатель начинает проповедовать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К°)», то «партийное осуждение необходимо и обязательно» (17, 423).

[5] См.: Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария», с. 43, а также написанную для «Пролетария», но не опуб-

Не вдаваясь в другие детали, связанные с Совещанием расширенной редакции «Пролетария», отметим лишь, что, осудив отзовизм и ультиматизм, оно вместе с тем определило богостроительское течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях Луначарского, «как течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс...» [1]. В связи с демонстративными протестами Луначарского и Богданова Совещание заявило, что речь идет вовсе не о полемике по спорным вопросам, а о подмене пролетарского социализма, марксизма мелкобуржуазными тенденциями, что борьба с ними должна быть продолжена и впредь. Ссылки Богданова на нарушение редакцией соглашения не помещать философских статей на страницах нелегального органа были признаны совершенно несостоятельными, ибо «борьба со всевозможными формами религиозного сознания и религиозными настроениями, откуда бы они ни исходили, является необходимой и одной из очередных задач руководящего органа фракции, и страницы «Пролетария» ни под каким видом не могли быть закрыты для подобной борьбы...»[2]. Совещание констатировало, что отзовисты и сторонники богостроительства проводят уже по существу раскольническую деятельность, что оно снимает с себя всякую ответственность за политические выступления Богданова, предпринявшего в последнее время целый ряд шагов,

---

ликованную в нем статью Шанцера «Есть же пределы» (Пролетарская революция, 1924, № 6(29), с. 202—207).

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 276—277.

[2] Там же, с. 277.

направленных «к нарушению организационного единства большевистской фракции...» [1].

Так завершился еще один этап борьбы с ревизионизмом внутри партии. Совещание, проходившее после появления «Материализма и эмпириокритицизма», со всей отчетливостью отмежевало марксистскую философию от махизма и его детища — богостроительства, большевизм — от отзовизма. В письме И. И. Скворцову-Степанову (2 декабря 1909 года) Ленин отметил: «Раскол с Максимовым и К° отнял у нас немало сил и времени, но я думаю, что он был неизбежен и будет полезен в конце концов» (47, 223).

Несмотря на осуждение Каприйской школы как нового фракционного центра, Богданов и его сторонники продолжали работу по ее организации. Эта их деятельность получила соответствующую оценку Ленина (см. 19, 90—91, 101—102, 122, 373). Так, анализируя в марте 1910 года платформу группы «Вперед», Ленин писал в статье «Заметки публициста»: «Всем известно, что *на деле* под «пролетарской философией» имеется в виду именно *махизм*,— и всякий толковый социал-демократ сразу раскроет «новый» *псевдоним*. Не к чему было и выдумывать этот псевдоним. Не к чему прятаться за него. На деле самое влиятельное литераторское ядро новой группы есть махистское, которое считает не-махистскую философию не-«пролетарской» (19, 250). Провозглашение группой «Вперед» «пролетарской философии» и «отзовизма» являлось, по Ленину, всего лишь прикрытием антипартийного идейно-политического направления, выражающего «разрыв с марксизмом и подчинение пролетариата буржуазной идеологии и политике» (19, 312—313).

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, с. 284.

3. «Материализм и эмпириокритицизм» и Плеханов

Решения Большевистского центра встретили сочувственное отношение Плеханова. В статье «Нечто о выгодах «генерального межевания» («Дневник социал-демократа», август 1909 года) он писал: «...т. Ленин и его ближайшие единомышленники в самом деле очень хорошо поступили, «отмежевавшись» от Н. Максимовых... и прочих социал-демократических *минусов*... Раскол среди большевиков увеличит силы большевистской фракции» [1].

В переписке Горина содержится любопытное свидетельство об отношении Плеханова к книге Ленина: «Бельтов о ней хорошо отозвался, хотя он в ней здорово задет!»

Об этом же, в сущности, говорится и в письме М. И. Ульяновой от 11 (24) июня 1909 года из Парижа А. И. Елизаровой. Сообщая, что Плеханов вышел из редакции газеты ликвидаторов «Голос социал-демократа», она усматривает главную причину этого в его несочувствии ликвидаторству, которому эта редакция явно мирволит, и при этом добавляет: «...но повлияла немало и философская работа Ильина»[2].

В том, что Плеханов был «задет» ленинской работой, нет ничего удивительного. Особенно он был «задет», по-видимому, следующими словами Ленина: «Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму. За это мелкое и мизерное использование коренных теоретиче-

---

[1] *Плеханов Г. В.* Соч. М.— Л., 1927, т. 19, с. 23.
[2] Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917, с. 206.

ских разногласий он уже поделом наказан — двумя книжками меньшевиков-махистов» (18, 377) [1]. Ленин имел в виду, вероятно, «Философские построения марксизма» Н. Валентинова и книгу П. Юшкевича «Материализм и критический реализм».

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин дал развернутый анализ ряда ошибок Плеханова, под флагом критики которых махисты провозили контрабандой свое отречение от материализма. Особо остановился Ленин на игнорировании Плехановым связи махизма с определенной школой в современной физике, на его ошибке в трактовке понятия «опыт», на так называемых плехановских «иероглифах» и т. д. Однако, как писала Н. К. Крупская, «вся эта очень серьезная критика плехановских ошибок сделана в очень спокойных тонах»[2].

Хотя Плеханов, естественно, и был раздражен ленинской критикой[3], в целом он не мог не оценить положительного значения книги «Материализм и эмпириокритицизм».

---

[1] Место, к которому относится это примечание, по существу с ним не связано. По-видимому, сохраняется не замеченная в свое время опечатка. Из контекста видно, что имеется гораздо больше оснований отнести данное примечание к расположенной чуть далее фразе: «Сравните, в заключение, отзыв о Геккеле Франца Меринга, человека не только желающего, но и умеющего быть марксистом» (18, 377).

[2] Под знаменем марксизма, 1934, № 4, с. 9; см. также: *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 339.

[3] «...Мне очень жаль,— писал Плеханов в сборнике «От обороны к нападению»,— что даже противник идеализма Вл. Ильин счел нужным пройтись в своей книге «Материализм» и т. д. против моих иероглифов: нужно же было ему ставить себя в этом случае за одну скобку с людьми, давшими самые неоспоримые и очевидные доказательства того, что порох выдуман не ими!» (*Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения, т. 3, с. 243. Примечание).

Ленинская линия на «союз» с Плехановым в области философской теории вполне себя оправдала, и не только в отношении критики и разгрома махизма, но даже и в чисто политическом отношении: одним из ее результатов было усиливавшееся сближение с меньшевиками-партийцами в борьбе против ликвидаторства в 1909—1912 годах.

В ответ на получившие распространение в партии превратные суждения о смысле его сближения с Лениным Плеханов писал осенью 1910 года: «Кто в самом деле интересуется моей литературной деятельностью,— а я прежде всего литератор,— тот знает, что мое миросозерцание остается неизменным с тех самых пор, как я сделался марксистом в начале восьмидесятых годов прошлого века... Что же касается, в частности, моих *тактических* взглядов, то и они остаются неизменными с того времени, как вышли в свет главные издания группы «Освобождение труда». Поскольку товарищи «большевики» расходятся со мною в этих взглядах, постольку мы были и останемся *противниками*... Однако иное дело *противник,* а иное дело *враг.* Я не могу не быть *противником* большевиков в известных вопросах. Но я не имею права смотреть на них, как на врагов, уже по одному тому, что мы принадлежим *к одной и той же партии.* И не только *принадлежим* к одной и той же партии. В последнее время мы все чаще выступаем вместе на борьбу за *существование* этой партии. Само собою понятно, что совместное выступление во имя одного и того же практического принципа, имеющего колоссальное значение для всего сознательного пролетариата России, не может не вызывать некоторого взаимного сближения между нами»[1]. И в докладе, прочитанном в Цюрихе 20 июля

[1] Исторический архив, 1956, № 6, с. 15—16.

1911 года для членов РСДРП, анализируя различного рода толки о его отношениях с Лениным, Плеханов указывал: «Мои разногласия с Лениным — *тактического* свойства. В интересах партийного единства я очень хотел бы, чтобы они сгладились» [1].

Махисты из обеих фракций не сумели понять истинного смысла отношений Плеханова и Ленина. Так, Богданов в работе «Десятилетие отлучения от марксизма» писал: «В 1909 году он (Ленин.— *А. В.)* заключил союз с Плехановым, против «оппортунизма» которого раньше ожесточенно воевал, и как залог этого союза дал свою философскую книгу. Она была, в сущности, политическим действием, и критики — я в том числе — были, может быть, неправы, прилагая к ней научно-философскую мерку. Просто надо было пожертвовать старыми друзьями, чтобы закрепить связь с новыми, а чтобы заглушить поднимавшиеся в душе сомнения, понадобилось много, очень много страниц, имен... средства самооглушения и самогипноза». Другой махист, меньшевик П. Юшкевич, в статье «На тему дня» (1909) писал: «В. Ильин — подающий в этом случае руку Плеханову — не останавливается перед весьма сильными выражениями, чтобы заклеймить тлетворную философскую деятельность своих ближайших вообще единомышленников — Богданова и База-

---

[1] Исторический архив, 1956, № 6, с. 22. Правда, говоря о необходимости этого соглашения в области политики, Плеханов все же не хотел признать полной правоты Ленина и продолжал повторять неверные фразы о его якобы бланкистской политической тактике. Так, в неопубликованном письме Х. Раппопорту 15 июня 1910 года он писал: «Что значит «идти до конца»? Заключить союз с Лениным? Это было бы нашим самоубийством. Ленина мы поддержим всякий раз, когда он поступит умно. Но и только. Более тесное сближение с ним невозможно, потому что [он] ведь, в самом деле, бланкист».

рова»[1]. Интересы групповщины закрыли как от Богданова, так и от Юшкевича подлинный смысл ленинской поддержки Плеханова в области философии.

4. Первые отклики

В статье «Наши упразднители» Ленин писал: «Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, *всегда* связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением»— иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма» (20, 127—128). Эта связь отчетливо проявилась и в самом характере восприятия ленинского «Материализма и эмпириокритицизма» в различных слоях российского общества, хотя, надо признать, мы еще мало изучили ту конкретную реакцию, которую вызвала книга Ленина.

Прежде всего отметим, насколько изменилось после выхода «Материализма и эмпириокритицизма» мнение веховцев о русском махизме. Если в «Вехах» философию Богданова и Луначарского просто поносили, то в 1910 году в статье «Философские отклики» (раздел «Философская распря в марксизме») веховец С. Франк отзывался о ней совсем иначе: «...чрезвычайно интересна и поучительна ожесточенная философская распря среди марксистов... Не пытаясь дать здесь общую философскую оценку этой распри, я хотел бы обратить внимание на один любопытный вопрос, обсуждаемый в настоящее время в марксистской литературе. А именно, спор между «материалистами» и «ма-

[1] Вершины, 1909, кн. 1, с. 366.

хистами» в значительной мере сводится к спору о понятии абсолютной истины и абсолютной действительности... В этой борьбе все принципиальные преимущества на стороне махистов. Прежде всего, защищать материализм в настоящее время так трудно,— если не невозможно,— что вскрыть противоречия, неясности, нелепости в суждениях «материалистов» есть дело крайне простое и полемически благодарное. Кроме того, большинство «махистов» — люди серьезные, культурные и привыкшие к действительно философскому мышлению, тогда как «материалисты» взялись за философию больше поневоле, понуждаемые необходимостью отразить ересь». И далее С. Франк утверждал, что поскольку дело идет о том, какое из двух мировоззрений более верно и основательно — материализм или эмпириокритицизм, то для «стоящих вне борющихся сторон совершенно очевидно, что материализм давно уже сражен, повергнут в прах и что даже вся эта распря есть в сущности борьба с призраком, ибо философский материализм есть мертвое тело»[1].

В этих словах Франка, вероятно, нашли свое отра-

[1] Русская мысль, 1910, № 4, отд. II, с. 141, 142. Сравним это с тем, что Франк писал в 1908 году: «Социализм опирается философски на *нигилизм*, т. е. на отрицание всяких объективных ценностей личного и космического бытия, и на вытекающий из него эпикуреизм. И вот, ввиду крушения классической формы нигилизма — материализма, явилась потребность дать ему более свежую формулировку, и эту-то задачу должен выполнить модернизированный позитивизм, представленный «эмпириокритическим» направлением. Однако в оценке эмпириокритицизма, как пригодной основы для нигилистического социализма, точка зрения Плеханова и его школы безусловно более верна, чем упования марксистов-эмпириокритиков... «Пересмотр» философского учения марксизма не может ограничиться тем, что из этого учения будет механически «вынут» материализм и вместо него поставлен эмпириокритицизм... Вместе с уничтожением материализма, напротив, гибнут некоторые из крепчайших устоев марксистского социализма» (Русская мысль, 1908, кн. XII, библиогр. отд., с. 272, 273).

жение рассуждения по поводу философской работы Ленина, содержавшиеся в откликах на нее Богданова, Базарова и Юшкевича [1]. Естественно, что их реакция на нее была резко отрицательной. Еще более характерным является отмеченный в свое время И. К. Луполом «любопытнейший переплет мыслей критиков Ленина, принадлежавших к различным философским лагерям» [2].

Среди всех откликов на труд Ленина в первую очередь обращают на себя внимание специально посвященные ему рецензии.

Уже в мае 1909 года в журнале «Возрождение» (№ 7—8) была напечатана рецензия А—ова (сотрудника журнала А. И. Авраамова), которого И. Луппол отнес к группе плехановцев [3]. Это — наименее критический отзыв со стороны критиков «Материализма и эмпириокритицизма».

Передав в кратких чертах и вполне грамотно содержание книги Ленина — «горячего сторонника философии диалектического материализма», рецензент отметил как «наиболее интересную» пятую ее главу и заключил свой отзыв такими словами: «Рекомендуя философский труд Вл. Ильина всякому желающему познакомиться с тем, как действительно марксистская философия, т. е. диалектический материализм, опровергает «новейший позитивизм» русских махистов-

[1] См.: *Богданов А.* Вера и наука (О книге г. В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»).— В его кн.: Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). М., 1910; *Базаров В.* Вместо предисловия.— В его кн.: На два фронта. Спб., 1910; *Юшкевич П.* Прикажут — и стану акушером, или г. В. Ильин на страже материализма.— В его кн.: Столпы философской ортодоксии. М., 1910.

[2] *Луппол И.* «Материализм и эмпириокритицизм» в оценке встретившей его критики.— Под знаменем марксизма, 1927, № 1, с. 19. Здесь же дан первый в нашей литературе обстоятельный разбор первых откликов на «Материализм и эмпириокритицизм».

[3] См. там же, с. 32.

марксистов и раскрывает его незаконную связь с исторической и экономической теориями Маркса, мы считаем своим долгом, однако, прибавить, что читатель будет сильно разочарован, если будет искать в нем новое, более глубокое трактование диалектического материализма, чем то, какое мы имеем в глубоко продуманных «философских очерках» другого вдумчивого и серьезного «философского» ученика Плеханова, Л. Аксельрода (Ортодокс)»[1]. Таким образом, по Авраамову, Ленин в философии — лишь один из учеников Плеханова, к тому же уступающий Ортодокс. Тем не менее рецензент пишет, что «труд Ильина может оказаться весьма полезным руководством для знакомящихся с философией марксизма»[2].

Из окружения Плеханова вышла и пространная рецензия Л. И. Аксельрод (Современный мир, 1909, № 7), хотя, по ее мнению, Ленин, по существу, не сказал в своей книге «ничего такого, что не было бы высказано раньше» «ортодоксальными марксистами» (разумеется, Плехановым и ею самой). Основное место в рецензии Аксельрод отвела критике, выделив пять «главных ошибок» Ленина: она защищает от него плехановский «иероглифизм» (от которого, кстати говоря, сам Плеханов уже несколько лет тому назад отказался[3]), отстаивает его же ошибочную, отвергнутую

[1] Цит. по: *Ленин В. И.* Соч., изд. 3, т. 13. Примечания, с. 326.

[2] Там же.

[3] См. об этом: Под знаменем марксизма, 1927, № 1, с. 29 и след. Свою идею ощущений как «иероглифов», символов Плеханов выдвинул в 1899 году в полемике с К. Шмидтом. В 1905 году, в примечаниях к работе Энгельса «Людвиг Фейербах...», Плеханов отказался от этой идеи, но, переиздавая статью против К. Шмидта в сборнике «Критика наших критиков» (1906), не счел нужным внести в нее соответствующие изменения. Об этом Плеханов так и написал во втором письме из цикла «Materialismus militans» (Голос социал-демократа, 1908, № 8—9; см.: *Плеханов Г. В.* Соч. М., 1925, т. 17, с. 39).

Лениным трактовку «опыта», критикует ленинское понимание причинности и вопроса о соотношении свободы и необходимости, наконец, особо пишет о «способе полемики» автора. Прямой, причем явной, неправдой было следующее утверждение Аксельрод: «Из русских махистов достается от Ильина больше всего П. Юшкевичу. С Богдановым, Луначарским и Базаровым он обращается куда вежливее. Это, должно быть, потому, что в области политики Ильин, подобно всем махистам-большевикам, сам принимал все свои ощущения и все свои представления за реальную действительность» [1]. В полном противоречии с этим утверждением звучали слова Аксельрод, что в своей книге Ленин «горячо и страстно защищает истину»[2].

С открыто враждебных позиций характеризовали ленинский труд М. Булгаков в «Критическом обозрении» (1909, вып. V, сентябрь) и Ив. Ил—н в «Русских ведомостях» (29 сентября 1909 г., № 222).

Так, М. Булгаков писал: «Неприятную сторону книги... представляет рассмотрение вопросов не только и не столько по существу, сколько с точки зрения, так сказать, социал-демократической благонадежности. При этом оказывается, например, реакционером партийный товарищ г. Ильина и автор единственной настоящей пролетарской философии, г. Богданов...»[3]

[1] Современный мир, 1909, № 7, с. 211. Цит. по: *Ленин В. И.* Соч., изд. 3, т. 13, с. 332.

[2] Там же, с. 333.

[3] Критическое обозрение, 1909, сентябрь. Цит. по: *Ленин В. И.* Соч., изд. 3, т. 13, с. 327. Вряд ли есть основания, как это иногда делается, отождествлять этого Булгакова с С. Н. Булгаковым. Кстати, в письме Горького (июнь 1910 года) к Е. П. Пешковой упоминается Булгаков (см.: Архив А. М. Горького, т. 9, с. 94). В указателе имен приводятся его имя и отчество — Михаил Иванович — и раскрывается политическая принадлежность — эсер (там же, с. 426). В словаре псевдонимов Масанова также упоминается Мих. Ив. Булгаков как автор рецензии на книгу Ленина

Сотрудник газеты «Русские ведомости» Иван Ильин (а вовсе не известный философ-гегельянец И. А. Ильин[1]) видит главный порок книги в том, что «материализм есть для автора последнее и высшее слово философии». Обижаясь за эмпириокритицизм, Ильин считает, что выводы Ленина представляют лишь «субъективный или партийный интерес»[2].

Откликнулись на «Материализм и эмпириокритицизм» и сторонники Ленина. Сразу же после выхода этого труда они попытались использовать все возможные средства для его пропаганды и тем самым для развертывания критики махизма в ленинском духе.

Так, в газете «Бакинские вести» уже 19 мая 1909 года, всего шесть дней спустя после появления в бакинской прессе извещения о поступлении «Материализма и эмпириокритицизма» в книжные магазины, была помещена (за подписью «Т—н») положительная рецензия на книгу Ленина[3]. Откликаясь одним из первых на книгу Ленина, автор писал: «Только что вышла объемистая книга Вл. Ильина, посвященная критике учения Маха и Авенариуса с их русскими учениками. Автор, обладающий солидной эрудицией в философской литературе последних двух веков, достаточно знакомый и с современным состоянием естествознания,

---

и указываются даты его жизни (1884—1910). М. Булгакову принадлежат также рецензии на кн.: *Ант. Морев.* Философская самокритика марксизма. Спб., 1909.— Русская мысль, 1910, апрель; *Л. Фейербах.* О дуализме и бессмертии. Спб., 1908.— Там же, 1909, ноябрь.

[1] Ср. Под знаменем марксизма, 1927, № 1, с. 20.

[2] Цит. по: *Ленин В. И.* Соч., изд. 3, т. 13, с. 328.

[3] При перепечатке ее в журнале «Вопросы истории КПСС» (1969, № 8, публикация Ш. И. Чивадзе) эта рецензия на основании соображений Н. Я. Макеева была приписана Алеше Джапаридзе. Однако в недавно изданном в Баку сборнике Избранных произведений П. А. Джапаридзе (1979), в редколлегию которого входит и Н. Я. Макеев, данная рецензия не помещена.

показывает самым неопровержимым образом, что эти модные «новые» направления в философии далеко не первой молодости являются возвратом к учениям Беркли и Юма, имея за собой, таким образом, 200-летнее прошлое. Учение Маха, Авенариуса, Петцольда и К° есть реакция не только по отношению к научной философии и прежде всего к гносеологии Маркса — Энгельса, но даже по отношению к философии Канта, (непознаваемая) «вещь в себе» которого совершенно отрицается этими представителями «новейшего позитивизма», подменившими реальный, действительно существующий мир комплексом ощущений. Некоторые места у виднейшего их представителя Маха — «сплошной плагиат» у Беркли... Наряду с убийственной, редкой по ясности изложения критикой автор развивает параллельно и взгляды диалектического материализма на разбираемые вопросы, останавливая все свое внимание на коренном вопросе, пропастью лежащем между идеализмом и материализмом, на вопросе об отношении бытия к сознанию.

Русские махисты, эмпириомонисты, эмпириосимволисты и другие, все эти гг. Богдановы, Базаровы, Юшкевичи, Берманы и К°, по мнению Ленина, не усвоили себе даже учений Маха и Авенариуса, на которых они постоянно ссылаются якобы для подтверждения основной идеи исторического материализма и для дальнейшего его развития, и подносят читателю под видом марксизма настоящий,— выражаясь словами автора,— хлам... Хотя марксистская литература на русском языке очень богата, но появление книги Ильина нельзя не приветствовать, видя в ней прекрасное орудие против той кашицы, которой в последнее время кормят среднего русского читателя наши махисты...»

В заключение в рецензии говорилось, что книга Ленина принесет большую пользу читателю, не имею-

щему возможности самостоятельно разобраться в основных вопросах философии, которые в ней прекрасно изложены. По прочтении же книги ему станет значительно легче изучать как марксизм, так и махизм [1].

Почти в это же время в газете «Одесское обозрение» (5 июня 1909 года) была опубликована рецензия [2] на книгу М. Ферворна «Естествознание и миросозерцание. Проблема жизни» (М., 1909) [3]. Эта рецензия содержала отзыв и о «Материализме и эмпириокритицизме». «Критика махизма,— писал рецензент,— представляет особую ценность для России, где целая серия гг. Богдановых, Базаровых, Юшкевичей, Берманов и К°, ушедших от исторического материализма, вносит хаос в умы читателей, давая под видом марксизма «нечто невероятно сбивчивое, путанное и реакционное», и, выступая якобы против Плеханова, в сущности выступает против Маркса и Энгельса» [4].

Такой была первая реакция на книгу Ленина [5].

---

[1] См.: Вопросы истории КПСС, 1969, № 8, с. 113—114.

[2] Автором ее считается В. В. Воровский. См.: *Даниленко В. Д.* В. В. Воровский о книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».— Вопросы философии, 1957, № 3, с. 122.

[3] Макс Ферворн — немецкий физиолог, биолог. По философским взглядам был близок к махизму.

[4] Цит. по: Вопросы философии, 1957, № 3, с. 123.

[5] Возможно, что существуют еще и другие, неизвестные нам отклики. В 1909 году в адрес газеты «Социал-демократ» писал Д. Б. Рязанов (Буквоед) с просьбой выслать ему в Лондон книгу Ленина. Он намеревался написать К. Каутскому, чтобы тот поместил ее в перечне книг, полученных «Neue Zeit», а кроме того, хотел взять на себя ее рецензирование (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 2, с. 481). В том же году «Материализм и эмпириокритицизм» был включен в библиографию к статье «Эмпириокритицизм» (см.: «Малый энциклопедический словарь» изд-ва Брокгауз и Ефрон, изд. 2-е, т. II, вып. IV. Спб., 1909, стлб. 2144).

5. «Разве я обязан на все отвечать?»

После опубликования «Материализма и эмпириокритицизма», решений Совещания расширенной редакции «Пролетария», ряда статей Ленина 1909—1910 годов и некоторых выступлений поддерживавших его членов партии задача борьбы с махистским поветрием в рядах социал-демократов была в общем выполнена. И Ленин больше не вступает в специально-философскую печатную полемику с махистами.

Однако махисты, особенно Богданов, стремились продолжить дискуссию. Об одном из богдановских выступлений В. Ф. Горин писал брату (в начале 1910 года): «...на днях читал реферат Богданов по философии и в расклеенном печатном объявлении вызывал на бой Бельтова, Ильина и меня. Но мы решили бойкотировать реферат, т. к. он стал пускаться в демагогию». Стремясь навязать партии продолжение философской дискуссии, Богданов часто выступал с докладами на философские темы. Так, 29 сентября 1910 года в Женевском клубе социал-демократов большевиков состоялся его доклад «Итоги философской борьбы в русском марксизме». «Борьба философских мнений, начавшаяся несколько лет назад среди русских марксистов, теперь вступает в новую сферу, и пора подвести итоги ее первому очень важному этапу»,— было написано Богдановым на извещении об этом докладе.

В работе Богданова «Десятилетие отлучения от марксизма» содержится любопытное свидетельство: «В своей философской книге он (Ленин.— *А. В.*) напал на меня, как на философа. Я ответил ему не мягким разбором книги...! Один молодой кавказец, явив-

---

! В статье «Вера и наука» (в кн.: Падение великого фетишизма. М., 1910).

шийся из России, спрашивал его, скоро ли он выступит печатно против моей книги. Ильин сказал: «Разве я обязан на все отвечать?»

Разумеется, это совсем не означало равнодушия Ленина к вопросам философии в последующие годы [1]. Вот только один из фактов, почерпнутый из воспоминаний А. В. Луначарского. В августе — сентябре 1910 года он встретился с Лениным на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене. Луначарский приехал туда в качестве представителя группы «Вперед», но в течение всего конгресса работал в тесном контакте с Лениным.

«...Во время наших разговоров на всевозможные темы,— вспоминал Луначарский,— мы очень часто беседовали мирно, и Ленин проявлял всю ту исключительную обаятельность, которую он умел внести в частные товарищеские отношения. Но когда мы заговорили о моих богостроительских домыслах, то Ленин превратился в очень строгого учителя и заговорил в самом резком тоне, не стесняясь в выборе выражений.

Мне кажется, что я и теперь могу передать с большей или меньшей точностью, что́ от него тогда слышал. По крайней мере то, что врезалось в мою память:

«Самое позорное в этой вашей позиции,— говорил мне Ленин,— это то, что вы действительно воображаете, будто делаете честь марксизму, когда называете его величайшей из религий, и будто вы чем-то украша-

---

[1] См., например, письмо Ленина Н. Е. Вилонову от 7 апреля 1910 года, в котором, в частности, говорится: «Теперь в России усиленно переводят всю эту «новейшую» философскую сволочь: Петцольдта и К°, прагматистов и т. д. Это хорошо: когда русская публика и особенно русские рабочие посмотрят *в натуре* на учителей наших Богданова и К°,— они быстро отвернутся и от учителей и от учеников» (47, 246).

ете его, когда, не ограничиваясь этим мерзейшим понятием — религия, еще при помощи разных ухищрений притягиваете туда и позорное слово «бог».

В то время как научный социализм есть нечто прямо противоположное всякой религии, в то время как всякий марксист является беспощадным борцом против религии, вы пытаетесь поставить социализм в одну шеренгу с религией, вы пытаетесь перебрасывать мосты через непроходимые бездны, которые отделяют материализм от всего, хотя бы слабо попахивающего поповством.

Вот это непонимание, повторяю, делает ваши ложные шаги такими отвратительными».

Я пытался слабо защищаться и возражал: «Владимир Ильич, я думал, что социализм выигрывает от раскрытия его этической ценности, от того, что он будет представлен как полный ответ на все религиозные проблемы и, таким образом, как завершитель и разрушитель, ликвидатор всякой религии. Я думал, что так будет по крайней мере в глазах людей, которые, не будучи пролетариями, своими особыми путями ищут дороги к пролетарской истине».

Владимир Ильич с прежней жесткостью подхватил это мое возражение.

«А на что нам симпатии людей, которые могут проникнуться к нам любовью, только если мы навяжем на себя всякое зловонное тряпье старых вреднейших предрассудков, давно уже во всех своих редакциях служащих одним из главных способов держать умы масс в слепоте?»

Я помню, Ленин тут засмеялся, но отнюдь не дружелюбно.

«Нет,— воскликнул он,— такие люди с таким богостроительством не приведут к нам крестьянского медведя. Этот медведь их не пустит назад. Вы скользите

от марксизма в гнуснейшее болото, и если вы не опомнитесь и уже не станет яснее в головах от того удара, который на вас обрушила партия, то, боюсь, вы не сумеете спастись от самой неприглядной судьбы, жертвой которой делались и до вас всякие неустойчивые типы, случайно забредшие в ряды пролетарской партии и потом потерявшиеся черт знает в каком-то историческом мусоре» [1].

Этот факт, как и ряд других, ясно свидетельствует о том, что Ленин вел упорную борьбу за Луначарского. Беспощадно критикуя «впередовцев», он считал, что партия не должна закрывать дверей для тех участников группы, которые увидели свои ошибки и возвращаются «*от* «Вперед» *к* партии» (25, 358), радовался постепенному возвращению их в большевистские ряды. Правда, «впередовские» ошибки, особенно в сфере собственно философской, изживались Луначарским медленно. Не случайно Ленин 30 июля 1912 года в письме Каменеву предлагал подвергнуть критике в «Просвещении» статьи Луначарского о «научном мистицизме», опубликованные в газете «Киевская мысль» (см. 48, 75).

Луначарский готов был признать ненаучной свою богостроительскую терминологию, но еще и в послеоктябрьские годы утверждал, что в ошибочные термины он «вкладывал в сущности совершенно материалистические идеи»[2]. В связи с этим он счел возможным переиздать некоторые главы из книги «Религия и социализм» (под измененным заглавием) [3]. Лишь позже,

---

[1] Литературное наследство, т. 82, с. 499—500.

[2] *Луначарский А. В.* Критические этюды (русская литература). Л., 1925, с. 4.

[3] См.: *Луначарский А. В.* От Спинозы до Маркса. Очерки по истории философии как миросозерцания. М., 1925. Главы из «Религии и социализма», вошедшие в эту книгу, Луначарский

в последние годы своей жизни, Луначарский пришел к безоговорочному выводу о ложности и вредности связанных с богостроительством взглядов.

Что же касается Богданова, то, когда он сделал попытку опубликовать в «Правде» статью «Идеология», написанную с позиций махизма, это вызвало крайне отрицательную реакцию со стороны Ленина (см. 23, 246—247; 24, 307; 48, 190—191, 262—263). В феврале 1914 года Ленин отмечал: «Марксисты убеждены, что совокупность литературной деятельности А. Богданова сводится к попыткам привить сознанию пролетариата подмалеванные идеалистические представления буржуазных философов... Его попытки «изменить» и «подправить» марксизм — разобраны марксистами (чуть выше в качестве оппонентов Богданова упоминались Плеханов и Ленин (Ильин).— *А. В.*) и признаны чуждыми духу современного рабочего движения» (24, 339).

Заслуживает внимания и то, что примерно в это же время в журнале «Современный мир» была опубликована рецензия плехановца В. Ольгина, заканчивавшаяся такими словами: «В 1909 г. В. Ильин, резко критикуя эмпириомонизм нашего автора (Богданова.— *А. В.*), говорил: «Мертвый философский идеализм хватает живого марксиста Богданова». Тогда Вл. Ильин надеялся, что «живой марксист»... способен еще повернуть к диалектическому материализму, и потому он писал: «поживем — увидим, долго ли еще будет расти у Богданова китайская коса махистского идеализма». Прошло четыре года и вот теперь можно видеть: китайская коса идеализма стала у Богданова и толще и длинней, и с этим головным украшением он прогули-

посчитал «непредосудительными». Позже он признал издание этих своих «старых ересей» безусловно недопустимой ошибкой (см.: Литературное наследство, т. 82, с. 500—501).

вается перед российским пролетариатом, «философия» А. Богданова глубоко реакционна. Недаром А. Луначарский нашел, что она есть «прекрасная почва для расцвета религиозного сознания» [1].

Борьба продолжалась... Но главное дело было сделано: махизм, провозглашавшийся его адептами из среды социал-демократии «пролетарской философией», потерпел фиаско.

Ленин выиграл трудный бой.

6. «Долой материализм!», «Старье воскресло!» и т. д.

Появление ленинского «Материализма и эмпириокритицизма» стимулировало дальнейшее развертывание критики махистского философского ревизионизма.

Характерен в этом отношении опыт В. Ф. Горина, о котором мы уже не раз упоминали. Около 1907 года он начал работать над изложением материалистической философии. Значительная часть его труда должна была быть по его замыслу посвящена «критике махизма и т. п. течений». В связи с этим Горин готовил критический разбор учения Богданова и особенно заинтересованно изучал богостроительские воззрения Луначарского. В письмах к брату он констатировал необходимость распространения этой работы и на других махистов. Так, 31 августа 1908 года он писал о том, что работу по философии ему придется расширить, может быть, за счет очерков о Махе, Шуппе и т. д.; затем нужно разобрать Юшкевича, Базарова, Валентинова, Бермана и «кое-кого еще из наших эмпириокритиков».

---

[1] Современный мир, 1913, № 9.

В своей работе по критике махизма Горин пользовался поддержкой и советами Ленина. «...Вл. И. (опытный литератор) находит,— писал Горин 31 августа 1908 года,— что более удобно сначала скопить несколько вещей раньше, чем начать литераторствовать...» Ленин горячо поддержал желание Горина выступить против махистов в печати. «Владимир Ильич предлагает свою моральную поддержку. И у Бельтова (Плеханова.— *А. В.*), видимо, склонность поощрять меня печатно (и без задней мысли напакостить противникам, а просто потому, что проповедь махизма считает величайшим скандалом). Его поддержка еще больше обозлит против меня наших. Но Вл. И. говорит, что я не должен считаться с этим...»

Материалы архива Плеханова также свидетельствуют о поддержке им антимахистских выступлений Горина. В неопубликованной записи прений на реферате Богданова об эмпириомонизме, датируемой приблизительно 1908—1910 годами, Плеханов отмечал: «Горин желает бороться с махистами-большевиками. Это трогательно».

В августе 1910 года в Екатеринославе под псевдонимом Н. Грабовский вышла в свет философская книга Горина «Долой материализм!». Она состоит из двух частей: I. Введение к критике эмпириокритической критики (материалистическая теория познания); II. Философия Луначарского, или эмпириокритическая критика в действии.

Раскрывая в своей книге идеалистический характер махистской ревизии философии марксизма, Горин дважды ссылается на «Материализм и эмпириокритицизм». Восторженно отзываясь о марксистском философском материализме (что и само по себе в тех условиях имело немалое значение), указывая на реакционный характер и социальный вред взглядов махи-

стов, Горин вместе с тем при изложении диалектического материализма допустил ряд ошибок механистического характера. Материализм он трактовал как учение о «принципиальной однородности всех качеств природы», которая представляет собой ряд «степеней одного универсального качества»; диалектика, не желающая, по Горину, «видеть иной разницы между всеми качествами мира, кроме разницы количественной», играет в этом сведении мира к единому материальному качеству (понимаемому как энергия) служебную роль[1]. Во второй части книги Горин справедливо указывал, в частности, на идейные истоки махизма — «перепев юмизма». Он верно отмечал: «Куцей реальной политике радикальной буржуазии как раз по плечу куцая «реальная философия» — позитивизм... Махисты, считающие себя идеологами пролетариата, оказывают против своей воли немалую услугу реакции...»[2]

Махисты недаром считали Горина принадлежащим к группе своих критиков. Так, Богданов в работе «Десятилетие отлучения от марксизма» писал: «Третьим отлучителем из большевиков явился Н. Грабовский, скромный старый марксист, которого всецело соблазнил пример В. Ильина. По образцу книги В. Ильина Грабовский написал свою, тоже довольно большую. Но философ он, если возможно, еще меньше, чем Ильин, а талантом обладает, конечно, меньшим и знаниями также. Читатель, я думаю, не слыхал об этой книге: и я на ней не буду останавливаться»[3].

---

[1] См.: *Грабовский Н.* Долой материализм! (Критика эмпириокритической критики). Екатеринослав, 1910, с. 16, 23.

[2] Там же, с. 171.

[3] Свою книгу Горин переиздал в 1920 году. Посылая ее Ленину, Горин в письме к нему (от 1 апреля 1921 года) напоминал о себе и просил разрешить ему читать систематический курс по философии. 4 апреля Ленин обратился по этому поводу с запис-

Стоит упомянуть здесь и о резкой критике махистской ревизии философии марксизма, содержащейся в книге «Старье воскресло!» Льва Леонова [1]. Личность автора этой книги, к сожалению, не удалось установить. Вполне возможно, что «Лев Леонов» — псевдоним. Следует отметить, что книга написана как ответ на реферат махиста Ф. Н.[2].

«Человек, побуждаемый известными мотивами,— писал Леонов,— стремится охватить своим познанием возможно больший круг вещей и явлений окружающего его мира. На практическом поприще человек, коль скоро он начинает проводить в жизнь свое стремление, неизбежно сталкивается с одним весьма важным вопросом, а именно: возможно ли, вообще, при данных познавательных условиях точное познание или нет, т. е. исчерпываются ли данные нам в опыте вещи и явления теми воззрениями и знаниями о них, которые в данное время имеются у нас? Или, говоря иначе, не остается ли что-либо, чего мы не познаем и что не поддается нашему познанию, или, что то же, не находятся ли вещи вне нашего сознания?»[3]

При рассмотрении данного вопроса автор считает возможными два ответа. «Первый из них заключается в том, что в вещах, явлениях нашей среды не остается ничего, что не исчерпывалось бы нашим познанием, т. е. что вне сознания нет ничего. Второй же ответ гласит как раз обратное, а именно, за бортом сознания

кой к М. Н. Покровскому (см. 52, 126; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1979, т. 10, с. 276).

[1] См.: *Леонов Л.* Старье воскресло! (Ответ на реферат одного махиста Ф. Н.). Тифлис, 1909.

[2] Кто такой Ф. Н., выяснить не удалось. Впервые о книге «Старье воскресло!..» было рассказано в упомянутой ранее диссертации У. Н. Бакирова.

[3] *Леонов Л.* Старье воскресло!.., с. 4—5.

остается целый мир — мир вещей в себе. Представителями первого воззрения (ответа) в новейшей философской литературе являются так называемые эмпириокритики и эмпириомонисты, как-то Р. Авенариус, Э. Мах, А. Богданов и т. д. Представителями второго ответа — материалисты...» [1]

Несмотря на недостатки, книга Леонова написана, по-видимому, под определенным воздействием идей «Материализма и эмпириокритицизма». В ней, как и в труде Ленина, прежде всего рассматриваются идейные истоки учения Маха — Богданова. Прослеживая эволюцию махизма, автор подробно останавливается на воззрениях Беркли, представителей имманентной школы — Леклера, Шуппе, Шуберта-Зольдерна и других. Последовательно рассмотрев взгляды почитателей эмпириокритицизма, Леонов пишет: «Из всего этого ясно, что, с одной стороны, не признается существование вещей вне нашего сознания, а с другой, утверждается тождественность нашего сознания и объекта сознания, т. е. окружающего мира вещей» [2].

Касаясь отношения Маха и Богданова к вопросу о вещи в себе, Л. Леонов приходит к выводу: «На эти вопросы дружным хором вся маховщина in согроге (в полном составе (*лат.*)).— *Ред.*) дает отрицательный ответ, считая понятие «вещь в себе» пустой метафизической фикцией... Как Мах, так и Богданов отмечают, что в объективной действительности нет ни физического, ни психического, как таковых, в действительности, или, что то же, в природе, существуют одни только «нейтральные» или, как их называет Богданов, «непосредственные элементы», лишенные психического и физического характера. В этом пункте сходятся

---

[1] *Леонов Л.* Старье воскресло!.., с. 5.
[2] Там же, с. 11—12.

все махисты в их разнообразных оттенках». Эти рассуждения Леонова созвучны ленинской критике богдановского понимания отношений между «физическим» и «психическим». «Суть идеализма в том,— писал Ленин,— что первоисходным пунктом берется психическое; из него выводится природа *и потом уже* из природы обыкновенное человеческое сознание. Это первоисходное «психическое» всегда оказывается поэтому *мертвой абстракцией*, прикрывающей разжиженную теологию» (18, 238). «Природа с точки зрения Богданова,— указывает Леонов,— совокупность элементов, лишенных физического и психического характера, физических и психических свойств». Критиковал автор и заявление Богданова о том, что общественное бытие и общественное сознание в точном смысле слова тождественны, а также отношение Богданова к проблеме объективности законов. «Богданов не признает объективность законов; по его воззрениям законы вообще не суть составные части свойства реальных явлений... они не даны в нем... а создаются мышлением как средство организовать опыт, гармонически согласовать его в стройное единство» [1].

В конце книги Л. Леонов резюмировал, «что формула «вне сознания нет реальности» безусловно не выдерживает никакой критики, что вещи безусловно существуют an sich (сами по себе, в себе *(нем.)*.— *Ред.)*, что esse (сущность *(лат.)*.— *Ред.)* вещей не совпадает не их percipe (явление *(лат.)*.— *Ред.)*» [2].

Со временем, подвергая критике философию Богданова, его оппоненты все больше пользовались положениями, изложенными в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Так, Вл. Павлов

---

[1] *Леонов Л.* Старье воскресло!., с. 12—13, 21, 29—30.
[2] Там же, с. 78.

(В. П. Милютин) в статье «О некоторых чертах философии А. Богданова» отмечал: «В марксистской литературе установился определенный взгляд на философию А. Богданова. Ее родословная точно установлена, и истинное содержание эмпириокритицизма — его идеализм, противоречия и разрыв с основами марксизма — с достаточной яркостью и убедительностью показаны в трудах Плеханова, Ильина, Л. Аксельрод (Ортодокс) и др. ...Философия «эмпириомонизма» насквозь пропитана мертвой схоластикой в своих «научных» построениях... На эту сторону «эмпириомонизма»—вполне правильно и своевременно—указывал Вл. Ильин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» [1].

Таким образом, следуя ленинской аргументации, и ряд других сторонников философии марксизма твердо отстаивали в годы реакции и нового революционного подъема основополагающие положения диалектического материализма, боролись за теоретические основы партии рабочего класса[2]. И все же приходится признать, что только время раскрыло все теоретическое богатство книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

---

[1] Просвещение, Спб., 1914, № 2.

[2] Заслуживает внимания намерение С. С. Спандаряна переиздать «Материализм и эмпириокритицизм» в 1912 году; его арест, отсутствие необходимых денежных средств помешали осуществлению этого замысла (см.: *Мамиконян К. А.* Большевистские организации Закавказья в период реакции и нового революционного подъема (1907—1914 гг.). Ереван, 1973, с. 139).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Горячо и продуманно написанная книга» — так охарактеризовала однажды ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» Н. К. Крупская, подчеркнувшая одновременно главную задачу этого труда — «защиту основ марксизма» — и международное его значение[1].

Есть несомненная закономерность в том, что «Материализм и эмпириокритицизм» появился именно в период отступления революции, в период политической реакции. В работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) Ленин писал: «Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования. Вот, ведь, и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым эконо-

[1] См.: *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 334.

мическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса. Одним словом, «очередь мысли и разума» наступает иногда в исторические периоды человечества точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям» (12, 331—332).

Ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» и явился высшим проявлением философского творчества вождя русской революции в период ее отступления, результатом напряженной работы его мысли. Ленин мог испытывать удовлетворение: цель, которую он ставил перед собой, берясь за написание книги, была им достигнута.

Конечно, как собственно философское сочинение «Материализм и эмпириокритицизм» заметно отличается от других произведений Ленина. Вместе с тем этот его труд безусловно находится в органическом контексте всего его духовного развития. Он развивает ведущие идеи предшествовавшего периода ленинского теоретического творчества, и в этом смысле мы с полным основанием можем поставить его в связь и с выпусками «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», и с работой «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», и с книгой «Что делать?», хотя прямых цитат из этих произведений мы в «Материализме и эмпириокритицизме», естественно, не найдем.

Ленин лишь однажды ссылается здесь на одно из своих произведений — работу «Аграрный вопрос и «критики Маркса» (в сб.: *Ильин Вл.* Аграрный вопрос. Спб., 1908, ч. I). В первом параграфе второй главы, обращаясь к вопросу о том, как «В. Чернов опровергает Фр. Энгельса», и приводя его утверждение, что «Энгельс, видимо, не был силен в «новейшей» философии», Ленин пишет: «Г-н В. Чернов верен себе. И в экономи-

ческих и в философских вопросах он одинаково похож на тургеневского Ворошилова, уничтожающего то невежественного Каутского, то невежественного Энгельса простой ссылкой на «ученые» имена!» (18, 99). К слову «Каутского» Ленин и делает сноску со ссылкой на то место своего сборника «Аграрный вопрос», где он писал о Чернове: «Как он удивительно похож на тургеневского Ворошилова: помните — в «Дыме» — молодого русского приват-доцента, который совершал променад по заграница, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученейших, редких и редчайших имен? Точь-в-точь наш ученый г. Чернов, который совсем уничтожил этого невежественного Каутского» (5, 147; см. также 5, 148—149)[1].

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин вновь раскрывает эту характерную черту черновских писаний — его «ворошиловские качества» (18, 103; см. также 18, 104, 116, 194, 214—216, 309); причем в «наши Ворошиловы» (18, 215) у Ленина по мере развертывания содержания книги попадают и Валентинов (18, 194) и П. Юшкевич (18, 214—215, 309). Суть этого образа — прикрытие невежества набором ученых слов и имен, стремление «заговорить» читателя, оглушить его звоном слов, отвлечь внимание к ничтожным пустякам *от сути дела»* (18, 214).

Однако связь обоих ленинских произведений, символизируемая использованием одного и того же образа — тургеневского Ворошилова, куда более глубока: речь шла о борьбе с ревизионизмом по всей линии —

---

[1] Первоначально эта цитируемая нами IV глава произведения «Аграрный вопрос и «критики Маркса» была напечатана в декабре 1901 года в журнале «Заря» (№ 2—3).

и в области экономической, и в области философской. Общая тема, общий ход мысли — общие образы [1].

Еще более зрима и органична связь ленинского «Материализма и эмпириокритицизма» со статьями «Партийная организация и партийная литература» (1905), «Марксизм и ревизионизм» (1908), «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908), «Об отношении рабочей партии к религии» (1909). Впрочем, это вполне закономерно: три из этих статей написаны в то же время, когда создавался «Материализм и эмпириокритицизм».

Отголоски идей «Материализма и эмпириокритицизма» слышны и в последующих сочинениях Ленина: «О «Вехах» (1909), «Наши упразднители» (1911), «Памяти Герцена» (1912), «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» (1913), «Три источника и три составных части марксизма» (1913), «Карл Маркс» (1914). Наконец, укажем и на «Философские тетради».

---

[1] Поскольку мы заговорили об образности ленинской речи, укажем еще на один любопытный факт. Завершая пятый параграф первой главы, Ленин пишет: «Русские махисты окажутся скоро похожими на любителей моды, которые восторгаются изношенной уже буржуазными философами Европы шляпкой» (18, 92). Сравним эти слова с высказыванием Ленина в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905): «Бедная Россия! Про нее говорили, что она всегда носит старомодные и выкинутые Европой шляпки. Парламента еще у нас нет, его даже и Булыгин не посулил, а парламентского кретинизма сколько угодно» (11, 53). Но кто же так говорил о России? Как установлено советскими литературоведами, в обоих случаях Ленин цитирует (по памяти) статью Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?»: «Мы и без того играли относительно Западной Европы роль кухарки, получающей от барыни по наследству старомодные шляпки» (*Михайловский Н. К.* Соч. Спб., 1896, т. 1, с. 1617). См. подробнее: *Фойницкий В. Н.* О некоторых источниках фразеологии произведений В. И. Ленина.— Русская литература, 1980, № 1, с. 105.

Ленинские «Философские тетради» создавались в существенно изменившихся исторических условиях и преследовали иную исследовательскую цель, чем та, которая была реализована в «Материализме и эмпириокритицизме», а именно: выяснение качественного отличия марксистской диалектики от квазидиалектических методов, форм и приемов мышления — софистики, эклектики и эволюционизма теоретиков II Интернационала, ставших социал-шовинистами, прежде всего Плеханова и Каутского[1]. Вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что «Философские тетради» — при всей их фрагментарности, незаконченности, конспективности — знаменуют собой восхождение ленинской философской мысли на новую ступень развития. При этом с «Материализмом и эмпириокритицизмом» их роднит общая обоим этим произведениям магистральная идея — «идея единства бытия и познания, единства, заключающегося в диалектической природе объективного мира и его отражения в человеческом познании»[2]. Многие темы, лишь намеченные в «Материализме и эмпириокритицизме», находят в «Философских тетрадях» свое блестящее продолжение и раскрытие в плане разработки фундаментальной для Ленина концепции единства диалектики, логики и теории познания, единства метода и теории, диалектики и материализма в философии марксизма[3]. Уже одно это опровергает домыслы современных противников ленинизма об отказе создателя «Философских тетрадей» от тео-

---

[1] См.: *Розенталь М. М.* Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976, гл. 1.

[2] *Розенталь М.* Ленинская диалектика сегодня. М., 1970, с. 16.

[3] Подробнее см.: *Быстрин В. О.* От «Материализма и эмпириокритицизма» к «Философским тетрадям» (Преемственность в развитии диалектического материализма в важнейших философских трудах В. И. Ленина). М., 1973.

рии отражения, так досконально разработанной им в «Материализме и эмпириокритицизме», их попытки вбить клин между этими двумя философскими произведениями.

Переиздание книги «Материализм и эмпириокритицизм» в 1920 году и конечно же философское завещание Ленина — его статья «О значении воинствующего материализма» (1922) ясно показывают: и в конце своей жизни по существу ни от чего в своем философском труде, созданном в 1908 году, он не отказывался.

И будто сегодня написаны слова, которыми Ленин заканчивал свою книгу: «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» (18, 380).

Авенариус Р.— 11—14, 16—21, 27, 29, 31, 32, 46—48, 59, 64, 74, 76—78, 86—88, 106, 118, 166, 167, 178
Авраамов А. И.— 163, 164
Аврамов (Абрамов) Р. П.— 68, 69, 93
Адлер Ф.— 98, 99
Аксельрод И. И.— 35
Аксельрод Л. И. (Ортодокс) — 8, 18, 25, 27, 28, 33—37, 49, 80, 81, 83, 86, 90, 98, 115, 164, 165, 180
Аксельрод П. Б.— 16, 17, 82
Алексинский Г. А.— 117, 145
Амфитеатров А. В.— 144
Ангарский (Клестов) Н. С.— 120, 121, 146—147
Андреева М. Ф.— 143, 144
Анна Ильинична — см. Ульянова-Елизарова А. И.
Андреевич (Соловьев Е. А.) — 87
Анюта — см. Ульянова-Елизарова А. И.

Базаров В. А.— 24, 34, 39, 40, 46, 63, 80, 81, 83, 94, 95, 102, 106, 108, 111, 113, 117, 124, 125, 127, 130, 133, 144, 146, 149, 160, 163, 165, 167, 168, 174
Бакиров У. Н.— 5, 9, 45, 177
Беккер И. Ф.— 54
Бельтов — см. Плеханов Г. В.
Бендианидзе — 99
Бердяев Н. А.— 15, 19, 25, 26, 29, 30, 62, 74
Беркли Д.— 137, 167, 178
Берман Я. А.— 82, 83, 94, 167, 168, 174
Бернштейн Э.— 24—25, 82, 83, 120
Бехер Э.— 128
Бобинский С. Я.— 149
Богданов (Малиновский) А. А. (Н. Максимов, Рядовой) — 6, 8, 19, 21, 22, 24—46, 49—54, 59—63, 67, 68, 70, 72—77, 79—85, 88—92, 94, 95, 98, 100—102, 105, 106, 108, 110—117, 119, 125, 127, 130—134, 141—146, 149, 153—157, 160, 161, 163, 165, 167—170, 173—176, 178—180
Бонч-Бруевич В. Д.— 18, 43, 50, 76, 77, 92, 123, 124, 126, 129
Борецкая (Рысс) Э.— 13—14
Брокгауз Ф. А.— 14, 168
Брюсов В. Я.— 67, 71
Булгаков М. И.— 165, 166
Булгаков С. Н.— 15, 26, 30, 95, 96, 165
Булыгин А. Г.— 184
Буренин Н. Е.— 70
Быстрин В. О.— 185

Валентинов Н. (Вольский Н. В.) — 42, 43, 82, 86—89, 99, 128, 130, 158, 174, 183
Вернадский В. И.— 134
Вилонов Н. Е.— 143, 170
Виндельбанд В.— 85
Водовозов В. В.— 62
Воинов — см. Луначарский А. В.

Володин А. И.— 8
Вольтер (Аруэ) Ф. М.— 8
Воровский В. В.— 40, 48, 117, 118, 143, 168
Вундт В.— 13, 20, 79

Ганьебин Б.— 43
Гапочка М. П.— 66
Гегель Г. В. Ф.—23, 58, 112
Геккель Э.— 148, 158
Гельфонд О. И.— 94
Герцен А. И.— 184
Геффдинг Г.— 79
Гиппиус З. Н.— 67
Горин (Галкин) В. Ф. (Н. Грабовский) — 8, 89—91, 95, 110, 116—118, 120, 122—124, 126, 131, 140, 147, 149, 157, 169, 174—176
Горький А. М.—5, 22, 25, 33, 37, 39, 42, 43, 52, 66—73, 85, 89, 94—97, 101—103, 105—109, 112, 113, 121, 124—126, 129, 143—146, 154, 165
Грабовский Н.— см. Горин (Галкин) В. Ф.
Гранат А. Н.—92, 120, 122
Гранат И. Н.—92, 120, 122

Давиташвили М. Н.— 147
Дан (Гурвич) Ф. И.— 36
Даниленко В. Д.— 168
Дауге П. Г.— 54, 116, 124
Деборин (Иоффе) А. М.— 4, 86, 90, 91, 98, 114, 115
Дейч Г. М.— 5
Декарт Р.— 104
Джапаридзе П. А.— 166
Дидро Д.— 139
Дицген (Дитцген) И.— 49, 50, 54, 63, 73, 81, 94, 99, 104, 154, 184
Дубровинский И. Ф.— 92, 101, 106, 113—115, 117, 135
Дюринг Е.— 11, 87

Елизаров М. Т.— 132
Елизарова А. И.— см. Ульянова-Елизарова А. И.
Ермолаев И. Е. (Вологжанин) — 29
Ермолаева Р. А.— 149
Ефрон И. А.— 14, 168

Зайцев Д.— 64
Засулич В. И.— 36
Зорге Ф. А.— 54

Ибервег Ф.— 43
Иерузалем В.— 13
Изгоев (Ланде) А. С.—61
Ильенков Э. В.— 137
Ильин Вл.— см. Ленин В. И.
Ильин И.— 165, 166
Ильин И. А.— 166

Каменев (Розенфельд) Л. Б.— 172
Кант И.—23, 58, 67, 78, 97, 167
Карстаньен Ф.— 11—13
Каутская Л.— 142
Каутский К.—98—100, 120, 142, 168, 183, 185
Кауфман М.— 13
Кедров М. С.— 121
Клестов — см. Ангарский Н. С.
Кнунянц Б. М.— 39
Кодис И.— 13
Кольберг В. Н.— 85
Комлев В. Т.— 147
Конт О.— 11
Корнильев Я. П.— 147
Костин А. Ф.— 38

Котляр Г. А.— 63
Котляренко Д. М.— 130, 148
Кохно И. П.— 19
Красин Л. Б. (Николаев) — 131
Крумбюгель Л. О.— 120, 129, 133
Крупская Н. К.— 22, 39, 48, 54, 93, 95—97, 113, 124, 129, 141, 158, 181
Кудрявцев А. С.—43, 105, 117
Кузько В. А.— 89
Куликов Н. А.— 5, 42

Лабриола А.— 54, 63, 64, 69
Ладыжников И. П.—68, 70, 112, 143, 144
Ланге Ф. А.— 11
Лапшин И. И.— 14
Левин К.— 32
Левицкий В. А.— 125
Леклер А.— 178
Ленгник Ф. В.—22, 23
Ленин В. И. (Вл. Ильин, Н. Ленин, Тулин, Фрей) — 3—7, 9, 10, 12, 21—28, 33—59, 63, 64, 66—68, 72, 73, 75, 76, 82, 85, 89, 92—97, 100—150, 153, 154, 156—161, 163—186
Леонов Л.— 177—179
Лепешинский П. Н.— 23, 51
Лесевич В. В.—10, 11, 16
Литвинов М. М.— 48
Лопатин Л. М.— 14
Луначарский А. В. (Воинов) — 5, 14—21, 29, 32—34, 38—41, 45—47, 49, 50, 52, 53, 59, 61—68, 70—72, 74, 79—83, 85, 87, 89, 91, 92, 94, 95, 102, 103, 105, 108—115, 117, 124, 125, 127, 131, 132, 143—146, 149—155, 161, 165, 170, 172, 174, 175
Луппол И. К.— 4, 163
Львович Г. Ф.— 120
Люксембург Р.— 18, 64, 93, 108, 141, 142
Лядов М. Н.— 38

Макашин С. А.— 152
Макеев И. Я.— 166
Максимов Н.— см. Богданов А. А.
Малахов Р.— 4
Малецкий А.— 148, 149
Малиновская А. А.— 29, 63
Малиновская Е. К.— 145
Малиновский А. А.— см. Богданов А. А.
Мамиконян К. А.— 180
Манев И.— 148
Мария Александровна — см. Ульянова М. А.
Маркс К.— 15—18, 22—24, 31, 32, 45—48, 54, 55, 58, 61, 65, 68, 73, 75, 77, 78, 82, 84, 85, 87, 88, 90, 94, 97—99, 109, 137, 139, 164, 167, 168, 172, 182—184
Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) (Берг) — 28, 36
Масанов И. Ф.— 165
Маслов П. П.— 34
Мах Э.—10, 11, 13—15, 18—21, 26, 29, 31, 32, 34, 36, 43, 46—48, 51, 52, 59, 60, 74, 77, 78, 86—88, 95, 97—100, 104, 108, 117, 141, 148, 157, 166, 167, 174, 178
Меламед — 82
Меринг Ф.— 158
Метерлинк М.— 146
Милль Д. С.— 11
Михайловский Н. К.— 22, 184
Момджян Х. Н.— 140
Морев А.— 166

Ницше Ф.— 67
Новиков В. В.— 16

Ольгин В. (Фомин В. П.) — 173
Ольминский (Александров) М. С.—47, 51, 92
Орджоникидзе Г. К.— 119
Ортодокс — см. Аксельрод Л. И.
Оствальд В. Ф.—20, 21, 26

Павлов Вл. (Милютин В. П.) — 179—180
Парлашкевич— 133
Паульсен Ф.— 43
Перес Л. С.— 134, 135
Петров Ф. Н.— 147
Петрович — 149
Петцольдт Й.— 63, 64, 167, 170
Пешкова Е. П.— 85, 94, 165
Писатель — см. Скворцов-Степанов И. И.
Плеханов Г. В. (Бельтов) — 9, 17, 18, 22, 24—28, 33—37, 41, 43, 45—52, 74—87, 89, 90, 95, 98, 99, 104—106, 110, 111, 115, 119, 125, 138, 158—162, 164, 168, 169, 173, 175, 180, 185
Плеханова Р. М.— 82
Покровский М. Н.— 177
Потресов А. Н. (Старовер) — 25, 36, 56, 96
Пуришкевич В. М.— 130
Пятницкий К. П.— 69—73, 121, 124—126, 128

Рамсэй У.— 133, 134
Раппопорт Х.— 160
Ремизов А. М.— 19
Риккерт Г.— 67
Риль А.— 13, 14, 27
Рожков Н. А.—39, 54, 80, 86
Розенталь И. С.— 5, 128, 141, 148
Розенталь М. М.— 185
Рыбак А. (Тарасевич А. А.) — 79
Рязанов (Гольдендах) Д. Б. (Буквоед) — 142, 168

Савинков Б. В.— 19
Савицкая Р. М.— 4, 143
Свердлов Я. М.— 141
Свердлова К. Т.— 141
Скворцов-Степанов И. И. (Писатель, Степанов) — 113, 124—126, 132, 134, 140, 156
Скобеев А.— 79
Сорин В. Г.— 29
Спандарян С. С.— 180
Спенсер Г.— 15, 17
Спиноза Б.— 20, 172
Сталин И. В.—73, 119
Столпнер Б. Г.— 80
Струве П. Б.— 26, 96
Суворин А. С.— 133, 135
Суворов С. А.— 19, 30, 39, 83, 94

Теодорович И. А.— 141
Тихомиров П. В.— 14
Ткачев П. Н.— 14
Толстой Л. Н.— 8, 184
Торошелидзе М. Г.— 119
Тышка Я. (Грозовский) — 18, 108, 141, 142

Ульянов Д. И.— 24
Ульянова М. А. (Мария Александровна) — 116, 129, 134
Ульянова М. И.— 118, 120, 131, 140, 157

Ульянова-Елизарова А. И. (Анна Ильинична, Анюта) — 115, 116, 120—122, 124—126, 128—135, 157
Унтерман Э.— 54

Фейербах Л.— 17, 47, 58, 75, 77, 87, 104, 139, 164, 166
Ферворн М.—73, 168
Филиппов М. М.— 10, 12—14
Финн А. (Финн-Енотаевский А. Ю.) — 34, 80
Фойницкий В. Н.— 184
Франк С. Л.— 161, 162
Фриденау — 141
Фриче В. М.— 34

Цхакая М. Г.—73, 119

Челпанов Г. И.—12, 118
Чернов В. М.— 86, 127, 132, 182, 183
Чернышевский Н. Г.— 132, 133, 139
Чивадзе Ш. И.— 166

Шанцер В. Л.— 154, 155
Шаумян С. Г.— 111, 119
Шахматов Б. М.— 14
Шахназарова К. В.—5, 148
Шишкин Н. И.— 12, 14
Шмидт К.— 164
Шопенгауэр А.— 23
Шпир А. А.— 13
Штаммлер Р.— 96
Шуберт-Зольдерн Р.— 178
Шулятиков В. М.—34, 104
Шуппе В.— 174, 178

Щеголев П. Е.— 19

Энгельмейер Н. К.— 14
Энгельс Ф.— 22, 23, 45, 47, 50, 54, 55, 63, 65, 73, 75—77, 80, 84, 87, 88, 90, 94, 97, 98, 104, 105, 137—139, 164, 167, 168, 182, 183
Эсаиашвили В. Г.— 119

Юм Д.—23, 167
Юшкевич П. С.— 80, 82, 83, 86, 89, 90, 94, 123, 127, 130, 149, 158, 160, 161, 163, 165, 167, 168, 174, 183

Содержание

От автора 3

I. Капуны 10

1. В. В. Лесевич, М. М. Филиппов и другие 14
2. Молодой Луначарский учится у Авенариуса 21
3. Как Ленин отнесся к первым работам Богданова 28
4. «Новая разновидность ревизионизма» 29
5. «Блок» 37
6. «В такой момент залезать специально в философию!?» 45
7. «...Письмецо по философии...» 51

II. Тревога 55

1. Необходимость «философской разборки» 56
2. «Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха?» 60
3. А что же Горький? 67
4. «...Вы находитесь именно вне пределов марксизма» 73
5. «Философия искаженного большевизма»? 86

III. Рождение 92

1. «...Зачем уже так нас обижать...» 93
2. «Бой *абсолютно* неизбежен» 105
3. Вопросы референту 113
4. «Поработал я много над махистами...» 115
5. «Недели в две закончу пересмотр...» 122
6. Рукопись отослана — работа продолжается 123
7. «...*Дьявольски* важно, чтобы книга вышла скорее» 130

IV. Выход в свет 136

1. Ленин дарит свою книгу 140
2. «Не по дороге» 146
3. «Материализм и эмпириокритицизм» и Плеханов 157
4. Первые отклики 161
5. «Разве я обязан на все отвечать?» 169
6. «Долой материализм!», «Старье воскресло!» и т. д. 174

Вместо заключения 181

Указатель имен 187

35 коп.

Женева, ул. де-Де-Пон, где с января до мая 1908 г. жил В. И. Ленин.

Лондон. Библиотека Британского музея, в которой В. И. Ленин работал над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» в мае 1908 г.

Издательство политической литературы